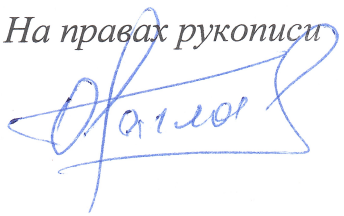
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации

На правах рукописи

Гаглоев Олег Феликсович

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ДВОЙНОГО ГРАЖДАНСТВА

Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Специальность: 5.1.5 – Международно-правовые науки.

Научный руководитель: доктор юридических наук
Исполинов Алексей Станиславович

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Общая характеристика института двойного гражданства в международном праве

1. Понятие и содержание института двойного гражданства 20

2. Возникновение двойного гражданства 41

3. Институт двойного гражданства в современном международном праве 58

Глава II. Международно-правовое регулирование и практическое применение института двойного гражданства на национальном уровне

1. Развитие международно-правового регулирования двойного гражданства 70

2. Двойное гражданство в Российской Федерации 105

3. Двойное гражданство в практике зарубежных государств 122

Глава III. Международно-правовое регулирование двойного гражданства в особых случаях

1. Дипломатическая и консульская защита лиц с двойным гражданством 138

2. Двойное гражданство иностранного инвестора 156

3. Гражданство Европейского Союза как особая форма двойного гражданства 172

4. Двойное гражданство в непризнанных и частично признанных государствах 194

Заключение 216

Библиографический список 223

Введение

Актуальность темы диссертации. С начала 90-х годов XX века, когда в международных отношениях и, как следствие, в международных правовых отношениях, произошли коренные перемены, не утихают дискуссии по вопросу двойного гражданства. Если ранее, с начала XX века и, особенно, в разгар холодной войны, отношение к наличию у физического лица двойного гражданства было, во многом, предвзято негативным, а политика государств была преимущественно направлена на сокращение случаев приобретения индивидами двойного гражданства и минимизацию возникновения ситуаций, связанных с ним, то, с течением времени, отношение к двойному гражданству изменилось.

В XXI веке вектор дебатов об институте двойного гражданства существенным образом изменил свое направление на прямо противоположное, что привело к утрате актуальности существовавшего мнения о том, что институт двойного гражданства негативно сказывается на степени лояльности индивида к государствам. Это неизбежно и самым радикальным образом сказалось на соответствующей практике государств. Если в 1990 году количество разрешающих двойное гражданство стран в Европе и на американском континенте не превышало 25, то к 2016 их число уже превышало 80%, что говорит о том, что согласие государств с наличием двойного гражданства стало мировым трендом. Получило распространение практика «компенсационного» двойного гражданства, которое служит дополнением к основному гражданству (страны постоянного проживания), а не его заменой. Большинство людей, получающих гражданство такого типа, не эмигрируют, а целью получения такого второго гражданства желание обеспечить себе своего рода «страховой полис», получить паспорт более «высокого статуса» и расширить тем самым возможности, которые не может предоставить им их основное гражданство.

Институт двойного гражданства все чаще рассматривается в качестве неизбежного результата глобализации[1], усиление процессов которой привело к росту международной миграции. Снижение со стороны государств контроля за пересечением границ и рост миграционных потоков привело к увеличению количества случаев натурализации физических лиц при сохранении ими гражданства государства происхождения. Свободное передвижение капиталов стало сильным аргументом в пользу мотивированного получения второго гражданства в целях облегчения предпринимательской деятельности гражданина или подданого одного государства на территории другого (других).

Дополнительную актуальность исследованию института двойного гражданства придают происходящие в настоящее время трансформации международных отношений, сопровождающиеся одновременным развитием разнонаправленных интеграционных и дезинтеграционных процессов. Если на предшествующем этапе расширение трансграничной мобильности населения, миграционных потоков и международных связей способствовало преимущественно либерализации отношения государств к множественному гражданству, то современная практика демонстрирует существенно более сложную картину. Наряду с углублением региональной интеграции и формированием особых режимов правовой принадлежности усиливается значение вопросов государственной лояльности, национальной безопасности, исполнения публично-правовых обязанностей и определения пределов распространения государственной юрисдикции на лиц, одновременно связанных гражданством с несколькими государствами. В этих условиях двойное гражданство приобретает значение не только как форма правовой связи личности с несколькими государствами, но и как один из институтов, в рамках которого особенно отчетливо проявляется необходимость

[1] См. подробнее: Pogonyi, Szabolcs. Dual Citizenship and Sovereignty. // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. № 39(5). 2011. P. 685-704.

согласования государственного суверенитета, международно-правового сотрудничества и защиты прав личности.

При этом современное международно-правовое регулирование множественного гражданства не развивается по единой модели. Подходы государств существенно различаются и во многом обусловлены историческими, политическими, культурными и интеграционными связями между ними. Показательна в этом отношении практика Испании, законодательство и международные договоры которой предусматривают особый режим в отношении граждан государств Латинской Америки и иных стран, связанных с Испанией историко-культурной общностью, допуская сохранение либо приобретение второго гражданства на условиях, отличающихся от общего режима. В свою очередь, в рамках Европейского Союза национальное гражданство государства-члена служит основанием возникновения самостоятельного наднационального статуса гражданина Союза. Существование подобных моделей наряду с более ограничительными подходами других государств свидетельствует о дифференциации правовых режимов множественной принадлежности и ставит вопрос о пределах универсализации международно-правового регулирования двойного гражданства. Тем самым актуальность исследования определяется уже не только распространением самого феномена двойного и множественного гражданства, но и необходимостью выявления закономерностей формирования различных международно-правовых режимов его признания и регулирования в условиях трансформации современного международного правопорядка.

Значительное влияние на актуальность вопросов двойного гражданства, а также гражданства в целом, оказала очередная волна миграционных процессов и, в первую очередь, европейский миграционный кризис, разразившийся в конце 2015 года.

Изменение отношения к институту двойного гражданства отображается, в частности, в содержании некоторых многосторонних и двусторонних

международных межгосударственных договоров. Можно привести пример Конвенции 1963 года о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства, которая, как следует и из названия, была однозначно направлена на сокращение числа случаев двойного гражданства, и Европейской конвенции о гражданстве 1997 года, которая рассматривает двойное гражданство в качестве компонента международно-правового статуса личности.

Если весь массив подписанных Советским Союзом двусторонних международных договоров по вопросам двойного гражданства предусматривал постепенное сокращение и, в перспективе, избежание таких случаев, то уже в 1990-х годах Российская Федерация меняет свою позицию по данному вопросу и заключает ряд двусторонних международных договоров, явным образом допускающих случаи двойного гражданства.

При этом в доктрине институт двойного гражданства остается предметом непрекращающихся споров и противоречий, что подтверждается расхождениями даже в судебной практике международных судов и арбитражей.

Это фундаментальное расхождение мнений между сторонниками двойного гражданства (позитивное отношение) и его противниками (негативное отношение) – оказывает постоянное влияние не только на научные дискуссии, но и на государственную политику. В результате, политика отдельных стран в отношении двойного гражданства исторически была и продолжает оставаться весьма непостоянной и изменчивой, отражая колебания между принципами суверенитета и правами человека. В конечном итоге, такая высокая изменчивость политики правительств стран в отношении случаев двойного гражданства весьма негативно сказывается на правовом статусе граждан, обладающих двойным или множественным гражданством. Этот дестабилизирующий фактор усугубляется отсутствием адекватной международно-правовой базы, которая бы четко определяла и защищала

положение лиц с двойным и множественным гражданством. Большинство заключенных на сегодняшний день многосторонних международных договоров по вопросу двойного гражданства или ее отдельных аспектов, носят региональный характер и ратифицированы относительно небольшим количеством государств.

В отсутствие должного международно-правового регулирования статуса лиц с двойным гражданством, как правило, возникают проблемы, связанные с их дипломатической и консульской защитой, ограничением прав на участие в управлении государством, гражданами которого являются, необходимостью исполнения ими воинской обязанности в вооруженных силах обоих государствах гражданства и прочие.

Как следствие, граждане сталкиваются с комплексом юридических и практических проблем: возникают пробелы и коллизии в обеспечении их дипломатической и консульской защиты, поскольку государства имеют различное представление о том, какое гражданство является «эффективным»; лица могут подвергаться необоснованным ограничениям прав на участие в управлении государством (например, запрет занимать определенные должности) из-за опасений относительно их лояльности. Одной из наиболее сложных проблем является необходимость исполнения воинской обязанности в вооруженных силах обоих государств гражданства, что может повлечь за собой серьезные личные и правовые последствия. Дополнительные трудности могут возникать касательно налогообложения, социального обеспечения и наследования у лиц с двойным гражданством.

Таким образом, несмотря на наличие значительного количества многосторонних и двусторонних международно-правовых актов, правовой статус бипатридов, остается дискуссионным, противоречивым и неурегулированным должным образом, превращая зачастую множественное гражданство из потенциального преимущества в источник постоянного правового риска и ущемления прав физических лиц.

Отдельным новым аспектом института двойного гражданства стала практика арбитражных трибуналов по разрешению споров между инвесторами и принимающим государством. Множественное гражданство физического лица-инвестора в инвестиционном арбитраже представляет собой не просто элемент личного статуса, а самостоятельную юрисдикционную проблему, затрагивающую пределы договорной защиты, допустимость обращения инвестора к международной юрисдикции и легитимность самой системы разрешения инвестиционных споров. Кроме того, проблема множественности гражданства инвестора касается таких фундаментальных вопросов международного публичного права как пределы согласия государства на международную юрисдикцию, соотношение специального договорного режима защиты иностранных инвестиций и норм общего международного права, а также допустимые пределы интернационализации частноправовых споров.

Еще одной доктринальной и практической гранью института двойного гражданства в международном публичном праве стало появление гражданства Европейского Союза, чья правовая природа до сих пор остается дискуссионной, что обусловлено его двойственным характером: с одной стороны, оно является производным от гражданства государства-члена, а с другой – постепенно приобретает черты самостоятельного правового статуса. В условиях правопорядков региональных интеграционных объединений формируется модель «вертикального» двойного гражданства, в рамках которой происходит взаимодействие национального и наднационального правопорядков, где наднациональный уровень начинает оказывать обратное воздействие на национальный.

Наконец, для Российской Федерации проблема двойного гражданства имеет еще одно измерение в виде распространенной и целенаправленной практики упрощенного порядка предоставления российского гражданства гражданам непризнанных или частично признанных государств, таких как Южная Осетия, Абхазия, Приднестровская Молдавская Республика), что

влечет за собой необходимость решения возникающих международно-правовых вопросов.

Степень исследованности темы. К изучению происхождения, содержания и развития случаев двойного гражданства, в целом, а также целей и задач правового регулирования института двойного гражданства, обращались многие теоретики и практики.

Правовой институт двойного гражданства стал предметом научного исследования в трудах следующих представителей отечественной науки: С.А. Авакьяна, Ю.Р. Боярса, Т.А. Васильевой, М.В. Вениаминовой, Ю.А. Гасанова, В.М. Гессена, Э.Э. Джалиловой, С.С. Кишкина, А.И. Ковлера, О.Е. Кутафина, А.А. Нагиевой, Т.В. Решетневой, Е.С. Смирновой, Т.Я. Хабриевой, И.В. Холикова, С.В. Черниченко и других.

Большой вклад в исследование правового феномена двойного гражданства внесли такие зарубежные ученые, как: Н. Бар-Яков, А. Биккел, Е.М. Борхард, Дж. Гинсбург, Ж.-Р. де Гроот, С. Диллон, А.М. Долль, Р. Доннер, О. Кимминих, Р. Козловски, Д.А. Мартин, Д. Науйокс, А.-М. Слоутер, Й.М. Соренсен, П.Дж. Спиро, Л.Ф. Оппенгейм, Е. Остегор-Нильсен, Т. Файст, Т. Хаммар, М.М. Ховард, Р. Хоффман и др.

Отдельно необходимо отметить авторов, внесших в изучение проблематики двойного гражданства в практике инвестиционных арбитражей: Х. Гарсия Ольмедо, Н.Н. Викторова, А.Ф. Санчес Мигель Кастро, Ю. Кэсин.

По вопросам гражданства Европейского Союза невозможно не отметить вклад Д. Коченова, С. Лашина, Д. Лякопулоса, Дж. Шоу, М. Энтина, Дж. Крофта, А. Димитровса, Л. Вагнера.

Проблематика двойного гражданства стала предметом и объектом защищенных диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата юридических наук, в частности, таких, как: А.В. Белов «Международно-правовые аспекты двойного гражданства» (Санкт-Петербург, 2002); Н.А. Дунайло «Правовое регулирование двойного гражданства в Российской Федерации» (Москва, 2004); Т.В. Решетнева «Экстрадиция

полипатридов в российском уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики» (Ижевск, 2009); А.А. Богославский «Реализация правового статуса лиц с множественным (двойным) гражданством: конституционно-правовые аспекты» (Владикавказ, 2011); Э.Э. Клокова «Институт двойного гражданства в Российской Федерации: теоретические аспекты, законодательство и правоприменение» (Москва, 2019).

Следует отметить, что большинство вышеуказанных диссертационных исследований были подготовлены и защищены в рамках специальности «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» (12.00.02). Наряду с этим, надо учитывать, что со времени проведения указанных научных изысканий претерпели некоторые изменения и нормативное правовое регулирование двойного гражданства, и правоприменительная практика государств в этой сфере правоотношений, включая Российскую Федерацию.

Целью диссертационного исследования является выявление закономерностей и современных тенденций развития международно-правового регулирования двойного гражданства, определение места данного института в системе международного права, а также выработка теоретических подходов к квалификации отдельных современных форм множественной правовой принадлежности личности.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи**:

- раскрыть международно-правовое содержание понятия двойного гражданства и определить его соотношение с категориями гражданства и множественного гражданства;
- исследовать исторические предпосылки возникновения и основные этапы развития международно-правового регулирования двойного гражданства;
- определить место института двойного гражданства в системе современного международного права и выявить особенности составляющих его правоотношений;

- проанализировать основные международно-правовые договорные и обычные механизмы регулирования отношений, возникающих в связи с двойным гражданством, а также степень их влияния на национальное законодательство и правоприменительную практику государств;
- исследовать эволюцию международно-правовых подходов к дипломатической защите лиц с двойным гражданством и значение критериев эффективного и преобладающего гражданства;
- выявить особенности определения международно-правового статуса инвестора – физического лица, обладающего множественным гражданством, и соотношение договорного регулирования, общего международного права и принципа недопустимости злоупотребления международной юрисдикцией;
- исследовать правовую природу гражданства Европейского Союза и определить возможность его квалификации в качестве особой формы множественной правовой принадлежности;
- определить особенности правового положения лиц, одновременно обладающих гражданством признанного государства и гражданством непризнанного либо частично признанного государственного образования;
- сформулировать основные тенденции дальнейшего развития международно-правового регулирования института двойного гражданства.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с наличием у физических лиц двойного или множественного гражданства и его международно-правовыми последствиями.

Предметом диссертационного исследования являются международно-правовые нормы, принципы и механизмы регулирования двойного гражданства, практика их толкования и применения, а также закономерности и современные тенденции развития международно-правового регулирования множественной правовой принадлежности личности.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет использование диалектического метода научного познания, который отражает взаимосвязь теории и практики. Для достижения цели диссертационного исследования в процессе работы был использован ряд общенаучных и специальных методов, а именно: исторический метод – при изучении истории возникновения и развития международно-правового регулирования института двойного гражданства; метод анализа – в процессе исследования международно-правовых договоров и иных юридически значимых документов, принятых по вопросам двойного гражданства; сравнительно-правовой метод – во время анализа двусторонних международных договоров, заключенных государствами по вопросам двойного гражданства, а также иной правоприменительной практики, в случаях возникновения необходимости правового регулирования отношений с участием лиц, обладающих двойным гражданством, приобретающих двойное гражданство или прекращающих быть бипатридами; формально-логический метод – при систематизации полученных диссертантом результатов его научной деятельности; метод синтеза – в процессе обобщения сформулированных диссертантом выводов; иные научные методы познания.

Теоретическую основу исследования составляют научные труды таких российских и зарубежных ученых, как С.А. Авакьян, Л.В. Андриченко, Н. Бар-Яков, А.В. Белов, А. Биккел, Е.М. Борхард, Ю.Р. Боярс, Т.А. Васильева, М.В. Вениаминова, Ю.А. Гасанов, В.М. Гессен, Дж. Гинсбургс, Ж.-Р. де Гроот, Э.Э. Джалилова, С. Диллон, А.М. Долль, Р. Доннер, О. Кимминих, С.С. Кишкин, А.И. Ковлер, Р. Козловски, О.Е. Кутафин, Д.А. Мартин, А.А. Нагиева, Д. Науйокс, Т.В. Решетнева, Л.Ф. Оппенхайм, Е. Остегор-Нильсен, А.-М. Слоутер, Е.С. Смирнова, Й.М. Соренсен, П.Дж. Спиро, О.И. Тиунов, Г.И. Тункин, Т. Файст, Т.Я. Хабриева, Т. Хаммар, М.М. Ховард, И.В. Холиков, Р. Хоффман, С.В. Черниченко.

Эмпирическую основу исследования составляют многосторонние универсальные международные договоры, закрепляющие основополагающие

права человека и основные свободы (Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года), регулирующие вопросы двойного гражданства (Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве 1930 года, Конвенция о сокращении случаев многогражданства и о воинской повинности в случаях многогражданства 1963 года, Европейская конвенция о гражданстве 1997 года), а также двусторонние международные договоры, посвященные вопросам двойного гражданства.

В процессе диссертационного исследования использован доклад Комиссии по международному праву Организации Объединенных Наций (далее – ООН) о Проекте статей по дипломатической защите 2006 года, а также Пояснительный доклад к Европейской конвенции о гражданстве, принятый в Совете Европы в 1997 году.

Диссертантом проанализированы относящиеся к предмету и объекту диссертационного исследования решения межгосударственных арбитражных трибуналов, Постоянного Третейского Суда в Гааге, Международного суда ООН, инвестиционных арбитражных трибуналов, конституционных судов Российской Федерации, Италии, Германии, а также Верховного Суда США.

Также исследованы отдельные законодательные акты государств, касающиеся института двойного гражданства и характеризующие степень влияния международного права на национальное законодательство данных государств в области регулирования отношений, связанных со случаями двойного гражданства, а также на правоприменительную практику решения ими вопросов двойного гражданства.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в комплексном международно-правовом осмыслении современного этапа развития института двойного гражданства, характеризующегося переходом от преимущественно коллизионной модели регулирования конкурирующих

государственных принадлежностей к дифференцированным международно-правовым моделям множественной правовой принадлежности личности.

В результате проведенного исследования:

- обосновано, что современный институт двойного гражданства не сводится к частному случаю общего института гражданства, поскольку включает специфический комплекс правоотношений между индивидом и несколькими государствами, а также между самими государствами, возникающих вследствие множественности гражданской принадлежности и имеющих самостоятельные международно-правовые последствия;
- выявлена функциональная трансформация международно-правового регулирования двойного гражданства: от преимущественной направленности на устранение конфликтов юрисдикций и сокращение случаев множественного гражданства к регулированию правового положения личности и поиску баланса между суверенными интересами государств и международными стандартами защиты прав человека;
- впервые в отечественной международно-правовой науке комплексно исследована проблема множественного гражданства инвестора – физического лица в практике международного инвестиционного арбитража и выявлена тенденция к формированию функционально-интегративного подхода к определению его статуса при отсутствии прямого договорного регулирования;
- предложена авторская концепция «вертикального двойного гражданства», характеризующая сочетание гражданства государства – члена Европейского Союза и производного от него гражданства Европейского Союза как многоуровневой правовой принадлежности, в рамках которой наднациональный статус способен оказывать обратное нормативное воздействие на национальное регулирование гражданства;
- выявлено, что современные международно-правовые режимы требуют дифференцированного подхода к множественному гражданству:

юридическое значение конкретного гражданства определяется не только фактом его формального наличия, но также характером регулируемых правоотношений, применимым договорным режимом, эффективностью правовой связи и целями соответствующего международно-правового механизма.

Положения, выносимые на защиту. Проведенное научное исследование позволяет сформулировать и вынести на защиту следующие положения:

1. В международном праве институт двойного гражданства проделал интересную и поучительную эволюцию от комплекса норм, предназначенных в первую очередь для решению конфликта национальных юрисдикций, то есть относящихся больше к международному частному праву, до института, который прочно позиционируется в международном публичном праве, играя очень важную роль в таких отраслях международного права как международная защита прав человека и международное инвестиционное право, а также в международном правосудии.

2. Кодификация и возрастание роли прав человека в международном праве, наряду с общей тенденцией гуманизации правовой системы, определили эволюцию института двойного гражданства. Если до Второй Мировой войны для государств приоритетом было принятие мер по устранению множественного гражданства как угрозы их суверенитету, то с принятием Всеобщей декларации прав человека 1948 года начался постепенный сдвиг к признанию автономии личности и изменению соотношения интересов государства и индивида, что привело к постепенной трансформации восприятия двойного гражданства как важного элемента системы прав человека, отражающий реализацию фундаментальных свобод личности в глобализирующемся мире.

3. Возникающие на практике вопросы дипломатической защиты лиц с двойным гражданством нашли свое отражение в нормах обычного международного права, кодифицированных КМП в проекте статей о

дипломатической защите, среди которых важное место играет принцип эффективного гражданства, впервые провозглашенный Международным Судом ООН в решении по делу Nottebohm.

4. Проблема двойного гражданства в международном инвестиционном праве затрагивает фундаментальные вопросы международного публичного права – такие как гражданство как юридическую связь индивида с государством, пределы согласия государства на международную юрисдикцию, соотношение специального договорного режима и норм общего международного права, а также допустимые пределы интернационализации частноправовых споров. При отсутствии прямого договорного регулирования статус инвестора, обладающего множественным гражданством, должен определяться на основе комплексной оценки, включающей характер связи инвестора с государством, обстоятельства приобретения гражданства и добросовестность обращения к международной юрисдикции, что позволяет предотвратить использование инвестиционного арбитража в целях искусственной интернационализации по существу внутренних споров.

5. Предлагается рассматривать гражданство Европейского Союза не только как производное от национального гражданства правовое явление, но и как элемент особой формы множественного гражданства, где речь идет не о классическом горизонтальном двойном гражданстве, при котором лицо одновременно обладает гражданством двух или более государств, а о специфической конструкции, возникающей в рамках правопорядка ЕС и склонной к автономизации, в которой гражданства существуют не параллельно, а в отношениях юридической иерархии и функционального взаимодействия. При этом совокупность статусов гражданина государства-члена и гражданина Европейского Союза формирует особый тип двойного гражданства, который может быть охарактеризован как «вертикальное двойное гражданство», где наднациональная компонента начинает оказывать нарастающее обратное воздействие на нормы национального уровня.

6. Лица, обладающие одновременно гражданством государства – члена Организации Объединенных Наций и гражданством непризнанного либо частично признанного государства, подлежат квалификации как бипатриды. Независимо от международно-правового статуса одного из государств, такие индивиды сохраняют устойчивые и эквивалентные правовые связи с обоими субъектами, реализуя предоставляемые ими права и неся соответствующие обязанности, что объективно подтверждает наличие у них двойного гражданства в материально-правовом смысле.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты будут способствовать дальнейшему развитию науки международного права, ее понятийного аппарата, уяснению причин возникновения случаев двойного гражданства и динамики совершенствования его правового регулирования. Диссертантом рассмотрен комплекс проблем международно-правового регулирования двойного гражданства, в том числе исследуя, в какой мере международные нормы, посвященные двойному гражданству, влияют на национальное законодательства государств.

Практическая значимость исследования объективируется возможностью использования его итогов в первую очередь для решения практических вопросов, возникающих при реализации практики упрощенного порядка предоставления российского гражданства гражданам непризнанных или частично признанных государств, таких как Южная Осетия, Абхазия, Приднестровская Молдавская Республика), а также в работе Министерства иностранных дел Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации и иных органов государственной власти и управления при выработке позиции Российской Федерации на международных переговорах по вопросу заключения международных договоров, затрагивающих вопросы двойного гражданства. Результаты данной научной работы также могут быть использованы в научно-образовательной деятельности в процессе преподавания учебных дисциплин международно-правовой направленности (профиля).

Апробация результатов исследования произведена диссертантом в таких его научных публикациях, размещенных во входящих в утвержденный Высшей Аттестационной Комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации Перечень рецензируемых научных изданий, как:

- К вопросу о понятии и содержании двойного гражданства в международном праве // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 39-44;

- Международно-правовое развитие двойного гражданства: историко-правовой аспект // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3 (82). С. 115 – 129. DOI: 10.12737/jflcl.2020.022;

- К вопросу о месте института двойного гражданства в системе права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 31 – 33. DOI: 10.46320/2073-4506-2020-8-147-31-33;

- Международно-правовой аспект права лиц с двойным гражданством на участие в управлении государством // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 34 – 37. DOI: 10.46320/2073-4506-2021-8-159-34-37;

- Двойное гражданство в непризнанном государстве и частично признанном государстве // Евразийский юридический журнал. 2022. № 12 (175). С. 39 – 42. DOI: 10.46320/2073-4506-2022-12-175-39-42;

- Проблема двойного гражданства иностранного инвестора в практике инвестиционного арбитража // Закон. 2026. №6. С. 113-122. DOI: 10.37239/0869-4400-2026-23-6-113-122;

- Гражданство Европейского Союза как форма двойного гражданства // Российское право онлайн. 2026. №2. С. 89-102. DOI: 10.17803/2542-2472.2026.38.2.089-102.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения, в которых дана общая юридическая характеристика места, роли и значения института двойного гражданства в международном праве в целом, анализ международно-правового регулирования и практики отдельных

государств в части, касающейся применения международно-правовых механизмов регулирования отношений, возникающих в связи или по поводу возникновения, действия и прекращения двойного гражданства, а также вопросы международно-правового регулирования отдельных аспектов двойного гражданства.

Глава I «Общая характеристика института двойного гражданства в международном праве» состоит из трех параграфов, последовательно раскрывающих понятие и содержание двойного гражданства, исторические предпосылки и причины возникновения института двойного гражданства, а также доктринальные концепции о месте института двойного гражданства в современном международном праве.

Глава II «Международно-правовое регулирование и практическое применение института двойного гражданства на национальном уровне» также состоит из трех параграфов, в которых рассматриваются развитие международно-правового регулирования двойного гражданства и его практическое применение в Российской Федерации и в зарубежных государствах.

Глава III «Международно-правовое регулирование двойного гражданства в особых случаях» состоит из четырех параграфов, в которых исследуются вопросы дипломатической и консульской защиты лиц с двойным гражданством, двойного гражданства иностранного инвестора, гражданства Европейского Союза в качестве особой формы двойного гражданства, а также двойного гражданства при наличии гражданства непризнанного или частично признанного государства.

Глава I. Общая характеристика института двойного гражданства в международном праве

1. Понятие и содержание института двойного гражданства

По мере развития общественного уклада, научно-технического прогресса и глобализации современного мира неизбежно развиваются и общественные правоотношения, в том числе и правоотношения в сфере двойного гражданства. Как справедливо отмечает П. Дж. Спиро, «всю современную историю к двойному гражданству относились как к аномалии в лучшем случае, и как к кощунству – в худшем, но в эпоху глобализации двойное гражданство стало обыденностью» [2] . Как следствие, мы становимся свидетелями того, какими темпами растет количество лиц с двойным или множественным[3] гражданством по всему миру[4].

На протяжении XIX и XX веков государства последовательно стремились уменьшить количество случаев двойного гражданства, активно используя для этого инструменты международного права.

Один из самых ранних и известных примеров этой тенденции датируется XIX веком, когда Соединенные Штаты Америки стали инициатором заключения ряда двусторонних международных соглашений. Целью этих договоров было предотвращение и минимизация возникновения двойного гражданства, которое тогда воспринималось как серьезная правовая коллизия.

Эти соглашения вошли в историю международного права под названием Банкрофтовы договоры (*Bancroft Treaties*) [5], по имени одного из их ключевых авторов. В сущности, они представляли собой раннюю, но системную попытку

---

[2]Spiro, Peter J. Dual citizenship as human right//International Journal of Constitutional Law. 2010. P. 111.

[3] Поскольку некоторые лица обладают гражданством более двух государств, то понятие «множественное гражданство» было бы более точным, чем «двойное гражданство». В то же время почти всегда споры по вопросам множественного гражданства возникают, как правило, только между двумя странами. Соответственно исследуются вопросы двойного гражданства, несмотря на то что все положения и выводы, содержащиеся в этом диссертационном исследовании, верны и для множественного гражданства.

[4]См.: Martin, David A.. “Introduction: The Trend Toward Dual Nationality”//David A. Martin and Kay Hailbronner (eds.), Rights and Duties of Dual Nationals. The Hague/London/New York: Kluwer Law International. 2003. PP. 3-18.

[5]См.: Faist, Thomas. Dual Citizenship as Overlapping Membership. Willy Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations 3/01. 2001. P. 10.

международно-правового регулирования гражданства, направленную на устранение правовой неопределенности для иммигрантов и их стран происхождения. Можно сказать, что стремление ограничить бипатризм является не новой, а долгосрочной исторической стратегией государств.

В наше время одни государства вводят запреты на двойное гражданство, ограничения для бипатридов, стараясь такой правоприменительной практикой минимизировать количество случаев двойного гражданства, а вместе с тем другие пытаются лишь урегулировать различные аспекты двойного гражданства для избежания потенциальных проблем, допуская, таким образом, для своих граждан возможность иметь двойное гражданство.

Скажем, Эстония занимает крайне непримиримую позицию по отношению к двойному гражданству[6]. Согласно ее законодательству, факт приобретения гражданства другой страны или поступление на гражданскую или военную службу в иностранном государстве служит основанием для утраты эстонского гражданства.

Однако эта жесткая анти-бипатридная политика на практике сталкивается с конституционным барьером, создавая правовую коллизию. Главная проблема заключается в том, что, несмотря на наличие общих норм об утрате гражданства, реальная угроза лишения гражданства нависает исключительно над натурализованными гражданами. Конституция Эстонии содержит прямой и недвусмысленный запрет на лишение гражданства, приобретенного по рождению[7]. Таким образом, для граждан Эстонии по рождению их статус фактически неприкосновенен, даже если они нарушают закон, приобретая второе гражданство. В результате, законодательная строгость в отношении

---

[6] См.: Kalev, Leif. Multiple and European Union citizenship as challenges to Estonian citizenship policies. Tallin. 2006. P. 27.

[7] Статья 8 Конституции Эстонской Республики. URL: https://v1.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/ elfinder/ru-seadused/%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%A1%D0%A2%D0%98%D0%A2%D0%A3%D0%A6%D0%98%D0%AF%20(%D0%9E%D0%A1%D0%9D%D0%9E%D0%92%D0%9D%D0%9E%D0%99%20%D0%97%D0%90%D0%9A%D0%9E%D0%9D)%20%D0%AD%D0%A1%D0%A2%D0%9E%D0%9D%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%99%20%D0%A0%D0%95%D0%A1%D0%9F%D0%A3%D0%91%D0%9B%D0%98%D0%9A%D0%98_13.08.pdf (дата последнего обращения 14.03.2019).

двойного гражданства реализуется избирательно, разделяя граждан на две категории по уровню защищенности их правового статуса.

Еще более существенные вопросы возникают при оценке эстонской модели гражданства применительно к лицам, постоянно проживающим на территории государства, но имеющим статус лиц с неопределенным гражданством. Формирование данной категории стало одним из последствий восстановления независимости Эстонской Республики и избранного подхода к определению первоначального корпуса ее граждан. В результате часть постоянно проживавшего населения, прежде всего бывшие граждане СССР и их потомки, не получила гражданство Эстонии автоматически, а возможность его приобретения была поставлена в зависимость от прохождения процедуры натурализации.

Представляется, что международно-правовая оценка подобной модели не может исчерпываться ссылкой на суверенное право государства определять круг собственных граждан. Государственная компетенция в сфере гражданства, как будет показано далее, не является абсолютной и осуществляется с учетом международных обязательств в области прав человека, включая требования недискриминации и предотвращения безгражданства. Поэтому длительное сохранение особой категории лиц, обладающих устойчивой фактической связью с государством проживания, но не включенных в его гражданско-политическое сообщество, требует оценки не только с позиции национального законодательства, но и с точки зрения международно-правовых последствий такого положения.

Само по себе предоставление возможности натурализации не устраняет данной проблемы. Особое значение приобретают фактическая доступность соответствующей процедуры и последствия отсутствия гражданства для реализации политических, социально-экономических и иных прав. В этой связи сохраняющаяся в течение продолжительного периода ситуация, при которой значительная группа постоянных жителей государства остается за пределами его гражданства, может рассматриваться как проявление более

общей проблемы соотношения государственных полномочий в вопросах гражданства и международно-правовых гарантий личности.

В то же время нельзя обойти стороной и пример Германии, которая исторически всегда выделялась жесткой непримиримой политикой в отношении двойного гражданства[8], но с начала текущего столетия несколько раз законодательно смягчала свое отношение к данному феномену[9]. Первые шаги были сделаны в 2000 году, когда новая редакция Закона о гражданстве Федеративной Республики Германия допустил возможность получения немецкого гражданства по праву почвы[10]. В соответствии с данным Законом в случае рождения на территории Германии у иностранных родителей ребенок становился гражданином ФРГ, даже если по праву крови он приобретал гражданство страны происхождения родителей. При этом с дня совершеннолетия и до достижения им 23-летнего возраста этот ребенок должен был сделать выбор и отказаться от одного из гражданств[11]. Однако, уже в 2024 году был принят новый Закон о гражданстве Федеративной Республики Германия [12], положения которого кардинально изменили отношение к феномену двойного гражданства. В наши дни при приобретении гражданство Германии от индивида не требуется отказаться от имеющегося гражданства.

Несмотря на то, что регулирование вопросов двойного гражданства на международном уровне насчитывает века, ни международная правовая практика, ни наука до сих пор не смогли выработать универсального и общепризнанного определения этого феномена.

---

[8] Хаммар, Томас. Государство, нация и двойное гражданство // Российский бюллетень по правам человека. 1994. № 3. С. 59.

[9] См.: Камман, Карин. Допущение и поощрение множественного гражданства // Российский бюллетень по правам человека. 1994. № 3. С. 126.

[10] Naujoks, Daniel. Dual citizenship. The discourse on ethnic and political boundary-making in Germany. URL: http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/kurzdossiers/58010/discourse (дата последнего обращения 14.03.2019).

[11] German Nationality Act. URL: https://web.archive.org/web/20120403102105/http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Gesetzestexte/EN/Staatsangehoerigkeitsgesetz_englisch.pdf?__blob=publicationFile (дата последнего обращения 14.03.2019).

[12] https://migrando.de/ru/blog/einbuergerung/das-neue-einbuergerungsgesetz-wurde-beschlossen/

Мы убеждены, что отсутствие исчерпывающей и единой дефиниции категории «двойное гражданство» создает значительные проблемы. Такое общепризнанное определение критически важно для единообразного и всеобъемлющего осмысления двойного гражданства как правового и социального явления, обеспечения соответствия между теоретическими концепциями и правоприменительной практикой в данной области знаний, установления четкой правовой регламентации международных отношений, возникающих из случаев множественного гражданства.

Иными словами, юридическое сообщество, имея богатый опыт регулирования, не достигло концептуального согласия, что препятствует как теоретической ясности, так и эффективному практическому управлению коллизиями, связанными с двойным гражданством.

Представляется, что причиной того, что на сегодняшний день не выработано общепризнанное определение двойного гражданства, является различное отношение государств и, как следствие, различная правоприменительная практика по решению вопросов двойного гражданства. Многие страны до сих пор придерживаются позиции отнесения вопросов гражданства к исключительной компетенции государств[13].

В юридической науке институт двойного гражданства трактуется неоднозначно, отражая различные взгляды на природу этой уникальной правовой связи.

Ряд ученых фокусируется исключительно на фактическом правовом статусе индивида, не делая акцента на механизмах его приобретения. Например, Ю.Р. Боярс[14] и Е. Остергоорд-Нильсен[15] определяют двойное гражданство как правовой статус лица, при котором оно одновременно обладает гражданством более чем одного государства. Они подчеркивают

---

[13] Nationality Decrees Issued in Tunis and Morocco on Nov. 8th, 1921, Advisory Opinion, 1923 P.C.I.J. (ser. B) No. 4 (Feb. 7). URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1923.02.07_morocco.htm (дата последнего обращения 14.03.2019).

[14] Боярс Ю. Р. Вопросы гражданства в международном праве. М., 1986. С. 17.

[15] Ostergaard-Nielsen, Eva. Dual citizenship: policy trends and political participation in EU member states. Brussels, European Parliament, 2008. P. 4.

конечное состояние – существование двух юридических связей – как ключевой признак двойного гражданства.

С.В. Черниченко вносит уточнение, акцентируя внимание на легитимности процесса и раскрывая двойное гражданство как «правовое состояние, означающее, что лицо является гражданином двух или более государств в соответствии с их законами» [16].

В противовес этому, Н.В. Витрук вводит в дефиницию международно-правовой элемент, обусловливая легитимность двойного гражданства согласованием воль суверенных государств. Он определяет двойное гражданство как «правовое состояние, при котором наличие у лица двух и более гражданств базируется на достигнутом между государствами соглашении» [17]. Такой подход подчеркивает, что двойное гражданство требует не только признания на национальном уровне, но и взаимной договоренности между странами.

Резюмируя эти доктринальные расхождения, становится очевидным, что нормативно-правовой основой для приобретения и легализации двойного гражданства могут выступать два принципиально разных источника: внутригосударственный закон и международный договор. Приобретение статуса, в первом случае, происходит в соответствии с законодательством каждого из государств, что часто приводит к неурегулированному двойному гражданству. Международный договор же обеспечивает юридическую урегулированность отношений бипатрида с обеими странами.

Таким образом, юридическая наука признает, что статус двойного гражданства может быть закреплен как через автономные внутренние правовые нормы, так и через скоординированные международные правовые положения.

---

[16] Черниченко С.В. Вопросы гражданства в современном международном праве: диссертация … кандидата юридических наук: 12.00.00. Москва, 1963. С. 70.

[17] Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 133-134.

Американский исследователь М.М. Ховард подходит к пониманию и раскрывает двойное гражданство, на наш взгляд, с точки зрения договорной теории происхождения государства, согласно которой государство стало результатом не божественного вмешательства или естественного развития, а результатом сознательного договора людей. Поэтому двойным гражданством по М.М. Ховарду признается статус полноправного члена государства с соответствующими правами, привилегиями и обязанностями в двух различных государствах[18].

Американский исследователь П. Дж. Спиро предлагает трактовку двойного гражданства, которая кажется весьма нетрадиционной для отечественной юриспруденции. Он рассматривает бипатризм в двух плоскостях: как частный интерес самого индивида и, что более важно, как его индивидуальное (субъективное) право[19].

Необходимо отметить, что этот взгляд не уникален; в зарубежной правовой мысли ряд ученых рассматривают институт гражданства в целом, и двойного гражданства в частности, как субъективное право индивида[20]. Этот подход базируется на двух теоретических концепциях, которые ставят личность и ее волю в центр правоотношений: свобода ассоциации[21] и договорная теория государства.

Таким образом, Спиро и его сторонники переводят дискуссию о двойном гражданстве из сферы государственного суверенитета и контроля над населением в сферу неотъемлемых прав и свобод личности.

Вместе с тем, по нашему мнению, в вопросе регулирования правоотношений, вытекающих из случаев двойного гражданства, необходимо,

---

[18] Howard, Marc Morje. Variation in Dual Citizenship Policies in the Countries of the EU//The International Migration Review. Vol. 39, № 3 (Fall 2005). P. 697.

[19] Spiro, Peter J. Dual citizenship as human right//International Journal of Constitutional Law. 2010. P. 118.

[20] См. подробнее: Ganczer, Monica. The Right to a Nationality as a Human Right? //Hungarian Yearbook of International Law and European Law 2014. Eleven International Publishing, The Hague. PP. 15-33; Griffin, W.L. “The Right to a Single Nationality”//40 Temple Law Quaterly. 1966. P. 58; Chan, Johannes M.M. “The right to a nationality as a human right. The current trend toward recognition”. Human Rights Law Journal, (1991) vol. 12.

[21] См: Spiro, Peter J. Dual citizenship as human right//International Journal of Constitutional Law. 2010. P. 119.

в первую очередь, основываться на международно-правовых конвенционных положениях. Так, в соответствии со статьей 15 Всеобщей декларации прав человека 1948 года «каждый человек имеет право на гражданство» [22]. Положения статьи 24 Международного пакта о гражданских и политических правах [23] и статьи 7 Конвенции о правах ребенка [24] устанавливают право ребенка на гражданство. Согласно пункту «с» статьи 5 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации гарантируется право индивида на гражданство, хоть и прямо его не называя[25], а Европейская конвенция о гражданстве закрепляет право на гражданство в качестве нормы-принципа[26].

Представители отечественной науки, несмотря на широкую дискуссию по данному вопросу, также рассматривают институт гражданства в качестве субъективного права человека [27]. Так, Я.Н. Ванюшин определяет право на гражданство в качестве «предусмотренной законом и основанной на личном волеизъявлении возможности человека приобретать и прекращать гражданство, а также осуществлять его выбор»[28].

Полагаем, что не стоит рассматривать право на гражданство в целом и право на двойное гражданство - в частности, в качестве права, которое должно гарантироваться государством в безусловном порядке. Напротив – право каждого государства состоит в том, чтобы выдвигать и предусматривать в

---

[22] Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

[23] Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата последнего обращения 14.03.2019).

[24] Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата последнего обращения 14.03.2019).

[25] Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года.

[26] Статья 4 Европейской конвенции о гражданстве. Страсбург, 6 ноября 1997 года. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007f2f6

[27] См.: Миронов О.О. Содержание категории «советское гражданство» // Проблемы конституционного права. Вып. 1 (2). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974. С.89; Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974. С. 54-55; Ванюшин Я.Л. Конституционное право на гражданство и роль органов Федеральной миграционной службы в его реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006; Михайлова Е.В. Право на гражданство Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук, М., 2008.

[28] Ванюшин Я.Л. Конституционное право на гражданство и роль органов Федеральной миграционной службы в его реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 32-33.

законодательном порядке ряд требований, которым должен соответствовать претендент на гражданство, а вот отказ в предоставлении гражданства индивиду, который выполнил все предусмотренные законом условия и соответствует установленным законом требованиям, на наш взгляд, должно рассматриваться в качестве неисполнения государством своих обязательств и основанием для привлечения к юридической ответственности соответствующих должностных лиц.

Учитывая интенсивность развития отрасли международного права прав человека, как неотъемлемой части международной правовой системы, мы считаем, что приобретение двойного гражданства, в качестве реализации соответствующего права каждого физического лица, получит свое дальнейшее признание в связи с наблюдаемым в настоящее время усилением миграционных процессов и стремлением государств сократить количество находящихся на их территориях лиц без гражданства.

Так, в середине XX века после принятия Конвенции о сокращении безгражданства[29] и Конвенции о статусе апатридов[30] некоторые государства внесли соответствующие изменения во внутреннее законодательство[31].

На наш взгляд, указанное ранее понимание Дж. Спиро двойного гражданства в качестве индивидуального права, можно сформулировать, как установленную законом возможность индивида приобретать, изменять или прекращать устойчивую правовую связь с двумя или более государствами при выполнении условий, предусмотренных законами соответствующих государств.

Наряду с изложенным, представляется необходимым отметить, что единообразное унифицированное определение двойного гражданства не

---

[29] Конвенция о сокращении безгражданства от 30 августа 1961 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/statelessness.pdf (дата последнего обращения 14.03.2019).

[30] Конвенция о статусе апатридов 24 сентября 1954 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apatride.shtml (дата последнего обращения 14.03.2019).

[31] См: Васильева Т.А. Эволюция института гражданства в Нидерландах. // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 12.

содержится также и в международных нормативных правовых актах. Так, строго определенная дефиниция категории «двойное гражданство» не содержится и в заключенных по вопросам гражданства и (или) двойного гражданства многочисленных двусторонних международных договорах, участником или стороной которых являлся СССР или его правопреемница Российская Федерация[32].

Определение понятия «двойное гражданство» как института международного права требует анализа как устаревших, так и действующих межгосударственных соглашений. Изучение договорной практики позволяет вывести общую юридическую формулу, признаваемую сторонами.

Рассмотрение конкретных международных соглашений подтверждает, что государства признают двойное гражданство как факт, возникающий в результате действия их внутреннего законодательства. В Договоре между Венгерской Народной Республикой и Германской Демократической

[32] Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве, Гаага, 12 апреля 1930 года; Конвенция о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства, Страсбург, 6 мая 1963 года и протоколы к нему от 24 ноября 1977 года, 27 ноября 1977 года и 2 февраля 1993 года; Конвенция между СССР и Чехословацкой Республикой об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством, Прага, 5 октября 1957 года; Конвенция между СССР и Народной Республикой Болгарией об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством, София, 12 декабря 1957 года; Конвенция между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством, Улан-Батор, 25 августа, 1958 года; Конвенция между Правительством СССР и Правительством Польской Народной Республики о предотвращении возникновения случаев двойного гражданства, Варшава, 31 марта 1965 года; Конвенция между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики о предотвращении возникновения случаев двойного гражданства, Москва, 11 сентября 1975 года; Конвенция между Правительством СССР и Правительством Социалистической Республики Румынии о разрешении и предотвращении возникновения случаев двойного гражданства, Москва, 28 июня 1978 года; Договор между СССР и Чехословацкой Социалистической Республикой о предотвращении возникновения двойного гражданства, Москва, 6 июня 1980 года; Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства, Ашгабат, 23 декабря 1993 года; Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства, Москва, 7 сентября 1995 года; Agreement on dual nationality between Spain and Nicaragua, Managua, 25 July 1961; Agreement on dual nationality between Spain and Bolivia, La Paz, 12 October 1961; Convention to regulate the nationality of persons having dual nationality between Hungry and Poland, Budapest, 5 July 1961; Agreement on dual nationality between Dominican Republic and Spain, Santo Domingo, 15 March 1968.

Республикой, регулировавшей вопросы двойного гражданства [33] прямо указано, что он регулирует отношения лиц, которых обе Договаривающиеся стороны в соответствии со своим законодательством считают своими гражданами. Это соглашение предоставляло таким лицам право выбрать гражданство одной из сторон.

Соглашения между Федеративной Республикой Германия и Аргентинской Республикой об обязательствах по военной службе лиц с двойным гражданством применяется к лицам, которые «в соответствии с Основным законом Федеративной Республики Германии являются немцами и в то же время в соответствии с законодательством Аргентины имеют гражданство Аргентины» [34].

Приведенные положения соглашений позволяют сделать фундаментальный вывод о том, что с точки зрения договаривающихся государств, двойное гражданство представляет собой правовое состояние индивида, при котором он обладает гражданством двух или более стран, причем это гражданство приобретено и сохраняется в строгом соответствии с внутренним законодательством каждой из этих стран.

Таким образом, международный договор в данном случае не создает двойное гражданство, а легализует и регулирует уже возникший факт, который является следствием нескоординированного, но законного применения национальных правовых систем.

Статья 2 Европейской конвенции о гражданстве от 6 ноября 1997 года (далее – Европейская конвенция) гласит: «множественное гражданство означает обладание одним и тем же лицом одновременно гражданством двух и более государств»[35].

---

[33] Treaty between the Hungarian People's Republic and the German Democratic Republic regulating questions of dual nationality, Budapest, 17 December 1969. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20986/volume-986-I-14408-English.pdf.

[34] Agreement between the Federal Republic of Germany and the Argentine Republic on the military service obligations of persons with dual nationality, Bonn, 18 September 1988. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201517/volume-1517-I-26282-English.pdf.

[35] Пункт «b» статьи 2 Европейской конвенции о гражданстве. Страсбург, 6 ноября 1997 года. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007f2f6

Мы считаем, что, по сути, это определение полностью применимо и к понятию двойного гражданства. В более широком смысле, этот статус представляет собой устойчивое правовое состояние индивида, характеризующееся наличием одновременной и равноправной юридической связи с двумя или несколькими суверенными государствами.

Это правовое состояние не является пассивным: оно порождает комплекс взаимных прав и обязанностей. Иными словами, двойное гражданство являет собой сложную, но стабильную многостороннюю правовую связь.

Большинство международных нормативных правовых актов дает лишь поверхностную дефиницию категории «двойное гражданство», не давая характеристики всем аспектам сложных правовых связей индивида с государствами. Нам представляется возможным раскрыть всю сущность феномена двойного гражданства посредством раскрытия содержания моногражданства.

Так, Европейская конвенция определяет гражданство как «устойчивую правовую связь между отдельным лицом и государством без указания на этническое происхождение этого лица»[36].

В юридической доктрине, как отечественной, так и зарубежной, категория «гражданство» представлена множеством дефиниций, отражающих ее сложную правовую природу[37]. Два основных подхода иллюстрируют эволюцию понимания гражданства: от формального статуса до глубокой политико-правовой связи.

---

[36] Пункт «а» статьи 2 Европейской конвенции о гражданстве. Страсбург, 6 ноября 1997 года. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007f2f6

[37] Об определении понятия «гражданство» см.: Международное право: особенная часть / отв. ред. И.И. Лукашук. М., 1998. С. 14; Международное право: учебник / отв. ред. В.И. Кузнецов. М., 2001. С. 187-188; Черниченко С.В. Международно-правовые вопросы гражданства. М.: Международные отношения. 1968. С. 5; Donner, Ruth. The Regulation of Nationality in International Law, 2nd ed., Irvington-on-Hudson, N.Y.: Transnational Publishers, Inc., 1994; Ziemele, Ineta and Schram, Gunnar G. “Article 15” // Alfredsson, Gudmundur and Asbjorn Eide (eds.), The Universal Declaration of Human Rights: A Common Standard of Achievement. The Hague/Boston/London: Martinus Nijhoff Publishers. 1999. PP. 297-323; Zilbershats, Yaffa. The Human Right to Citizenship. Ardsley, N.Y.: Transnational Publishers, Inc., 2002.

Ранний взгляд, сформулированный, например, В.М. Гессеном, фокусировался на формальной принадлежности и функциях. Гессен определял гражданство как «статус лица, как субъекта публичных обязанностей и прав – обязанностей и прав в отношении к государству» [38].

Этот подход подчеркивает, во-первых, гражданство – правовой статус, а, во-вторых, оно неразрывно связано с взаимными публичными правами и обязанностями между индивидом и государством.

Можно сказать, Гессен рассматривал гражданство как юридический инструментарий, необходимый для функционирования человека в качестве полноценного субъекта публичного права.

Более современная и всеобъемлющая концепция, представленная Ю.Р. Боярсом, выходит за рамки простого статуса, фокусируясь на качестве и глубине отношений. Боярс трактует гражданство как «устойчивую политико-правовую связь между человеком и определенным государством» [39].

Эта связь имеет несколько критически важных измерений:

- выражается в четко очерченных взаимных правах и обязанностях;
- основана на реальной, фактической принадлежности лица к государству, а не только на формальном акте;
- гражданин полностью подчиняется суверенной власти этого государства, которое, в свою очередь, несет обязанность защищать его права как на своей территории, так и за ее пределами.

Таким образом, Боярс смещает акцент с пассивного «статуса» на активную и всеобъемлющую взаимозависимость, где гражданин гарантирует лояльность и подчинение, а государство – защиту и обеспечение прав. Это понимание лучше отражает динамику современных международных отношений и роль государства в обеспечении прав своих граждан.

[38] Гессен В.М. Подданство, его установление и прекращение. С.-Петербург. Типография «Правда», 1909, С. 127.
[39] Боярс Ю.Р. Гражданство в международном и внутреннем праве. Рига, 1981. С. 32.

Р. Беллами считает, что гражданство является условием гражданского равенства, заключающимся в членстве в политическом сообществе, в котором все граждане могут определять условия социального сотрудничества на равной основе – «гражданство не только обеспечивает равные права на пользование коллективными благами, предоставляемыми политическим объединением, но также предполагает равные обязанности по их продвижению и поддержанию, в том числе, на благо самого демократического гражданства»[40].

Энциклопедия Международного публичного права, издаваемый Институтом Сравнительного публичного права и международного публичного права Общества Макса Планка, дает следующее определение гражданства: «гражданство, как юридический термин, обозначает наличие правовой связи между лицом и государством, в соответствии с которой лицо находится под юрисдикцией соответствующего государства» [41].

О.Е. Кутафин считает, что гражданство – это «принадлежность лица к народу государства, порождающая правовую связь лица с государством и выражающаяся в совокупности взаимных прав и обязанностей» [42]. По сути, он видит в нем юридический союз, который связывает человека с государством посредством взаимный обмен правами и обязанностями.

Еще ранее Международный Суд ООН в знаковом Деле Ноттембома сформулировал ключевое определение гражданства, которое легло в основу концепции «эффективной связи». Суд раскрыл понятие гражданства не просто как формальный юридический акт, а как глубокую, многоаспектную связь между индивидом и государством.

Согласно этому определению «гражданство является юридической связью, имеющей в своей основе социальный факт привязанности, существование подлинной связи, интересов и чувств, в совокупности с

[40] Bellamy, Richard. Citizenship: a very short introduction. Oxford University Press Inc., New York. 2008. P. 17.
[41] Encyclopedia of Public International Law, Vol. 3, Amsterdam: Elsevier, 1997. P. 502.
[42] Кутафин О.Е. Российское гражданство. М., 2003. С. 81.

существованием взаимных прав и обязанностей. Можно сказать, что это является юридическим выражением того факта, что индивидуум, наделенный гражданством либо непосредственно по закону, либо в результате действия властей, является на самом деле более тесно связанным с населением государства, предоставляющим ему гражданство, чем с любым другим государством» [43].

Суд утверждал, что такая связь должна демонстрировать, что лицо, получившее гражданство, «на самом деле более тесно связано с населением» [44] и структурой этого государства, нежели с любым другим. По сути, гражданство было признано не данностью, а юридическим отражением реальной, эффективной интеграции в жизнь государства.

Несмотря на глубину и логическую стройность, это определение не стало общепризнанным в международном праве и вызвало активные споры среди ученых по вопросу дипломатической защиты в отношении лиц, которые приобрели гражданство путем натурализации [45].

Таким образом, доктрина Международный Суд ООН, сфокусировался на качестве связи между индивидом и государством.

Отдельные представители отечественной науки разделяют такие категории как «двойное гражданство» и «второе гражданство» [46].

Ключевое отличие, по их мнению, заключается в правовом основании возникновения этого множественного статуса. Двойное гражданство признается только в том случае, если он установлен и существует на основании специального международного договора между двумя государствами. Такое соглашение обеспечивает взаимное признание прав и

---

[43] The Nottebohm case, Liechtenstein v. Guatemala, Second Phase, 6 April 1955, I.C.J. Reports 1955. P. 23.
[44] Там же.
[45] См. например, Boll, Alfred Michael. Multiple Nationality and International Law. Leiden/Boston: Martinus Nijhoff Publishers. P. 13.
[46] См. например: Волох В. А., Воронина Н. А.. К вопросу о двойном гражданстве // Право и политика. 2018. № 1. С. 39 – 47.; Шелудякова Т.В., Зубарева А.В. Правовое регулирование статуса бипатрида в Российской Федерации: проблемы совершенствования // Миграционное право. 2014. N 4. С. 17 - 19.

обязанностей гражданина обеими странами и часто содержит нормы о разрешении коллизий (например, по воинской службе или налогообложению). А второе гражданство возникает в тех случаях, когда человек приобретает гражданство другой страны при отсутствии двустороннего международного договора об этом. При таком положении каждое государство рассматривает индивида исключительно как своего гражданина, игнорируя наличие у него второго паспорта.

Таким образом, для указанных исследователей юридическая урегулированность через международный договор является водоразделом, определяющим, является ли статус «двойным» или просто «вторым».

По нашему убеждению, такой подход к пониманию двойного гражданства является достаточно спорным и противоречит как отечественной, так международной практике. Как известно, СССР достаточно часто заключал международные соглашения, целью которых было «избежание и сокращение случаев двойного гражданства»[47]. Таким образом, советское государство, даже при отсутствии соответствующего международного соглашения с иностранным государством и устанавливающего статус двойного гражданства, тем не менее, признавало таких граждан в качестве лиц с двойным, а не вторым гражданством.

[47]Конвенция между СССР и Чехословацкой Республикой об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством, Прага, 5 октября 1957 года // Ведомости ВС СССР. 7 августа 1958 г. N 17. Ст. 289; Конвенция между СССР и Народной Республикой Болгарией об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством, София, 12 декабря 1957 года // Ведомости ВС СССР. 14 апреля 1958 г. N 7. Ст. 141; Конвенция между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством, Улан-Батор, 25 августа, 1958 года // Ведомости ВС СССР. 11 декабря 1958 г. N 35. Ст. 426; Конвенция между Правительством СССР и Правительством Польской Народной Республики о предотвращении возникновения случаев двойного гражданства, Варшава, 31 марта 1965 года // Ведомости ВС СССР. 13 апреля 1966 г. N 15. Ст. 225; Конвенция между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики о предотвращении возникновения случаев двойного гражданства, Москва, 11 сентября 1975 года // Ведомости ВС СССР. 25 апреля 1984. N 17. Ст. 284; Конвенция между Правительством СССР и Правительством Социалистической Республики Румынии о разрешении и предотвращении возникновения случаев двойного гражданства, Москва, 28 июня 1978 года // Ведомости ВС СССР. 2 мая 1979 г. N 18. Ст. 331; Договор между СССР и Чехословацкой Социалистической Республикой о предотвращении возникновения двойного гражданства, Москва, 6 июня 1980 года // Ведомости ВС СССР. 12 августа 1981 г. N 32. Ст. 950.

Российское законодательство исторически поддерживало именно термин «двойное гражданство». Например, статья 6 Федерального закона № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (в редакции до 2020 года)[48] прямо использовала это наименование, допуская наличие у гражданина Российской Федерации гражданства другого государства. Это также свидетельствует о нормативном приоритете термина «двойное гражданство» в отечественной правовой системе.

Аналогичная терминологическая ясность наблюдается и на международном уровне. В английском языке, являющемся ключевым языком международного права, этот институт последовательно именуется *dual citizenship* или *dual nationality*. Отсутствие широкого использования терминов *second citizenship* или *second nationality* в официальных международных документах подтверждает, что речь идет о равноправном сосуществовании двух статусов, а не об иерархии.

Помимо правовых и лингвистических аргументов, использование понятия «второе гражданство» неточно и с морально-этической точки зрения. Суть бипатризма заключается в устойчивой, равнозначной связи индивида с обоими государствами.

Невозможно, а часто и неправомерно, требовать от человека, имеющего два гражданства, с уверенностью определить, какой из его правовых статусов является «первичным» (приоритетным), а какой – «вторичным» (подчиненным). Подобная иерархия не отражает ни правовых реалий, поскольку индивид несет полные обязанности перед обеими странами, ни субъективных чувств идентичности. Таким образом, термин «двойное гражданство» точнее отражает дублирующую, но равноправную природу этой правовой связи, в то время как «второе гражданство» ошибочно подразумевает второстепенность или понижение статуса.

[48] Федерального закона от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 517-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс

Новый Федеральный закон Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» [49] внес кардинальное концептуальное изменение, проведя строгое разграничение между понятиями «двойное гражданство» и «множественное гражданство».

Согласно этому закону, статус «двойного гражданства» теперь зарезервирован исключительно для случаев, когда у гражданина России имеется второе гражданство страны, с которой Российская Федерация заключила специальный международный договор по вопросам двойного гражданства. Все остальные ситуации, когда гражданин России добровольно или недобровольно приобретает иное гражданство при отсутствии такого договора, подпадают под категорию «множественное гражданство».

Мы считаем эту правовую конструкцию весьма спорной и недостаточно обоснованной. Она резко отличается от всей предшествующей правоприменительной практики как Российской Федерации, так и ее предшественника – СССР. По сути, законодатель искусственно создал узкую, договорную дефиницию для термина «двойное гражданство», в то время как в международном праве и доктрине этот термин традиционно использовался как широкое обозначение любой формы обладания гражданством двух государств.

Такое сужение понятия «двойное гражданство» до договорного формата усложняет правовое поле и, на наш взгляд, знаменует отступление от более гибкого и прагматичного подхода, который ранее позволял рассматривать большинство лиц с двумя паспортами как граждан, не умаляя их прав. Фактически, эта новелла минимизирует число случаев «двойного гражданства» в юридическом смысле, переводя подавляющее большинство бипатридов в категорию «множественное гражданство», что может повлечь неясности в применении норм, касающихся прав, обязанностей и ограничений.

[49] Федеральный закон Российской Федерации от 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 01.05.2023, №18, ст. 3215.

Действительно, между государствами может быть заключено специальное соглашение, которое определяло бы статус лиц, обладающих гражданством обеих государств. Представляется, что предметом подобных соглашений могут стать отношения, возникающие в процессе решения отдельных проблем, связанных со статусом бипатридов, при обязательном условии сохранения их обязанностей и исключения какого-либо умаления их прав и свобод, как граждан обеих договаривающихся сторон. Это позволяет гражданам этих стран осуществлять свои права и нести обязанности, избегая правовых коллизий.

При этом необходимо также отдельно остановиться на объеме прав и обязанностей бипатридов. В отечественной правовой науке есть мнение, что «обладатели двойного гражданства сохраняют все конституционные права и соблюдают все обязанности той страны, на территории которой находятся»[50].

Классическим примером, демонстрирующим этот подход, служит международный договор, заключенный между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан [51] , где стороны взаимно признали, что их бипатриды будут рассматриваться как полноправные граждане той страны, на чьей территории они находятся.

Важно подчеркнуть, что вопрос насколько такой правовой режим должен является общепризнанной практикой, на наш взгляд, является дискуссионным. В подавляющем большинстве случаев государства, не имеющие специального договора, рассматривают своих граждан, обладающих вторым гражданством, исключительно как собственных граждан, полностью игнорируя их связь с другим государством. Скажем, Соглашение между Российской Федерации и

[50] Волох В. А., Воронина Н. А. К вопросу о двойном гражданстве // Право и политика. 2018. № 1. С. 39.

[51] Статья 3 Договора между Российской Федерацией и Таджикистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства, Москва, 7 сентября 1995 года // Бюллетень международных договоров. 2005. N 4. С. 30.

Республикой Туркменистан об урегулировании вопросов двойного гражданства не содержит подобного правила[52].

. Например, ребенок, родившийся на территории США у родителей – граждан Российской Федерации, становится гражданином и США по праву почвы, предусмотренного Конституцией США[53], и гражданином Российской Федерации, по праву крови, которым исторически руководствуется отечественный законодатель, в том числе в Федеральном законе Российской Федерации 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [54] . При данных обстоятельствах после рождения ребенок приобретает гражданство только одного из указанных государств, но вместе с тем, за ним сохраняется право получения гражданства и второго государства (по праву крови - российское и по праву почвы - американское). Таким образом, указанный ребенок является носителем спящего двойного гражданства.

Отдельные исследователи отмечают, что спящее гражданство – это «не более чем политическая поддержка лиц, могущих быть связанными с этой страной»[55].

На наш взгляд, этот феномен не может претендовать на полноценного гражданство, поскольку его реализация, как правило, на практике обусловлена целым рядом политико-правовых условий. Соответственно, под спящим двойным гражданством понимается имеющаяся у физического лица - гражданина одного государства, но не реализованная им возможность получения гражданства и другого государства. Как отмечает Е.С. Смирнова, «элементы «спящего гражданства» можно найти в законодательстве о

---

[52] Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства, Ашгабат, 23 декабря 1993 года // Бюллетень международных договоров. 1996. N 6. С. 11 – 13.

[53] Поправка XIV к Конституции Соединенных Штатов Америки. URL: https:// www.constitutionfacts.com/content/constitution/files/USConstitution_Russian.pdf

[54] Статья 13 Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 01.05.2023, №18, ст. 3215.

[55] Смирнова Е.С. Институт гражданства: статичность или перспективы национального и международно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2015. N 1. С. 24 - 30.

гражданстве многих стран, в том числе в российском Федеральном Законе от 24 мая 1999 года № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»[56].

Изложенное позволяет сформулировать ряд признанных научной доктриной принципов, определяющих юридическое содержание правовой категории «двойное гражданство»:

- каждое государство самостоятельно определяет кем, на каком основании и в каком порядке приобретается его гражданство. Не может одно государство самостоятельно определять, кто является гражданином другого государства[57];
- каждое государство определяет и решает вопросы гражданства посредством применения правового инструментария, предусмотренного его внутренним законодательством. Международные органы не могут первыми определять и принимать решение о том, кто является гражданами соответствующего государства до волеизъявления самого государства[58]. Исключение могут составлять случаи, когда международные судебные органы рассматривают дела о гражданстве в порядке, предусмотренном международным договором, участником которого является само государство[59];
- обладание двойным гражданством не означает обладание половиной гражданства одного государства и половиной гражданства другого[60],

---

[56] См.: Смирнова Е.С. Проблема определения прав лиц с множественным гражданством: движение от конституционного права к праву международному // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 4. С. 35 - 41.

[57] Oppenheimer v. Cattermole. URL: https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1975/TC_50_159.pdf (дата последнего обращения 14.03.2019).

[58] The Nottebohm case, Liechtenstein v. Guatemala, Second Phase, 6 April 1955, I.C.J. Reports 1955. P. 20.

[59] См.: Ivcher-Bronstein Case (Baruch Ivcher Bronstein vs. Peru), Inter-American Court of Human Rights (IACrtHR), 6 February 2001. URL: https://www.refworld.org/cases,IACRTHR, 44e496434.html; Eritrea-Ethiopia Claims Commission - Partial Award: Civilian Claims - Eritrea's Claims 15, 16, 23 and 27-32, December 17, 2004. URL: http://legal.un.org/riaa/cases/vol_XXVI/195-247.pdf (дата последнего обращения 14.03.2019).

[60] Donner, Ruth. The Regulation of Nationality in International Law.2nd ed., New York, 1994. P. 205.

двойное гражданство – это обладание двумя полноценными гражданствами двух отдельных государств;

- двойное гражданство дает ряд несомненных преимуществ лицам им обладающим, а также влечет для них ряд соответствующих ограничений и недостатков [61]. Так, лицо с двойным гражданством обладает полным объемом прав и пользуется всеми свободами одновременно в обоих государствах, но в то же время несет в них абсолютно все обязанности;
- при условии соблюдения требований, установленных внутренним законодательства государства, каждый человек имеет право на получение гражданства, которое может стать для него вторым;
- двойное гражданство характеризуется наличием устойчивой социальной и юридической (правовой) связи между индивидом и каждым государством, гражданином которого он является, в отдельности.

Подводя итог, представляется возможным предложить следующее определение двойного гражданства: это особый правовой статус лица, имеющего устойчивую социальную и юридическую связь с двумя или более государствами и обладающего правами, свободами и обязанностями в полном объеме в каждом из них.

2. Возникновение двойного гражданства

Председатель Верховного Суда США Чарльз Хьюз в одном из вынесенных им решений [62] указывал, что, пока национальное законодательство определяет порядок получения гражданства, граждане могут обладать двойным гражданством. Питер Спиро отмечал, что случаи

---

[61] Ежегодник Комиссии Международного права. Доклад Комиссии Генеральной Ассамблее о работе ее пятьдесят второй сессии. Том II (часть вторая). С. 97. URL: http://legal.un.org/docs/index.asp?path=../ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2000_v2_p2.pdf&lang=EFSRAC&referer=http://legal.un.org/ilc/reports/2000/ (дата последнего обращения 14.03.2019).

[62] Perkins v. Elg, 307 U. S. 325, 329. 1320 (1939). URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/307/325/#329

двойного гражданства почти так же стары, как и сама концепция гражданства[63]. Соответственно, с развитием и изменениями содержания категорий «государство» и «гражданство» менялось и содержание правового феномена «двойное гражданство». В результате развития общественных отношений, миграции, распространения экзогамии неизбежно было появление случаев двойного гражданства.

С конца XX века фиксируется рост случаев двойного гражданства, что, на наш взгляд, связано, с одной стороны, с увеличением мобильности населения и интенсификацией миграционных потоков, увеличением числа смешанных браков, правом родителей передавать свое гражданство детям, стремлением граждан избежать политических рисков и, с другой стороны, «развитием международно-правового регулирования в области прав человека и изменением приоритетов в государственном регулировании приобретения гражданства»[64].

Институт гражданства как правовой феномен имеет глубокие исторические корни, восходящие еще к античности. Уже в период существования полисов Древней Греции встречались формы принадлежности лица одновременно к нескольким политико-правовым сообществам, что по своей сути можно рассматривать как прообраз современного института двойного гражданства. Именно полис предоставлял жителю Древней Греции гражданство, содержание которого в те времена не предполагало возможность множественности[65]. В правопорядке Древней Греции правовое положение гражданина полиса напрямую определялось его происхождением. Гражданский статус лица ставился в прямую зависимость от гражданского

---

[63] Spiro, Peter J. Dual Nationality and the Meaning of Citizenship//46 Emory Law Journal. Atlanta. 1997. p. 1417. При этом Питер Спиро отмечает, что «термин «двойное гражданство» вплоть до начала XX века не употреблялся для обозначения случаев обладания лицом политико-правовой связи более чем с одним государством, более того это явление относилось к коллизионному праву». Spiro, Peter J. Dual Nationality and the Meaning of Citizenship//46 Emory Law Journal. Atlanta. 1997. p. 1431.

[64] Волох В. А., Воронина Н. А. К вопросу о двойном гражданстве // Право и политика. 2018. № 1. С. 42.

[65] Подробнее см.: Robertson, Bruce G.. The Scrutiny of New Citizens at Athens // Hunter, Virginia and Edmonson, Jonathan (eds.), Law and Social Status Classical Athens, Oxford: Oxford University Press. 2000. pp. 149-174.

статуса обоих его родителей. Так, Аристотель[66] указывал, что гражданином признается только тот, у кого и отец, и мать являются гражданами, а наличие гражданского статуса лишь у одного из родителей не создает соответствующего правового положения для ребенка. По существу, данное высказывание можно квалифицировать как одно из первых доктринальных формулирований принципа *jus sanguinis* – приобретения гражданства по праву крови, когда принадлежность к политико-правовому сообществу предопределяется не территорией рождения, а юридическим статусом родителей.

Гражданство полиса первоначально было пожизненным и при переселении в другой полис индивид не приобретал нового гражданства, сохраняя прежнее. Так, в Афинах, во времена правления Перикла (около 495 год до н.э. – 429 год до н.э.) был принят закон, предусматривавший предоставление гражданства Афин только лицам, родители которых сами были гражданами Афин[67]. Необходимо отметить, что закон не ограничивал экономические и социальные права иностранцев, запрещая им только участие в общественной жизни полиса.

Однако, с течением времени отдельные города-государства Древней Греции стали практиковать предоставление своего гражданства как жителям других древнегреческих полисов, так и чужестранцам. Таким образом, стала меняться политика полисов в вопросе предоставления гражданства. Так, сохраняя свое прежнее гражданство, гражданство Афин в качестве благодарности за заслуги в свое время приобрели Оронтес, персидский сатрап, и Менелай Пелагонийский, царь Линкестиды[68].

В более поздний исторический период появилось еще одно правовое основание для увеличения количества случаев двойного гражданства в

---

[66] Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. С. 446. URL: http://www.opentextnn.ru/man/index.html@id=5703

[67] The New Encyclopaedia Britannica. Macropaedia, 15th ed., Vol. 9, Encyclopaedia Britannica, Inc., 1993. P. 290.

[68] The New Encyclopaedia Britannica. Macropaedia, 15th ed., Vol. 20, Encyclopaedia Britannica, Inc., 1993. P. 263.

античной Греции. Им стал институт эпигамии – право граждан различных полисов заключать между собой браки, которое было предусмотрено и оговорено специальным заключенным такими полисами соглашением [69]. Заключение соглашений об эпигамии между древнегреческими полисами являлось не только проявлением дипломатических и союзнических связей, но и правовым инструментом установления особого режима взаимного признания гражданских прав. Подобные договоры закрепляли обязанность полисов предоставлять гражданам дружественного государства весь комплекс прав и свобод наравне с собственными гражданами. Более того, эпигамия обеспечивала правовую защиту и признание гражданства за супругами и потомками таких граждан, даже в случае их проживания вне пределов соответствующего полиса. Таким образом, институт эпигамии можно рассматривать как раннюю форму правового регулирования, предвосхищающую современные международные договоры о двойном гражданстве и правовом статусе иностранцев.

В то же время, денонсация или аннулирование такого соглашения об эпигамии считалось недружественным актом и «недвусмысленным выражением враждебности»[70].

В начальный период существования Рима, когда он формировался как город-государство, институт гражданства носил локализованный характер и во многом повторял практику древнегреческих полисов. Первые случаи двойного гражданства возникали естественным образом именно в силу подобного территориально-общинного устройства. Принадлежность к римской гражданской общине закреплялась исключительно за потомками граждан Рима, то есть действовал принцип *jus sanguinis* в его классическом понимании. Аналогичные правила регулировали вопросы гражданства и в

[69] Hunter, Virginia. Introduction: Status Distinctions in Athenian Law // Hunter, Virginia and Edmonson, Jonathan (eds.), Law and Social Status Classical Athens, Oxford: Oxford University Press. 2000. P. 16.
[70] Там же.

других городах Апеннинского полуострова, что указывает на устойчивость и универсальность данной модели в правовой традиции Древней Италии.

Практика стала меняться с возникновением Римской империи – эволюционировала сущность самого гражданства: если раньше гражданство определяло принадлежность к роду или общине, то постепенно превратилось в «привилегированный статус» [71].

На наш взгляд, подобная трансформация, изменение содержания категории «гражданство» стала отправной точкой для дальнейшего возникновения случаев двойного гражданства. Как и в Древней Греции в Риме стало практиковаться присвоение гражданства за заслуги перед Римом. В то же время, как справедливо отмечается в научной литературе, такое присвоение римского гражданства чужестранцам влекло негативные последствия для новоиспеченного бипатрида, в особенности в случае его дальнейшего проживания в государстве происхождения[72].

Представляется, что кульминационной точкой в развитии института двойного гражданства в Римской империи стало издание в 212 году Эдикта императора Марка Аврелия Антонина Каракаллы[73]. Данный нормативный акт установил универсальное правило, по которому римское гражданство распространялось практически на всех свободных жителей империи, вне зависимости от их этнополитического происхождения и локальной правовой принадлежности. В результате этого решения сотни тысяч лиц, ранее обладавших гражданством своих общин и городов, одновременно получили статус римских граждан, что фактически придало институту двойного гражданства массовый характер. Как справедливо отмечает в своем исследовании А. В. Коптев[74], после издания Эдикта Каракаллы иностранцы в

[71] Crook, John. Law and Life of Rome, reprint. ed., Ithaca/New York: Cornell University Press, 1978. P. 38.
[72] Jolowicz, H.F. and Nicholas, Barry. Historical Introduction to the Study of Roman Law, 3rd ed., Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 73.
[73] Tellegen-Couperus, Olga. A Short History of Roman Law, reprint. ed., London / New York: Routledge. 2002. P. 67.
[74] Коптев А.В. Кодификация Феодосия II и ее предпосылки. // Древнее право. № 1. 1996. С. 247 – 261. URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261957599

одночасье трансформировались в обладателей двойного гражданства, сочетая местный правовой статус с гражданством универсальной римской державы.

Таким образом, исторически первой причиной возникновения случаев двойного гражданства в Древнем мире стало, на наш взгляд, присвоение (дарование) гражданства иностранным гражданам в награду за заслуги – будь то в качестве индивидуального поощрения или массовое дарование гражданства.

Очередное изменение сущности и содержания гражданства случилось после распада Римской империи в V веке н.э.[75] К Европе подступала эпоха феодальной раздробленности. Но даже уже в Раннем Средневековье принадлежность населения государства определялась через личные связи вассала и сеньора или суверена, собственностью которого первые и считались. Феодальная система средневековой Европы характеризовалась многоуровневой и крайне сложной структурой правовых связей между различными сеньорами и суверенами. Эти отношения основывались как на принципе личной верности и вассальной зависимости, так и на территориальной принадлежности, что в совокупности формировало переплетение прав и обязанностей, затруднявшее четкое разграничение суверенитета и юрисдикции. Недаром Федерико де Кастро определял данное явление как «совокупность горизонтальных и вертикальных личных и территориальных взаимоотношений» [76], подчеркивая тем самым многослойный характер правового статуса субъектов феодального порядка. Человек не был гражданином государства, а сохранялась правовая связь, основанная на личной верности практически бесправного подданного конкретному правителю (суверену). Полагаем, что можно утверждать о произошедшей трансформации статуса личности: из категории субъектов

[75] Подробнее см.: Sorensen, Jens Magleby. The Exclusive European Citizenship: The Case for Refugees and Immigrants in the European Union, reprint. ed., Aldershot / Brookfield / Singapore / Sydney: Ashgate. 1999. P. 18.

[76] de Castro, Federico. La nationalité la double nationalité et la supra-nationalité. Recueil des cours. Académie de droit international. 1961. vol. 102. no. 1. P. 543.

права они перешли в категорию объектов. Таким образом, институт двойного гражданства на время утратил свои регуляторные функции и юридически прекратил свое существование.

Понятие «личной верности» сохранялось в Европе на протяжении всего средневековья и отражало сложившуюся модель отношения человека к государству. Мало того, что индивид должен был сохранять свою преданность одному суверену, его лояльность должна была быть вечной и неизменной, следовательно, она исключала право лица оставить своего суверена. Полагаем, что это требование послужило основой для формирования доктрины верноподданства[77].

По наблюдению Питера Спиро [78] , в классической доктрине государственности право не только отрицало возможность существования статуса двойного гражданства, но и рассматривало его как явление противоправное. Исходя из принципа абсолютной и неделимой верноподданности, предполагалось, что индивид может находиться в подчинении исключительно одному суверену. Соответственно, наличие у лица одновременно двух правовых связей с разными государствами воспринималось не как правовая коллизия, а как нарушение установленного порядка лояльности и подданства.

С приходом Великой Французской революции институт гражданства в очередной раз трансформировался: на смену концепции верноподданства пришла идея о свободном выборе гражданства, хотя на практике это новое право реализовывалось не без проблем.

Массовое переселение европейцев в Новый Свет, последовавшее за образованием таких государств, как Соединенные Штаты Америки, усложнило вопросы гражданства. Если поначалу европейские мигранты

---

[77] Английская доктрина, принятая также в США и некоторых других странах, предусматривавшая неизгладимость верности государству: «nemo potest exuere patriam» (никто не вправе отречься от своей страны). См.: Encyclopaedia Britannica, 11th ed., Vol.1. URL: https://en.wikisource.org/wiki/1911_Encyclop%C3%A6dia_Britannica/Allegiance

[78] Spiro, Peter J. Dual Nationality and the Meaning of Citizenship// 46 Emory Law Journal. Atlanta. 1997. P. 1420.

сохраняли исключительно свое первоначальное гражданство, то со временем они стали также получать американское, а также гражданства других вновь образованных государств. Специфика этого правового процесса заключалась в том, что американское государство формировалось не благодаря предоставлению колонизировавшей их британской державой независимости своим заморским колониям, как это происходило, например, в середине XX века, а после вооруженной борьбы американских переселенцев против британской метрополии за свою полную независимость от нее.

Эти процессы неизбежно влекли за собой радикальный рост случаев двойного гражданства, вызывая, соответственно, и рост количества проблем, связанных со статусом лиц с двойным гражданством. Джон Мур [79] справедливо указывает, что в начале XIX века значительная часть населения Соединенных Штатов фактически обладала двойным гражданством, что было обусловлено массовой иммиграцией и сохранением за переселенцами правовых связей с государствами их происхождения. Такая ситуация порождала существенные международно-правовые трудности[80]: государства предъявляли претензии на верноподданность одних и тех же лиц, что обостряло дипломатические отношения и создавало неопределенность в их правовом статусе.

В условиях роста международной напряженности, связанной с этой проблемой, США во второй половине XIX века предприняли первую целенаправленную попытку урегулировать институт двойного гражданства на международном уровне. С этой целью американское правительство инициировало заключение серии двусторонних соглашений с европейскими державами, вошедших в историю как так называемые Банкрофтовы

[79] Moore, John B. The Principles of American Diplomacy. New York, London, Harper & brothers. 1918. P. 280.

[80] Подробнее см.: Moore, John B. A Digest of International Law. Volume 3. Washington: Government Printing Office. 1906. p. 575. URL: https://ia802606.us.archive.org/8/items/digestofinternat03mooriala/digestofinternat03mooriala_bw.pdf

договоры[81], направленные на ограничение числа случаев множественного гражданства и выработку единых правил его разрешения.

Так, например, практически в течение всего XIX века между Соединенными Штатами Америки и Великобританией были напряженные дипломатические отношения, причиной чему радикальный рост количества лиц с двойным гражданством в отсутствие права на экспатриацию. Дипломатические отношения удалось наладить только после подписания соответствующего международного договора[82].

Таким образом, в начале XX века право на экспатриацию получило свое закрепление в международном праве, благодаря чему рост количества случаев возникновения двойного гражданства существенно снизился.

Из изложенного следует, что основной причиной возникновения двойного гражданства еще до начала XX века, была натурализация в новой стране проживания при сохранении прежнего гражданства по причине отсутствия института экспатриации, то есть, юридической возможности выхода из него. При этом необходимо отметить, что новые страны проживания указанных граждан были, как правило, вновь образованными государствами. Безусловно, данные случаи были следствием и упомянутых активных миграционных процессов.

Уже с XX века, двойное гражданство стало возникать главным образом из-за конфликтов в законодательстве разных стран, которые по-разному определяли, как приобретается гражданство — по месту рождения или по гражданству родителей. Как известно, государства сами определяют критерии и условия получения их гражданства, что считается одним из фундаментальных прав государств[83], а международное право не содержит

---

[81] Договоры были заключены и подписаны Соединенными Штатами Америки с Пруссией, Австро-Венгрией, Бельгией, Данией, Эквадором, Мексикой, Норвегией, Швецией и другими государствами (всего 26 стран).

[82] См. Naturalization Convention, May 13, 1870, U.S.-U.K., U.S. Treaty Series № 130 URL: https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/b-gb-ust000012-0158.pdf.

[83] Hoffman, Rainer. Overview of Nationality and Citizenship in International Law // O'Leary, Siofra and Tilikainen, Teija (eds.). Citizenship and Nationality Status in the New Europe, London: Sweet & Maxwell. 1998. PP. 5-19.

ограничений для государств в вопросах гражданства, будь то в форме договоров или правовых обычаев[84]. Примером, конфликта в законодательстве разных стран и приобретения гражданства одной страны «по праву крови» и гражданства другой – «по праву почвы» является пример с ребенком, родившимся у российских родителей на территории США и получившим по праву крови гражданство России, а по праву почвы – гражданство США.

Существенным фактором, способствовавшим возникновению и распространению двойного гражданства, явилось существование института экзогамии, когда брачные союзы заключались между лицами, принадлежащими к различным государствам и правовым системам. В подобных случаях возникала коллизия национальных норм, каждая из которых стремилась закрепить за супругами и их потомством собственное гражданство. Дополнительный импульс к росту числа лиц с двойным гражданством дало принятие в середине столетия международных договоров и конвенций, направленных на устранение дискриминации женщин [85], закрепило принцип равноправия супругов в вопросах гражданства и ликвидировало практику автоматической утраты женщиной своего гражданства при вступлении в брак с иностранцем. Это, в свою очередь, способствовало увеличению числа случаев множественного гражданства и признанию его как объективного правового явления в международных отношениях. Т. Хаммар отмечает, что движение за права женщин, начавшееся

[84] Report on Multiple Nationality, adopted by the Committee of Experts on Nationality, Council of Europe, 30 October 2000, CJ-NA(2000)13. P. 4. URL: https://rm.coe.int/16807004f3 (дата последнего обращения 14.03.2019).

[85] Конвенция о гражданстве замужней женщины, принятая резолюцией 1040 (XI) Генеральной Ассамблеи от 29 января 1957 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/married_women_nationality.shtml; Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин, принятая резолюцией 2263 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 7 ноября 1967 год. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/women_discrimination.shtml; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml

в первой половине прошлого века является возможно самой важной причиной резкого увеличения количества случаев двойного гражданства[86].

В начале XX века национальные законодательства большинства государств исходили из презумпции зависимости гражданства женщины от гражданства ее супруга. Вступление в брак с иностранцем, расторжение брака либо изменение гражданства мужем влекли автоматическую трансформацию гражданско-правового статуса жены, зачастую без учета ее воли. Такая практика порождала многочисленные правовые коллизии, включая возникновение апатридов или, напротив, случаев множественного гражданства.

Ситуация принципиально изменилась с принятием Конвенции о гражданстве замужней женщины 1957 года (далее – Конвенция 1957 года). Этот международный договор закрепил фундаментальное положение, согласно которому ни заключение брака, ни его расторжение, ни изменение гражданства мужем в период брачных отношений не могут автоматически отражаться на гражданстве жены[87]. Более того, Конвенция установила гарантию, что ни добровольное приобретение супругом иного гражданства, ни отказ от существующего гражданства не лишают его жену права сохранять собственное гражданство[88].

Таким образом, Конвенция 1957 года стала важнейшим этапом в развитии международно-правовых стандартов, обеспечив автономность гражданско-правового статуса женщины и заложив основы гендерного равенства в вопросах гражданства, одновременно минимизировав международные конфликты коллизионного характера.

---

[86] Hammar, Tomas. Dual Citizenship and Political Integration. // International Migration Review. Vol. 19 No 3. 1985. pp. 438-450.

[87] Статья 1 Конвенции о гражданстве замужней женщины, принятая резолюцией 1040 (XI) Генеральной Ассамблеи от 29 января 1957 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/married_women_nationality.shtml

[88] Статья 2 Конвенции о гражданстве замужней женщины, принятая резолюцией 1040 (XI) Генеральной Ассамблеи от 29 января 1957 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/married_women_nationality.shtml

Вместе с тем, Конвенция 1957 года оказала значительное влияние на увеличение числа случаев двойного гражданства, выступая не только как нормативный акт, но и как важный фактор, способствующий изменению подходов к гражданству в международной практике. Именно Конвенцией 1957 года было предусмотрено, «… что иностранка, состоящая замужем за кем-либо из его граждан, может приобрести, по своей просьбе, гражданство своего мужа в специальном упрощенном порядке натурализации» [89] . Соответственно, замужняя женщина стала вправе в упрощенном порядке приобретать гражданство супруга, сохраняя при этом свое первоначальное гражданство.

Кроме того, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин установила, что «государства-участники предоставляют женщинам равные с мужчинами права в отношении гражданства их детей» [90]. Соответственно, дети от смешанных браков вправе претендовать в равной мере на вступление в гражданство или отца, или матери.

Еще одна причиной возникновения двойного гражданства является приобретение лицом гражданства другого государства в соответствии с его внутренним законодательством данного государства, сохраняя при этом свое первоначальное гражданство. Причиной такого приобретения еще одного гражданства могу быть самые разные: переезд лица на новое, постоянное или временное, место жительства в другую страну, прохождение им военной службы в иностранном государстве или так называемое «инвестиционное гражданство», когда оно приобретается путем инвестирования физическим лицом принадлежащих ему денежных или иных материальных средств в экономику другой страны в определенной ее внутренним законодательством сумме.

---

[89] Статья 3 Конвенции о гражданстве замужней женщины, принятая резолюцией 1040 (XI) Генеральной Ассамблеи от 29 января 1957 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/married_women_nationality.shtml

[90] Статья 9 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml

Весьма специфической причиной возникновения двойного гражданства является использование гражданином одного государства своего законного права на приобретение гражданства другого государства. Тем самым осуществляется так называемая «активация спящего гражданства» физического лица. На наш взгляд, причины активации спящего гражданства непосредственно связаны с усилением в настоящее время миграционных потоков населения.

Стимулами к использованию такой разновидности натурализации во многом являются те правовые и социальные преимущества, которые получают лица с множественной гражданской принадлежностью. Обладание гражданством сразу нескольких государств формирует устойчивую правовую связь с каждым из них, обеспечивая широкий спектр прав и свобод, а также снижая потенциальные риски, связанные с вынужденной миграцией или изменением политико-правовой обстановки.

Одним из ключевых преимуществ является упрощенный режим пересечения государственных границ. Наличие у лица нескольких гражданств позволяет пользоваться льготами многочисленных двусторонних соглашений о безвизовых поездках, что существенно облегчает реализацию права на свободу передвижения. В частности, Т. Я. Хабриева[91] указывает на положения Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана от 17 июля 1999 года, согласно которому граждане обеих стран, имеющие двойное гражданство, могут въезжать, выезжать и перемещаться по территории договаривающихся государств без виз по национальному паспорту страны постоянного проживания при условии наличия документа, подтверждающего гражданство другой стороны.

Не вызывает сомнений и тот факт, что для гражданина любого государства реализация права на въезд в собственную страну осуществляется значительно проще, чем для иностранного лица, что само по себе является

[91] Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 4: монографии. Содерж.: Миграционное право России: теория и практика. – М., 2018. С. 273-274.

весомым преимуществом двойного гражданства. В этом контексте трудно не согласиться с мнением Л. В. Андриченко[92], которая справедливо отмечает, что институт гражданства способен выступать одним из факторов стимулирования и упорядочивания миграционных потоков, влияя как на индивидуальный выбор мигрантов, так и на миграционную политику государств.

Таким образом, двойное гражданство положительно сказывается на мобильности населения. Это касается и актуально как в случае политической мобильность (беженство, миграция), так и экономической (поиск работы, повышение благосостояния), и культурной (желание приобщиться к другим культурам).

На наш взгляд, важным стимулом приобретения гражданства второго или третьего государства является стремление снизить имеющиеся риски, связанные с политической нестабильностью в отдельных развивающихся государствах. Таким образом граждане стремятся иметь возможность легко изменить место жительства в случае изменения политического фона в государстве постоянного проживания.

Существование бипатризма в течение длительного исторического периода и отсутствие объективных предпосылок для признания его обреченности на забвение в перспективе, основаны на том, что вышеприведенные причины возникновения случаев двойного гражданства активно стимулируются заключением межгосударственных соглашений о двойном гражданстве. К таким относятся ранее упомянутые международные договоры, заключенные Российской Федерацией с Таджикистаном, Туркменистаном, Абхазией и Южной Осетией, которые предусматривают предоставление гражданам договаривающихся государств права приобретения гражданство другого государства - участника соответствующего договора, без утраты ими своего первоначального

[92] Подробнее см.: Андриченко Л.В. Миграционное законодательство в системе российского законодательства // Журнал российского права. № 3. 2018. С. 5-16.

гражданства. Проекты аналогичных соглашений были подготовлены к подписанию Российской Федерацией и с рядом других государств, образованных на пространстве бывшего СССР. Помимо Российской Федерации аналогичные межгосударственные соглашения подписывались и другими странами. Так, Испания заключила серию межгосударственных соглашений о двойном гражданстве со странами Латинской Америки.

Необходимо также отметить, что государства, объединенные историческими связями, чаще всего заключают международные соглашения, которые способствуют возникновению двойного гражданства. Это утверждение верно как в случае с Российской Федерацией, так и с Королевством Испания.

Наряду с рассмотренными основаниями особое место среди факторов возникновения двойного и множественного гражданства занимает случаи правопреемства государств. Изменение государственной принадлежности территории, объединение или распад государств, а также отделение части территории способны приводить к одновременному возникновению у одного лица юридически значимых связей с несколькими государствами – государством-предшественником и государством-преемником либо несколькими государствами-преемниками. В отличие от классических случаев бипатризма, возникающих вследствие коллизии национального законодательства или добровольной натурализации, множественность гражданства в подобных обстоятельствах возникает независимо от воли конкретного физического лица и непосредственно связана с трансформацией самой территориально-политической организации государства, приобретая выраженное международно-правовое измерение.

Специальное регулирование данного вопроса получило развитие в принятых Комиссией международного права ООН в 1999 году Статьях о гражданстве физических лиц в связи с правопреемством государств [93] ,

[93] Статьи о гражданстве физических лиц в связи с правопреемством государств, принятые Комиссией международного права ООН в 1999 г. // Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 55/153

впоследствии приложенных к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 55/153 от 12 декабря 2000 года. Исходным принципом Статей является право каждого лица, обладавшего на момент правопреемства гражданством государства-предшественника, на гражданство по меньшей мере одного из затронутых государств, дополняемое обязанностью последних принимать меры по предотвращению безгражданства. Вместе с тем предложенная Комиссией модель учитывает и противоположный риск – возникновение множественного гражданства. Так, при распаде государства или отделении части его территории одно и то же лицо в силу места обычного проживания, прежней территориальной принадлежности либо иной соответствующей правовой связи может отвечать условиям приобретения гражданства двух или нескольких государств-преемников. В таких случаях существенное значение приобретает право оптации и учет воли заинтересованного лица.

При этом международно-правовое регулирование правопреемства не исходит из существования безусловного права лица сохранить все гражданства, основания для приобретения которых возникли вследствие правопреемства. Статьи 1999 года, с одной стороны, требуют учитывать волю лиц, имеющих основания для приобретения гражданства двух или более затронутых государств, а с другой – допускают возможность обусловить приобретение гражданства отказом от гражданства другого затронутого государства либо предусмотреть утрату прежнего гражданства вследствие добровольного приобретения нового при условии недопущения безгражданства. Тем самым правопреемство государств представляет собой самостоятельный фактор возникновения ситуаций двойного и множественного гражданства, при регулировании которых международное право стремится обеспечить баланс между интересами затронутых государств, волей заинтересованного лица и необходимостью предотвращения безгражданства.

от 12 декабря 2000 г. «Гражданство физических лиц в связи с правопреемством государств». Приложение. Док. ООН A/RES/55/153. URL: https://digitallibrary.un.org/record/429362?v=pdf

При этом оценить влияние принятых КМП Статей 1999 года достаточно сложно в силу отсутствия распространенной практики государств, что оставляет открытым вопрос о том, представляют ли эти Статьи кодификацию уже существующих норм (*de lege lata*) или же все же представление КМП о том, какими должны быть нормы в таких случаях (*de lege ferenda*).

Таким образом, на наш взгляд, можно констатировать следующие основания возникновения и существования правового института двойного гражданства:

- исторически первой причиной возникновения двойного гражданства стало дарование гражданства отличившимся или оказавшим неоценимую услугу государству и обществу иностранцам;
- приобретение двойного гражданства стимулируется конкуренцией норм внутреннего законодательства двух государств, предусматривающих разные принципы получения гражданства;
- вариативность современных международных отношений и дальнейшее развитие регулирующего их международного права приводят к увеличению причин возникновения двойного гражданства;
- двойное гражданство поощряется заключением двусторонних международных договоров;
- одним из основных факторов возникновения случаев двойного гражданства является экзогамия;
- увеличение количества случаев двойного гражданства объективируется усиливающимися миграционными процессами, от интенсивности которых зависят темпы роста количества возникающих случаев двойного гражданства;
- политическая нестабильность в развивающихся странах увеличивает стремление их граждан снижать риски путем приобретения также гражданства иных государств;

– процессы правопреемства государств, включая распад и объединение государств, отделение или передачу части территории, в результате которых у лица могут возникать основания для приобретения либо сохранения гражданства двух или нескольких затронутых государств.

3. Институт двойного гражданства в международной правовой системе

Вопросы гражданства изначально рассматривались в качестве одного из ключевых проявлений суверенитета государства[94], поскольку именно оно обладает исключительным правом определять основания, порядок приобретения, изменения и прекращения гражданско-правовой принадлежности. Данный подход был прямо подтвержден Международным судом ООН, который указал, что международное право признает за каждым государством свободу устанавливать собственные нормы в сфере регулирования гражданства[95].

В силу этого институт гражданства традиционно закрепляется в конституционном и ином внутреннем законодательстве, отражая особенности правовой системы, политического строя и национальных интересов конкретного государства. Хотя отдельные аспекты гражданства получают международно-правовое регулирование – например, в части недопустимости дискриминации, предупреждения безгражданства или защиты прав человека, - в целом данный институт пока остается прерогативой национального права и важнейшим элементом реализации государственного суверенитета.

Однако, постепенно регулирование вопросов гражданства стало выходить за рамки внутреннего законодательства и все больше входить в

[94] Hoffman, Rainer. Overview of Nationality and Citizenship in International Law // O'Leary, Siofra and Tilikainen, Teija (eds.). Citizenship and Nationality Status in the New Europe, London: Sweet & Maxwell. 1998. PP. 5-19.

[95] Дело Ноттебома. Решение от 6 апреля 1955 года. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948 – 1991. Организация Объединенных наций. Нью-Йорк. 1993. С.42. URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf

предмет международного публичного права. Современная доктрина и практика подтверждают, что институт гражданства более не ограничивается исключительно сферой внутренней компетенции государств [96] . На это указывает и Европейская конвенция о гражданстве 1997 года, закрепившая принцип международного признания национального законодательства о гражданстве лишь в том случае, если оно соответствует нормам международных договоров, международному обычному праву и общепризнанным принципам регулирования вопросов гражданства[97].

Международно-правовое измерение гражданства начало формироваться в конце XIX века с попытки международного урегулирования вопросов двойного гражданства посредством так называемых Банкрофтовых договоров. Постепенно подобная практика получила широкое распространение и превратилась в устойчивую тенденцию. Как справедливо отмечает Е. С. Смирнова, после создания Лиги Наций в 1920-е годы влияние международного права на традиционно суверенную сферу гражданско-правового регулирования стало очевидным и приобрело системный характер[98].

Данный подход был подтвержден и в судебной практике: уже в 1932 году Постоянная палата международного правосудия указала, что государство не вправе ссылаться на положения своей конституции для уклонения от международных обязательств [99] . Впоследствии данная позиция получила универсальное закрепление – так, Ян Броули подчеркивал, что государства несут общую обязанность гармонизировать внутреннее право с международными обязательствами[100], а статья 27 Венской конвенции о праве

---

[96] Волох В. А., Воронина Н. А. К вопросу о двойном гражданстве // Право и политика. 2018. № 1. С. 41.

[97] Пункт 2 статьи 3 Европейской конвенции о гражданстве. Страсбург, 6 ноября 1997 года.

[98] Смирнова Е.С. Проблема определения прав лиц с множественным гражданством: движение от конституционного права к праву международному // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 4. С. 35 - 41.

[99] Permanent Court of International Justice. Reports. Ser. A/B. № 44. 1932. P. 24.

[100] Броули, Ян. Международное право: В 2 кн. / пер. с англ. С.Н. Адрианова; под ред. и со вступ. ст. Г.И. Тункина. М.: Прогресс, 1977. Кн. 2. С. 45.

международных договоров 1969 года прямо установила запрет для государств-участников ссылаться на нормы внутреннего законодательства в качестве оправдания неисполнения международных договоров[101].

Тем не менее, как справедливо замечает Л. И. Спиридонов[102], специфика гражданства как правового феномена заключается в его органической связи с самим институтом государства и национальной правовой системой. В силу этого определить его точное место в системе права представляется чрезвычайно сложной задачей: гражданство одновременно остается элементом национального правопорядка и частью международно-правового регулирования.

С.С. Кишкин[103] справедливо указывает на высокую степень политизации института гражданства, что обусловливает необходимость его регулирования одновременно средствами национального и международного права. С одной стороны, государство в силу своего суверенитета обладает исключительной компетенцией по определению круга собственных граждан и установлению порядка приобретения, изменения и прекращения гражданства. С другой стороны, при формировании внутреннего законодательства государство не может действовать в полной изоляции, поскольку оно обязано учитывать общепризнанные принципы международного права, а также нормы международных договоров, направленных на цивилизованное урегулирование коллизий между правопорядками различных стран в сфере гражданства[104].

Данная позиция в полной мере согласуется с положениями статьи 1 Конвенции 1930 года, регулирующей некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве. Указанная норма закрепляет двойственный подход: во-первых, подтверждается право каждого государства самостоятельно определять в своем внутреннем законодательстве, кто

---

[101] Статья 27 Венской конвенции о праве международных договоров 23 мая 1969 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml
[102] Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М. 1996. С. 100.
[103] Кишкин С.С. Советское гражданство. М., 1925. С. 3.
[104] Там же.

является его гражданином; во-вторых, признается, что подобное национальное регулирование подлежит уважению и признанию со стороны других государств только при условии его соответствия международным договорам, международному обычаю и общепризнанным принципам права, применимым в сфере гражданства[105].

Ю.А. Гасанов акцентирует внимание на сущностной стороне института гражданства, рассматривая его прежде всего как политико-правовую связь личности и государства и, исходя из этого, квалифицирует гражданство в качестве элемента национальной правовой системы[106]. Аналогичной позиции придерживается Э.Э. Джалилова, справедливо отмечающая, что гражданство представляет собой институт конституционного права, формирующий характер и специфику взаимоотношений личности с государством[107].

Вместе с тем, в научной дискуссии обращается внимание на то, что вопрос о правовой природе института гражданства – отнесении его преимущественно к международному или конституционному праву – напрямую зависит от того, как конкретное государство выстраивает баланс между принципом защиты своего суверенитета и обязанностью соблюдать международные обязательства в сфере прав человека[108]. Иными словами, степень международно-правового измерения гражданства определяется национальной моделью взаимодействия внутреннего и международного права. При этом приоритет в пользу того или иного принципа устанавливается государством индивидуально, исходя из политической системы, уровня институционализации гражданского общества и иных социально-правовых факторов.

---

[105] Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве, Гаага, 12 апреля 1930 года. URL: http://docs.cntd.ru/document/1900750

[106] Гасанов Ю.А. Конституционные угрозы двойного гражданства // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 4. С. 43.

[107] Джалилова Э.Э. К вопросу об институте двойного гражданства в России // Современное право. 2016. № 5. С. 34.

[108] См. подробнее: Смирнова Е.С. Проблема определения прав лиц с множественным гражданством: движение от конституционного права к праву международному // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 4. С. 35 - 41.

Так, Российская Федерация на конституционном уровне закрепила, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [109], тем самым обозначив гуманистический вектор национального регулирования вопросов гражданства. Это свидетельствует о том, что государства самостоятельно формируют правовые подходы к определению содержания и структуры института гражданства в целом, а также к регулированию его отдельных проявлений, включая институт двойного гражданства.

Институт двойного гражданства представляет собой сложное и многоплановое правовое явление, охватывающее различные уровни общественных отношений. Его специфика заключается в том, что он опосредует не только вертикальные связи между человеком и государствами, чьим гражданством он обладает, но и горизонтальные – между самими государствами, вынужденными взаимодействовать по вопросам, связанным с возникновением и урегулированием множественной гражданской принадлежности.

Межгосударственные правоотношения в данной сфере исторически складывались преимущественно в двух плоскостях. Во-первых, в форме договорных механизмов разрешения правовых коллизий и координации государственной политики, что стало первой и наиболее традиционной формой международного регулирования вопросов гражданства. Во-вторых, в процессе трансферта или оптации гражданства, сопровождавших изменение государственных границ, процессы правопреемства или урегулирование правового статуса этнических и национальных групп. Эти отношения по своей природе относятся к предмету международного публичного права и регулируются нормами таких его отраслей, как международное право прав человека и право международных договоров. В случае возникновения конфликтов соответствующие споры рассматриваются международными судебными инстанциями, которые также опираются на нормы

[109] Статья 2 Конституции Российской Федерации. URL: http://www.constitution.ru/

международного публичного права, формируя при этом правоприменительную практику, имеющую универсальное значение.

Наряду с межгосударственным измерением институт двойного гражданства включает и отношения индивида с конкретными государствами. К числу наиболее типичных примеров относятся:

- предоставление дипломатической и консульской защиты лицу с двойным гражданством;
- регулирование исполнения воинской обязанности: в частности, статья 5 Конвенции о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности[110] прямо закрепляет обязанность выполнения воинской повинности только в отношении одного государства, что исключает дублирование военных обязательств;
- выполнение индивидом обязанности по уведомлению государства о наличии у него иностранного гражданства, если такая обязанность закреплена национальным законодательством.

Таким образом, институт двойного гражданства существует на стыке различных уровней правового регулирования. Его международно-правовое измерение проявляется в обеспечении баланса суверенных интересов государств и соблюдении универсальных принципов прав человека. Национально-правовое – в регламентации процедурных аспектов реализации гражданства, включая уведомительный порядок, воинскую обязанность и предоставление защиты. В совокупности это свидетельствует о том, что двойное гражданство выступает не только элементом конституционного и административного права, но и важнейшим объектом международного регулирования, находящимся в эпицентре взаимодействия суверенитета и универсализма международных правовых норм.

[110] Конвенция о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства, Страсбург, 6 мая 1963 года. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168006b7f4

Особого анализа заслуживает аспект, связанный с ограничениями, налагаемыми на лиц, обладающих двойным гражданством. Национальные правопорядки многих государств закрепляют в своем законодательстве специальные запреты и ограничения для этой категории лиц. Наиболее распространенными являются ограничения на замещение должностей государственной службы, сопряженных с осуществлением публичной власти, а также запрет на доступ к сведениям, составляющим государственную тайну. Подобные правовые барьеры объясняются опасением государства относительно возможного конфликта лояльностей и утраты исключительности правовой связи гражданина с государством.

Вместе с тем указанные ограничения можно квалифицировать как юридические факты, подрывающие устойчивый характер социально-правовой связи индивида с одним из государств его гражданской принадлежности. Тем самым институт двойного гражданства демонстрирует качественное отличие от института моногражданства, поскольку влечет не только расширение возможностей лица (в виде доступа к правам и гарантиям двух правопорядков), но и установление дополнительных правовых обременений.

Следует подчеркнуть, что такие запреты и ограничения не являются абсолютными. Лица, обладающие двойным гражданством, сохраняют право их оспаривания как в рамках национальных судебных систем, так и посредством международных механизмов защиты прав человека, включая обращение в межгосударственные судебные и квазисудебные органы. Подобные споры позволяют поставить под сомнение допустимость ограничений с точки зрения принципа недискриминации, а также проверить их соразмерность конституционно и международно закрепленным правам и свободам личности.

Исходя из этого, можно заключить, что правоотношения, формирующие содержание института гражданства, принципиально отличаются от правоотношений, вытекающих из института двойного гражданства. Отличие проявляется как в объеме и характере предоставляемых прав и обязанностей,

так и в специфике ограничений, возникающих вследствие множественной гражданской принадлежности. Таким образом, двойное гражданство представляет собой не простое удвоение правового статуса, а самостоятельный правовой феномен, обладающий собственным набором правовых последствий и проблемных аспектов, требующих комплексного национального и международного регулирования.

С учетом содержания и природы правоотношений, возникающих в связи с обладанием лицом двойным гражданством, вызывает сомнение позиция Э. Э. Джалиловой, согласно которой институт гражданства в целом следует рассматривать как родовое понятие по отношению к институту двойного гражданства [111] . Подобная классификация не отражает всей специфики двойного гражданства, поскольку оно не сводится лишь к модификации или частному случаю общего института гражданства, а представляет собой более сложное правовое явление, обладающее самостоятельной структурой и системой последствий.

Хотя Джалилова справедливо указывает на внешнеполитический аспект двойного гражданства, рассматривая его как инструмент интеграции государств в международное сообщество и средство укрепления межгосударственных связей [112] , данное утверждение требует уточнения. Двойное гражданство действительно оказывает влияние на характер международного взаимодействия, однако его институциональное содержание не исчерпывается только функцией содействия интеграционным процессам. В равной степени оно связано с решением правовых коллизий, защитой прав личности, а также с балансировкой между суверенными интересами государств и международно-правовыми обязательствами.

Позиция Е. С. Смирновой о том, что углубление взаимозависимости государств и снижение угрозы военных конфликтов приведут к расширению

---

[111] См. подробнее: Джалилова Э.Э. К вопросу об институте двойного гражданства в России // Современное право. 2016. № 5. С. 34-39.

[112] Джалилова Э.Э. К вопросу об институте двойного гражданства в России // Современное право. 2016. № 5. С. 36.

практики признания двойного гражданства[113], также заслуживает внимания. Тем не менее данное утверждение носит скорее прогностический и политико-правовой характер, чем отражает сущностные характеристики института.

Представляется, что двойное гражданство как правовой институт следует рассматривать не столько как производное от общего гражданства, сколько как качественно иной феномен. Его содержание заключается в установлении и регулировании особого правового статуса лица, одновременно находящегося в отношениях устойчивой политико-правовой принадлежности к двум государствам, что влечет за собой уникальные права, обязанности и ограничения. Таким образом, институциональная природа двойного гражданства выражается не в его интеграционной функции, а в обеспечении юридического баланса между национальными правопорядками и международными стандартами защиты прав личности.

Ключевое значение для осмысления природы и определения места института двойного гражданства в системе современного права имеет Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года[114]. Данный документ стал переломным моментом в развитии международно-правовой доктрины, поскольку впервые в качестве самостоятельного и универсального принципа международного права был закреплен принцип уважения прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений.

Закрепление этого принципа имело не только декларативное, но и системообразующее значение: оно фактически изменило баланс между традиционным пониманием государственного суверенитета и необходимостью соблюдения международных стандартов в области прав человека. В контексте института двойного гражданства данный акт выступил

[113]Смирнова Е.С. Проблема определения прав лиц с множественным гражданством: движение от конституционного права к праву международному // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 4. С. 41.

[114]Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Хельсинки, 1 августа 1975 года. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf

своеобразным нормативным ориентиром, определившим, что вопросы принадлежности лица к тому или иному государству и возможного наличия множественного гражданства должны рассматриваться не исключительно через призму интересов государства, но и с учетом гарантирования и защиты основных прав индивида.

Тем самым, на наш взгляд, именно с этого момента права человека и основные его свободы перешли на другой, более высокий уровень признания и защиты в системе международного права, и их можно рассматривать в качестве *jus cogens generalis*. Полагаем, что во многом именно данное обстоятельство позволило П. Дж. Спиро рассматривать двойное гражданство в качестве индивидуального права[115].

Государства – участники Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки 1975 года зафиксировали принципиально важное положение: уважение прав человека и основных свобод представляет собой не просто внутренний элемент правопорядка, а ключевой системообразующий фактор поддержания международного мира, справедливости и стабильности [116] . Указанный принцип был прямо увязан с развитием дружественных отношений и сотрудничества как между самими государствами – участниками Совещания, так и в их взаимодействии с иными субъектами международного права.

Тем самым, акцент был смещен с традиционно узкого понимания суверенитета на признание того, что суверенитет государств не может быть реализован в отрыве от уважения фундаментальных прав личности. Данное согласие государств фактически закрепило новый международно-правовой стандарт: обеспечение прав человека стало не внутренним делом государства, а условием легитимности его участия в международном сообществе.

---

[115]Подробнее см.: Spiro, Peter J. Dual citizenship as human right//International Journal of Constitutional Law. 2010. P. 111-130.

[116] Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Хельсинки, 1 августа 1975 года. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf

В таком контексте положения Заключительного акта СБСЕ заложили концептуальную основу для последующего восприятия института гражданства, включая двойное гражданство, сквозь призму международных обязательств в сфере прав человека, что предопределило постепенный отказ от исключительно «суверенной» интерпретации этих отношений.

В контексте данного научного исследования особенно важным аспектом принципа уважения прав человека и основных свобод представляется равенство прав национальных меньшинств с другими категориями населения. Как известно, представители национальных меньшинств являются лицами с двойным гражданством, так как, помимо гражданства страны пребывания, обладают также гражданством страны происхождения. Этот аспект, на наш взгляд, дает возможность лицам с двойным гражданством из числа национальных меньшинств в полной мере пользоваться правами человека и основными свободами, предусмотренными действующим международным правом.

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года имел судьбоносное значение не только для развития системы международной безопасности, но и для эволюции самого понимания правового статуса личности в международном праве. Именно в нем был окончательно разрешен один из наиболее дискуссионных вопросов доктрины – вопрос о международной правосубъектности индивида. Впервые в истории международных отношений человек был прямо признан субъектом международного права, обладающим собственным объемом прав и обязанностей, что было закреплено в качестве основополагающего принципа современного международного правопорядка.

С этого момента категории правоспособности, дееспособности, деликтоспособности и гражданства личности перестали восприниматься исключительно как элементы национальных правопорядков и получили статус международно-правовых категорий. Это означало качественный сдвиг в структуре международного права: личность перестала быть объектом

опосредованного регулирования через государство и стала самостоятельным носителем международно-правовых гарантий.

В данном контексте институт двойного гражданства также трансформировался: он оформился в виде целостного международно-правового комплекса, включающего систему взаимосвязанных норм публичного права, обеспечивающих баланс между суверенитетом государств и необходимостью защиты прав человека. Его место в системе права оказалось четко определено – он стал частью отрасли международного права прав человека, встроенной в общую систему международного публичного права и раскрываемой в науке международного права как «совокупность норм, определяющих единые для международного сообщества стандарты прав и свобод человека (группы лиц, коллектива), устанавливающих обязательства государств по закреплению, обеспечению и охране этих прав и свобод и представляющих индивидам юридические возможности реализации и защиты признаваемых за ними прав и свобод»[117].

[117] Международное право: учебник / отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. С. 460.

Глава II. Международно-правовое регулирование и практическое применение института двойного гражданства

1. Развитие международно-правового регулирования двойного гражданства в деятельности государств

В представлениях ученых прошлого феномен двойного гражданства в течение длительного исторического периода не вписывался в традиционные представления о взаимоотношениях между человеком и государством. Уже в конце XIX века государства и научное сообщество обратили на него свое внимание. Такой серьезный интерес был обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, двойное гражданство часто создавало напряженность в межгосударственных отношениях. Скажем, если одно государство пыталось встань на сторону своего гражданина и защитить права человека, которого другое государство также считало своим гражданином, то это неизбежно приводило к дипломатическим конфликтам.

Во-вторых, двойное гражданство представляло собой серьезную потенциальную угрозу суверенитету государств, особенно вовремя международных или вооруженных конфликтов, из-за возможного конфликта лояльности – ситуации, когда человек не может решить, какой стране он должен быть верен, и какую сторону конфликта поддержать.

А.И. Ковлер, анализируя феномен двойного гражданства сквозь призму конфликта лояльности, справедливо отмечает, что для государства пребывания лицо с двойным гражданством нередко воспринимается как гражданин с пониженной степенью политико-правовой преданности, равно как и для государства происхождения[118]. Данная коллизия наиболее очевидна в тех случаях, когда между соответствующими государствами отсутствуют устойчивые добрососедские отношения и, напротив, сохраняется политическая или правовая напряженность.

[118] Ковлер А.И. Двойное гражданство: панацея или ловушка? // Актуальные проблемы гражданства: Материалы международной научно-практической конференции по проблемам гражданства. Москва, 1995. С. 119.

Ключевым является именно этот акцент: характер восприятия лиц с двойным гражданством во многом обусловлен качеством межгосударственных отношений. Если государства связаны союзническими или, по крайней мере, добрососедскими связями, конфликт лояльности утрачивает практическую значимость, а правовое отношение к двойному гражданству приобретает более либеральные формы. В противном случае, при отсутствии доверия между государствами, двойное гражданство рассматривается ими преимущественно как угроза национальной безопасности и инструмент потенциальной нелояльности.

Историческая практика подтверждает данный вывод: начиная с XIX века, именно недоверие и отсутствие добрососедских отношений побуждали государства системно стремиться к устранению или сведению к минимуму случаев двойного гражданства. Таким образом, институт двойного гражданства в разные исторические эпохи и до настоящего времени демонстрирует зависимость не только от внутреннего права государств, но и от политико-правовой конфигурации их международных отношений, где добрососедство становится ключевым фактором в смягчении или обострении проблемы конфликта лояльности.

В условиях современного мира, характеризующегося беспрецедентной интенсивностью межгосударственного общения и всеобъемлющими процессами глобализации, объективно возрастает потребность в формировании единообразного подхода международного сообщества к институту двойного гражданства и его закрепления в универсальном международно-правовом акте. Унификация в данной сфере становится не только юридической необходимостью, но и условием стабильности международного правопорядка, учитывая растущее число лиц, вовлеченных в трансграничные социальные и правовые связи.

В этой связи представляется очевидным, что высказанное Александром Биккелом суждение о том, что «вопросы гражданства перестали быть важной

общественной проблемой» [119], не отвечает реалиям современности. Однако нельзя отрицать, что в контексте 1970-х годов данная позиция имела определенные основания. В этот период наблюдалось заметное снижение масштабов миграционных процессов; была подписана Конвенция 1963 года о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства; активно заключались двусторонние договоры, направленные на минимизацию правовых коллизий и устранение практики множественного гражданства. В условиях относительной стабильности международной системы гражданство воспринималось скорее как второстепенный институт, не имеющий критического значения для международного правопорядка.

Как справедливо отмечал С. Сучариткул, «роль и значение гражданства в современном праве является результатом актуального развития международных отношений» [120]. В античном международном праве вопросы гражданства действительно не имели системообразующего значения; напротив, в современном международном праве гражданство, включая его особую форму – двойное гражданство, трансформировалось в ключевую категорию, непосредственно затрагивающую баланс между суверенитетом государств и универсальными стандартами защиты прав человека.

Таким образом, эволюция восприятия гражданства иллюстрирует прямую зависимость его юридической природы и социальной значимости от динамики международных отношений, где современный этап развития требует перехода от фрагментарного регулирования к универсализации и закреплению общих международных стандартов.

Тайский исследователь С. Сучариткул, на наш взгляд, совершенно обоснованно акцентирует внимание на ключевой роли института гражданства в современном правопорядке и в жизни личности, в том числе в его

---

[119] См: Bickel, Alexander M. The Morality of Consent. New Haven and London: Yale University Press. 1975. p. 53-54

[120] Sucharitkul, Sompong. Thai nationality in international perspective // Nationality and international law in Asian perspective, ed. Ko Swan Sik. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1990, P. 453.

специфической форме — двойного гражданства. Его позиция справедлива не только применительно к современности, но и в ретроспективном аспекте: действительно, первые попытки международно-правового урегулирования вопросов, связанных с принадлежностью лица к нескольким гражданско-правовым сообществам, можно обнаружить уже в античности.

В частности, как уже отмечалось ранее, соглашения древнегреческих полисов об эпигамии могут рассматриваться в качестве прототипа международно-правовых договоренностей в сфере регулирования гражданства. Так, в соответствии с соглашением, заключенным между Афинами и Эвбеями в конце V века до н.э., в случае проживания семьи в полисе жены гражданство предоставлялось мужу и детям со стороны ее полиса; напротив, при проживании в полисе мужа соответствующее гражданство получали супруга и дети[121].

Таким образом, институт эпигамии выполнял функции, близкие к современным механизмам международного частного и публичного права: устранял правовые коллизии, обеспечивал взаимное признание гражданского статуса и, по сути, формировал раннюю модель транснационального регулирования правоотношений по вопросам гражданства. В этом проявляется преемственность исторического развития института гражданства, где его «двойственность» изначально воспринималась как инструмент поддержания союзнических и добрососедских отношений между государственными образованиями.

В целом, можно сказать, что регулирование двойного гражданства в Древней Греции достигло достаточно высокого уровня, о чем свидетельствует и наличие множества правовых памятников той эпохи.

Однако, необходимо также отметить и тот факт, что наука и практика в отношении феномена двойного гражданства начала расходиться уже в

[121] The New Encyclopaedia Britannica. Macropaedia, 15th ed., Vol. 20, Encyclopaedia Britannica, Inc., 1993. P. 222.

Древнем мире. Марк Туллий Цицерон отмечал, что «мы не можем принадлежать к этому государству и с тем же успехом к другому» [122].

В то же время, как уже отмечалось выше, Рим, в лице императора Марка Аврелия Антонина Каракаллы, явил нам другое отношение к двойному гражданству, предоставив римское гражданство почти всем свободным жителям империи.

Важно также отметить, что в эпоху Древней Греции вопросы двойного гражданства решались, как на внутригосударственном (внутриполисном) уровне, так и с помощью межгосударственных (межполисных) соглашений (например, об эпигамии). Однако, Древний Рим, несмотря на более высокий уровень развития науки и права, делал это только на внутригосударственном уровне. Такая практика, естественно, обуславливалась историческим аспектом, но и не могла эффективно решать возникающие коллизии и конфликты, связанные с двойным гражданством.

Как уже указывалось выше, столетиями позже напряженность в межгосударственных отношениях, вызванную состоянием существенного количества лиц в двойном гражданстве, Соединенные Штаты Америки попытались разрешить путем заключения Банкрофтовых договоров.

Рут Доннер справедливо подчеркивает, что ключевая цель так называемых Банкрофтовых договоров заключалась не только в признании за натурализованными гражданами Соединенных Штатов права на экспатриацию как фундаментального элемента их нового правового статуса, но и в обеспечении международных гарантий его уважения [123]. Иными словами, данные соглашения имели двуединую задачу: во-первых, юридически закрепить за лицами, изменившими гражданство, право на полное освобождение от прежней государственной принадлежности, а во-вторых, предотвратить возможность навязывания им государствами происхождения

[122] Цит. по Jolowicz, H.F.and Nicholas, Barry. Historical Introduction to the Study of Roman Law, 3rd ed., Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 72.
[123] Donner, Ruth. The Regulation of Nationality in International Law, 2nd ed., Irvington-on-Hudson, N. Y.: Transnational Publishers, Inc., 1994. P. 43.

воинских или иных публично-правовых обязанностей, которые были бы несовместимы с их новым статусом.

После подписания и вступления в силу Банкрофтовых договоров наблюдалось значительное сокращение числа лиц с двойным гражданством. Этот процесс был обусловлен условием указанных договоров об лишении государством-подписантом гражданства лица, которое приобрело гражданство другой стороны договора.

Таким образом, юридическое закрепление в международном праве к началу XX века нашло право на экспатриацию. С укреплением права на экспатриацию укреплялось и правовое положение человека в рамках института гражданства, поскольку стал возможен выход из гражданства. Тем не менее, отношение к феномену двойного гражданства в указанный период принципиально не претерпело эволюции: как в доктринальной плоскости, так и в правоприменительной практике сохранялась устойчивая тенденция его негативного восприятия.

Уже в XX веке количество государств, которое стало сталкиваться со случаями двойного гражданство, выросло радикально, а к концу XX столетия каждое государство планеты предпринимало попытки регулирования вопросов двойного гражданства: запретить, ликвидировать или урегулировать возникающие коллизии.

Альфред Болль [124] справедливо акцентирует внимание на том, что Германия в конце XIX – начале XX века занимала весьма специфическую позицию в вопросах гражданства, фактически вступавшую в противоречие с международными обязательствами. Несмотря на заключенные соглашения, направленные на минимизацию случаев множественного гражданства, германское законодательство допускало сохранение немецкого гражданства за лицами, натурализованными в иностранных государствах, включая США. Данная норма закрепляла возможность удержания двойного гражданства и

[124] Boll, Alfred M. Multiple Nationality and International law. Martinus Nijhoff Publishers. Leiden / Boston. 2007. P. 185-186.

тем самым подрывала согласованные международные усилия по устранению коллизий в этой сфере.

Ситуация изменилась лишь после Первой мировой войны. Мирный договор, подписанный в 1919 году между Германией и Союзными и Объединившимися державами[125], содержал принципиально новую норму. Согласно статье 278[126], Германия была обязана признавать гражданство, приобретенное ее бывшими гражданами в государствах-победителях, вне зависимости от способа его получения – будь то натурализация, применение положений договора или решение компетентных органов соответствующих государств. Более того, Германия должна была освобождать таких лиц от каких-либо обязательств верности в отношении германского государства.

Таким образом, статья 278 Версальского договора закрепила еще одно фундаментальное подтверждение права на экспатриацию в международном праве. Этот шаг стал важным элементом гуманизации международного права и предвестником последующего признания автономного права личности на смену гражданства как универсального международного стандарта.

Однако, Мирный договор между Союзными и Объединившимися державами и Германией привнес сложности, связанные со случаями двойного гражданства, по причине регулирования не всего комплекса проблем, а только его отдельных аспектов. Герш Лаутерпахт[127] связывает с появлением этих сложностей успех Конференции по кодификации международного права 1930 года в Гааге.

В 1929 году Юридический факультет Гарвардского университета подготовил для Конференции по кодификации международного права проект Конвенции о гражданстве[128], который можно охарактеризовать как весьма радикальный для своего времени документ. Его положения отражали

---

[125] Мирный Договор между Союзными и Объединившимися державами и Германией. Версаль, 28 июня 1919 года. // СПС КонсультантПлюс

[126] Там же.

[127] Oppenheim, Lassa Francis. International law. A treatise. ed. Hersch Lauterpacht. London: Longmans, Green & Co., 1948, P. 608–609.

[128] Harvard Draft «The Law of Nationality». URL: http://www.uniset.ca/naty/maternity/23AJILSS13.pdf

стремление не только систематизировать разрозненные подходы государств, но и предложить универсальные механизмы минимизации и устранения случаев множественного гражданства.

Так, с одной стороны, проект допускал возможность приобретения лицом по рождению гражданства двух и более государств, если оно возникало в силу сочетания принципов *jus soli* и *jus sanguinis*. Однако, с другой стороны, в проекте был закреплен жесткий императив: по достижении 23-летнего возраста такое лицо должно было определиться и оставить за собой лишь одно гражданство – того государства, где находилось его постоянное место жительства[129]. Если же к указанному возрасту оно проживало на территории третьего государства, гражданства которого не имело, то сохранялось гражданство государства последнего постоянного проживания. Приобретение нового гражданства по проекту допускалось только в случае отказа от прежнего либо его утраты [130], что фактически исключало возможность правового закрепления института двойного гражданства в будущем.

Принятая же по итогам работы Конференции Конвенция о некоторых вопросах, касающихся гражданства, хотя и не воспроизводила положения Гарвардского проекта в полном объеме, тем не менее во многом сохранила его идеологическую основу. Уже преамбула Конвенции отражала негативное отношение международного сообщества к феномену двойного гражданства: в ней было подчеркнуто, что «каждый человек должен иметь гражданство, и это гражданство должно быть единственным» [131], а также закреплен идеал постепенной ликвидации как апатридизма, так и множественного гражданства. В то же время участники Конвенции осознавали невозможность одномоментного достижения указанной цели, исходя из различий в социально-экономических и политико-правовых системах государств.

[129] Там же, статья 12.
[130] Там же, статья 13.
[131] Convention on Certain Questions Relating to the Conflict of Nationality Laws, the Hague, 12 April 1930. URL: http://eudo-citizenship.eu/InternationalDB/docs/Convention%20on%20certain%20questions%20relating%20to%20the%20conflict%20of%20nationality%20laws%20FULL%20TEXT.pdf

Поэтому документ был задуман как первый шаг на пути к выработке согласованных международных стандартов[132].

Содержательные положения Конвенции, в частности статьи 3 и 5, демонстрировали попытку найти баланс между суверенитетом государств и интересами международного правопорядка. Так, статья 3 закрепляла право каждого из государств рассматривать лицо, обладающее его гражданством наряду с гражданством других стран, исключительно как своего гражданина. Тем самым устранялась возможность отказа государства от признания собственной юрисдикции над «двойным» гражданином. Статья 5, напротив, вводила принцип «наиболее тесной связи» применительно к признанию гражданства третьими странами: они могли признавать за лицом исключительно то гражданство, которое соответствовало государству его преимущественного проживания или государству с наиболее устойчивой фактической связью. Это положение, безусловно, имело прогрессивный характер, так как было направлено на предотвращение коллизий национальных правопорядков и неопределенности правового статуса личности.

Особого внимания заслуживают статьи 6 и 7 Конвенции, закрепившие право на экспатриацию и урегулировавшие отдельные процедурные вопросы его реализации[133]. Тем самым документ еще раз подтвердил признание международным сообществом автономного права личности на изменение гражданско-правовой принадлежности, что отражало тенденцию к гуманизации международного права в первой половине XX века.

Несмотря на постепенное расширение международной дискуссии о допустимости множественного гражданства, в юридической науке сохранялась устойчивая критика этого явления. Так, Отто Киминих характеризовал институт двойного гражданства как «кажущееся неоспоримым

[132] Там же.
[133] Там же.

зло» [134] , способное причинять ущерб как внутреннему правопорядку государств, так и устойчивости международных отношений. Его позиция отражала традиционный государственно-центристский подход, в рамках которого множественная правовая принадлежность индивида рассматривалась не как проявление свободы личности, а как источник потенциальных конфликтов юрисдикций и лояльностей.

Вместе с тем сами носители двойного гражданства зачастую воспринимали свой правовой статус не в негативном, а в позитивном ключе – как расширение возможностей и наличие своеобразной привилегии. Этот статус открывал им доступ к дополнительным социальным, экономическим и политическим правам, закрепленным в правопорядках сразу нескольких государств.

Однако государства, исходя из логики защиты собственного суверенитета и исключительности гражданско-правовой связи с индивидом, последовательно стремились минимизировать подобные случаи. На протяжении XIX–XX веков доминировала практика навязывания лицам с двойным гражданством необходимости выбора – сохранения одной гражданской принадлежности и отказа от другой. Тем самым государственная власть пыталась устранить правовую неопределенность и гарантировать «чистоту» института гражданства как юридической основы взаимных прав и обязанностей личности и государства. Некоторые государства пошли еще дальше и ввели для своих граждан уголовную ответственность за получение второго гражданства[135]. Представляется, что такие меры государств являются чрезмерными и неадекватными по сравнению с потенциальными рисками.

В 1933 году в рамках Седьмой Международной конференции американских государств был сделан значительный шаг в кодификации норм

---

[134] Kimminich, Otto. The Conventions for the Prevention of Double Nationality and Their Meaning for Germany and Europe in an Era of Migration // German Year Book of International Law. 38 ed. 1996. P. 232.

[135] См.: Borchard, Edwin M. The Diplomatic Protection of Citizens Abroad or the Law of International Claims. The Banks Law Publishing & Co. New York. 1925. P. 544. URL: https://ia802505.us.archive.org/20/items/thediplomaticpro00borc/thediplomaticpro00borc_bw.pdf

о гражданстве: были приняты две многосторонние конвенции – Конвенция о гражданстве женщин и Конвенция о гражданстве. Их значение заключается не только в закреплении конкретных правил, но и в том, что они отразили качественно новый этап в эволюции международно-правового регулирования данного института.

Первая из них, Конвенция о гражданстве женщин, имела историческое значение, поскольку впервые на международном уровне прямо запретила дискриминацию по признаку пола в вопросах гражданской принадлежности [136] . Это положение стало правовой вехой, постепенно трансформировавшей традиционную доктрину, в рамках которой гражданство женщины зависело от гражданства ее супруга. Тем самым был положен нормативный фундамент для признания принципа равенства полов в вопросах гражданства как общепризнанной нормы международного права.

Вторая – Конвенция о гражданстве – была ориентирована на предотвращение ситуаций множественного гражданства и укрепление принципа единой гражданской принадлежности индивида. Так, ее статья 2 устанавливала, что лицо утрачивает свое первоначальное гражданство при приобретении гражданства иностранного государства через натурализацию[137]. Более того, государства-участники брали на себя обязанность информировать государство прежнего гражданства о факте натурализации, что отражало тенденцию к институционализации межгосударственного сотрудничества в целях устранения коллизий гражданско-правовых статусов.

Тем не менее, как справедливо подчеркивала Марджори Уайтмен, данные конвенции не получили широкого признания в международном сообществе:

[136] Final Act, Seventh International Conference of American States, Montevideo, Uruguay, 3–26 December 1933, American Journal of International Law, 1933, vol. 28 Supplement, Concord, USA: The Rumford Press, 1933, P. 61.

[137] Final Act, Seventh International Conference of American States, Montevideo, Uruguay, 3–26 December 1933, American Journal of International Law, 1933, vol. 28 Supplement, Concord, USA: The Rumford Press, 1933, P. 62.

лишь ограниченное число государств их ратифицировало [138] . Это свидетельствует о том, что несмотря на прогрессивность положений, закрепленных в указанных договорах, в 1930-е годы сохранялся устойчивый консерватизм государств в вопросах гражданства, а их готовность поступиться элементами своего суверенитета в пользу международных обязательств оставалась крайне ограниченной.

Уже в 1961 году в юридической науке отчетливо прослеживалась тенденция восприятия двойного гражданства как аномального и даже опасного явления. Так, Ниссим Бар-Яаков фиксировал преобладающее в то время мнение, согласно которому множественное гражданство наносит ущерб как гармонии межгосударственных отношений, так и правовому положению личности[139]. Его вывод был категоричен: в условиях отсутствия более тесного международного или регионального сотрудничества, способного создать модель «общего гражданства», множественное гражданство является нежелательным и должно быть ликвидировано[140].

В отечественной доктрине подобная позиция получила еще более радикальное выражение. С.В. Черниченко прямо квалифицировал двойное гражданство как «зло» [141], подлежащее устранению, подчеркивая, что хотя международное право формально и не содержит запрета на множественное гражданство, оно не является нейтральным к этому институту и тем более не признает его легитимность.

Такая оценка не была случайной. Она отражала господствовавшую в середине XX века парадигму государственного суверенитета, когда каждый случай множественного гражданства воспринимался как подрыв исключительной юрисдикции государства над своими гражданами и как

---

[138] Whiteman, Marjorie M. Digest of international law, U.S. Government Printing Office. 1967, P. 82; Organisation of American States, Inter-American treaties and conventions: signatures, ratifications, and deposits with explanatory notes, Washington: OAS General Secretariat, 1993.
[139] Bar-Yaacov, Nissim. Dual Nationality. London: Stevens & Sons. Ltd. 1961. P. 4.
[140] Bar-Yaacov, Nissim. Dual Nationality. London: Stevens & Sons. Ltd. 1961. P. 266.
[141] Черниченко С.В. Вопросы гражданства в современном международном праве: диссертация … кандидата юридических наук: 12.00.00. Москва, 1963. С. 15.

потенциальный источник коллизий норм национальных правопорядков. Более того, в тот период в научном и практическом дискурсе существовала твердая уверенность, что устранение или недопущение случаев двойного гражданства не только необходимо, но и достижимо посредством координации национального законодательства и заключения международных соглашений.

В рассматриваемый период международного права заметное развитие получили универсальные и региональные договорные механизмы, направленные на урегулирование проблематики множественного гражданства. Ключевым актом в этом ряду стала Конвенция о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства 1963 года[142], принятая под эгидой Совета Европы, а также протоколы к ней[143].

Уже в преамбуле Конвенции отчетливо сформулирована правовая установка государств-участников: множественное гражданство рассматривается как источник правовых и политико-административных трудностей, преодоление которых возможно лишь путем согласованных действий государств, направленных на поэтапное сокращение числа случаев множественного гражданства[144].

Содержательная часть документа закрепила ряд новаций. Во-первых, установлено общее правило автоматической утраты прежнего гражданства в случае добровольного приобретения нового гражданства лицом, достигшим

---

[142] Конвенция о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства, 6 мая 1963, ETS/STE No. 43. URL: https://www.refworld.org.ru/docid/55bf3b224.html

[143] Протокол о внесении изменений в Конвенцию о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства от 24 ноября 1977 года. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/095; Дополнительный протокол к Конвенции о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства от 27 ноября 1977 года. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/096; Второй Протокол о внесении изменений в Конвенцию о сокращении числа случаев множественного гражданства и воинской обязанности в случаях множественного гражданства от 2 февраля 1993 года URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/149.

[144] Конвенция о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства, 6 мая 1963, ETS/STE No. 43, URL: https://www.refworld.org.ru/docid/55bf3b224.html

совершеннолетия. Во-вторых, подтверждено право индивида на экспатриацию[145] как один из краеугольных элементов статуса личности в международном праве. В-третьих, урегулирован вопрос исполнения воинской обязанности: лицо, обладающее гражданством нескольких государств-участников, подлежит призыву на военную службу лишь в одном из них[146], что позволяло снять угрозу множественного наложения обязанностей и устранить коллизии воинских юрисдикций.

Таким образом, системообразующим принципом данной Конвенции и ее протоколов стало требование юридической «однозначности» статуса личности, выраженное в необходимости выбора одним и тем же лицом единственного гражданства из числа имевшихся. Тем самым закреплялась традиционная для середины XX века установка на минимизацию феномена двойного гражданства, рассматривавшегося государствами скорее как угроза стабильности правопорядка, чем как ресурс транснациональной мобильности.

Среди международно-правовых документов, затрагивающих вопросы множественного гражданства, особое внимание, по справедливому замечанию Марджори Уайтмен[147], заслуживают рамочные акты, разработанные Афро-Азиатским консультативно-правовым комитетом в 1964 году. Несмотря на то, что значительная часть их содержания представляет собой рецепцию ранее принятых международных документов, их принципиальная ценность заключается в двух аспектах: детальной юридической проработке и внедрении новаторских положений, которые можно рассматривать как качественный этап в развитии международного права гражданства.

Особо показательно регулирование, закрепленное в статье 7 Рамочных статей, воплощающих принципы, касающиеся сокращения или устранения двойного гражданства. В ней содержится требование, согласно которому лицо, осведомленное о том, что оно обладает двумя гражданствами, полученными

[145] Там же, статьи 1 и 2.
[146] Там же, статьи 5 и 6.
[147] Whiteman, Marjorie M. Digest of international law. U.S. Government Printing Office. 1967. P. 82.

вне зависимости от своей воли (например, в силу сочетания принципов *jus soli* и *jus sanguinis*), обязано отказаться от одного из них[148]. При этом отказ должен быть совершен строго в соответствии с законодательством того государства, от гражданства которого лицо намерено отказаться, и в определенные сроки: либо в течение двенадцати месяцев с момента осознания факта обладания двойным гражданством, либо в течение двенадцати месяцев после достижения совершеннолетия – в зависимости от того, какой срок наступит позднее[149].

Таким образом, Афро-Азиатский консультативно-правовой комитет впервые предложил модель, в рамках которой ответственность за устранение правовой коллизии возлагается не на государства, как это было традиционно, а непосредственно на индивида. Государство, в данном случае, занимает скорее позицию пассивного регулятора, обеспечивающего лишь процедурную основу отказа, тогда как обязанность выбора гражданства возлагается на самого носителя множественного статуса.

Эта конструкция знаменует собой сдвиг в парадигме международно-правового регулирования: если прежние акты ориентировались преимущественно на межгосударственное согласование интересов и минимизацию конфликтов юрисдикций, то рамочные акты 1964 года впервые вводят индивидуально-правовую ответственность за разрешение проблемы двойного гражданства.

Тем самым, во-первых, подтверждается тенденция к постепенному признанию за индивидом качества самостоятельного субъекта международного права, обладающего не только правами, но и обязанностями в трансграничных правовых отношениях. А во-вторых, одновременно соблюдаются права, свободы и законные интересы и государства, и гражданина в рамках имеющихся между ними устойчивой социальной и юридической связи и соответствующих правоотношений.

---

[148] Model articles embodying principles relating to elimination or reduction of dual or multiple nationality // Final report of the Asian-African Legal Consultative Committee adopted at the 6th session. URL: http://www.aalco.int/Model%20Articles%20Embodying%20Principles.pdf

[149] Там же.

В середине и во второй половине XX века преобладающим направлением международно-правового регулирования вопросов гражданства, закрепленного в двусторонних договорах, оставалось сокращение и устранение случаев двойного гражданства. В наибольшей степени это проявилось в практике Советского Союза, заключившего обширный комплекс соглашений со странами Восточной Европы, так называемого «Восточного блока», в период от окончания Великой Отечественной войны до распада СССР.

Исследователи [150] справедливо отмечают, что данные договоры сформировали широкую и системную сеть межгосударственных и межправительственных актов, основной целью которых являлось предотвращение правовых коллизий, связанных с наличием у индивидов множественного гражданства, и создание единообразного механизма их устранения. Как указывает Джордж Гинсбургс, эти соглашения продолжили традицию второй половины XIX – первой четверти XX века, когда ведущим инструментом регулирования подобных коллизий являлся институт выбора гражданином одного из имеющихся гражданств (*right of option*), игравший, по его словам, «важную роль в международном праве и дипломатии»[151].

Конкретным выражением этой практики стали двусторонние международные договоры СССР с Чехословакией, Болгарией, Монголией, Польшей, Румынией и другими государствами региона [152] . Наиболее

---

[150] Hecker, Hellmuth. Die Doppelstaaterverträge des Ostblocks. WGO Monatshefte für Osteuropäisches Recht. 1986. P. 273–283.

[151] Ginsburgs, George. Option of nationality in Soviet treaty practice 1917–1924. // The American Journal of International Law. 1961. vol. 55. P. 919.

[152] Конвенция между СССР и Чехословацкой Республикой об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством, Прага, 5 октября 1957 года // Ведомости ВС СССР. 7 августа 1958 г. N 17. Ст. 289; Конвенция между СССР и Народной Республикой Болгарией об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством, София, 12 декабря 1957 года // Ведомости ВС СССР. 14 апреля 1958 г. N 7. Ст. 141; Конвенция между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством, Улан-Батор, 25 августа, 1958 года // Ведомости ВС СССР. 11 декабря 1958 г. N 35. Ст. 426; Конвенция между Правительством СССР и Правительством Польской Народной Республики о предотвращении возникновения случаев двойного гражданства, Варшава, 31 марта 1965 года // Ведомости ВС СССР. 13 апреля 1966 г. N 15. Ст. 225; Конвенция между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики о предотвращении возникновения случаев двойного гражданства, Москва, 11 сентября 1975 года // Ведомости ВС СССР. 25 апреля

показательными являются конвенции об урегулировании гражданства лиц с двойным гражданством, подписанные СССР в 1957–1958 годах с Чехословацкой Республикой, Республикой Болгария и Монгольской Народной Республикой. Уже в их преамбулах была зафиксирована цель устранения множественного гражданства на основе добровольного выбора гражданином одного из статусов[153]. Эти акты вводили процедурный механизм, в рамках которого лица с двойным гражданством обязаны были в определенный срок заявить о предпочтении одного гражданства и отказаться от другого[154], тем самым закрепляя принцип персональной ответственности индивида за правовую определенность своего статуса.

Таким образом, советская договорная практика середины XX века демонстрировала не только ориентацию на устранение института двойного гражданства как источника потенциальных международно-правовых и внутригосударственных коллизий, но и закрепление в международных соглашениях приоритета воли самого гражданина, что отражало более широкий процесс эволюции международного права в сторону признания личности активным участником трансграничных правоотношений.

Необходимо также отметить, что практика Союза ССР соответствовала духу своего времени, но, самое главное, была, на наш взгляд, достаточна эффективной: число лиц с двойным гражданством во второй половине XX века оставалось в СССР не большим. Вовсе избежать же случаев двойного

1984. № 17. Ст. 284; Конвенция между Правительством СССР и Правительством Социалистической Республики Румынии о разрешении и предотвращении возникновения случаев двойного гражданства, Москва, 28 июня 1978 года // Ведомости ВС СССР. 2 мая 1979 г. № 18. Ст. 331; Договор между СССР и Чехословацкой Социалистической Республикой о предотвращении возникновения двойного гражданства, Москва, 6 июня 1980 года // Ведомости ВС СССР. 12 августа 1981 г. № 32. Ст. 950.

[153] Там же.

[154] Статья 1 Конвенции между СССР и Чехословацкой Республикой об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством, Прага, 5 октября 1957 года; Статья 1 Конвенции Конвенция между СССР и Народной Республикой Болгарией об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством, София, 12 декабря 1957 года; Статья 1 Конвенции между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством, Улан-Батор, 25 августа 1958 года.

гражданства, по нашему мнению, и в тот период времени представлялось невозможным.

Аналогичные по своей сути меры предпринимались и иными государствами социалистического блока, которые во второй половине XX века заключали между собой двусторонние соглашения, направленные на упорядочение статуса лиц с множественным гражданством и устранение соответствующих правовых коллизий. Так, Договор между Венгерской Народной Республикой и Германской Демократической Республикой, посвященный вопросам гражданства, закрепил в своей статье 1 прямой императив: лица, которые в силу национального законодательства обеих договаривающихся сторон одновременно признаются их гражданами, обязаны реализовать право выбора в пользу гражданства одного из государств[155]. Этот выбор оформляется посредством подачи заявления, допускаемого как в письменной, так и в устной форме.

Подобная конструкция наглядно демонстрирует, что государства «Восточного блока» стремились не только к устранению феномена двойного гражданства, но и к закреплению процессуальных механизмов, обеспечивающих ясность и правовую определенность статуса личности. Более того, такие договоры отражали общую тенденцию эпохи – перенос акцента на индивидуальное волеизъявление как ключевой инструмент разрешения международно-правовых коллизий, связанных с гражданством.

К концу XX века, под воздействием трансформационных процессов в международных отношениях, изменяющейся демографической структуры и интенсификации миграционных потоков, наблюдается постепенный отход многих государств от традиционно жесткой, зачастую репрессивной линии в отношении института двойного гражданства. Государства начинают осознавать, что однозначное отрицание этого правового феномена уже не

[155] Treaty between the Hungarian People's Republic and the German Democratic Republic regulating questions of dual nationality, Budapest, 17 December 1969. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20986/volume-986-I-14408-English.pdf

отвечает объективным реалиям: трансграничная мобильность населения, рост числа смешанных браков, а также формирование глобальных экономических и социальных связей делают невозможным полное устранение случаев множественного гражданства. В результате двойное гражданство все чаще начинает рассматриваться не как угроза государственному суверенитету или источнику международных конфликтов, а как неизбежный и в ряде аспектов функционально полезный институт, требующий правовой регламентации и учета в национальных законодательствах. Это говорит о том, что страны адаптируют свое законодательство к современным реалиям, признавая право человека иметь несколько гражданств.

Однако, надо отметить, что политика государств в отношении двойного гражданства неоднородна. Так, ряд стран, в частности Турция и Мексика, последовательно и открыто закрепляют в своем законодательстве возможность обладания гражданами двумя и более гражданствами, рассматривая данный статус как допустимый и не противоречащий интересам государства.

Иная модель прослеживается, например, в Соединенных Штатах Америки. С одной стороны, их законодательство не содержит позитивного признания института двойного гражданства и формально исходит из презумпции единственного гражданства. С другой стороны, правоприменительная практика США демонстрирует фактическую терпимость: государство не предпринимает мер к лишению гражданства лиц, обладающих одновременно гражданством иного государства, при условии их соблюдения обязанностей перед американским государством.

Таким образом, мы наблюдаем расхождение между доктринальным подходом и практикой: при формальном отрицании института двойного гражданства государство в действительности допускает его существование, что свидетельствует о прагматическом учете современных социальных, миграционных и международно-правовых реалий.

Снижение жесткости в отношении двойного гражданства со стороны государств, которое можно охарактеризовать как «правовую терпимость», негативно влияет на международный режим, созданный специально для минимизации случаев двойного гражданства. По сути, такая терпимость разъедает его основы, делая его менее эффективным. Как показывают исследования, тенденция по возрастанию степени толерантности государств к двойному гражданству обеспечивается дополнительными факторами: усилением послевоенной международной межгосударственной интеграции, созданием и функционированием региональных структур, ответственных за поддержание коллективной международной военной, экономической, политической, экологической, демографической, информационной и энергетической безопасности, окончанием периода «холодной войны», отменой в большом количестве стран обязательной военной службы по призыву и прочим[156]. На наш взгляд, с данным мнением Рея Козловского сложно не согласиться.

Как справедливо указывал профессор Чарльз Чини Гайд, политические факторы нередко играли определяющую роль в формировании подходов к институту гражданства, включая отказ государства от притязаний на верность своих граждан, даже тогда, когда подобные факторы не обладали достаточной юридической значимостью[157].

В Соединенных Штатах Америки первые десятилетия «холодной войны» ознаменовались особенно жестким и репрессивным отношением к двойному гражданству. Американские граждане подвергались риску утраты гражданства за действия, которые в современном понимании представляются минимально значимыми, например, участие в выборах в другом

[156] Koslowski, Rey. Dual Nationality and Military Service: Changing International Norms and Policy Challenges, presented at Dual Citizenship and Identity in the Global Context. Institute for the Study of Economic Culture. Boston University. May 6, 2000. цит. по: Koslowski, Rey. Challenges of International Cooperation in a World of Increasing Dual Nationality. // Martin, David A. and Hailbronner, Kay (eds.), Rights and Duties of Dual Nationals. The Hague/London/New York: Kluwer Law International. 2003. P. 158

[157] Hyde, Charles Cheney. International Law: chiefly as interpreted and applied by the United States. Boston, Little, Brown and Company, 1945. P. 1131.

государстве [158] . Подобный подход находил отражение не только в законодательстве, но и в судебных прецедентах 1950-х – начала 1960-х годов[159], подтверждавших возможность лишения гражданства как санкции за подобное поведение.

Однако в дальнейшем, по мере эволюции политических и правовых реалий, произошло радикальное переосмысление самой природы института гражданства. Федеральное законодательство и судебная практика стали отходить от прежних репрессивных установок. Ключевую роль сыграла доктрина, сформулированная в решениях Верховного Суда США, которая признала недопустимость произвольного лишения гражданина его правового статуса исключительно по мотиву наличия у него гражданства другого государства [160] . Данное положение фактически стало водоразделом в американском правопонимании: от концепции «единственной и неделимой верности» — к признанию права личности на сохранение множественного гражданства при условии добросовестного исполнения обязанностей перед государством.

Канада является еще одним ярким примером страны, которая перешла к более либеральному подходу в отношении двойного гражданства. С принятием в 1977 году поправок в законодательство канадские власти официально легализовали эту практику. Теперь лица, получившие гражданство Канады, и граждане Канады, получившие также гражданство другой страны, могут быть лицами с двойным гражданством. Этот шаг, на наш взгляд, стал важным в упрощении иммиграционной политики и признании глобальных связей своих граждан.

---

[158] См: Nationality Act of 1940, ch. 876, §401(e), P. 1168, 1169. URL: http://library.uwb.edu/Static/USimmigration/54%20stat%201137.pdf

[159] См, например: Perez v. Brownell, 356 U.S. 44. 1958. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/356/44/

[160] См.: Afroyim v. Rusk, 387 U.S. 253. 1967. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/387/253/

Знаковым этапом в эволюции института двойного гражданства стало принятие Конвенции о гражданстве замужней женщины[161], которая изменила традиционные подходы к правовому положению женщины в брачно-семейных отношениях. Если ранее действовала устойчивая презумпция зависимости гражданства жены от гражданства мужа – заключение брака автоматически влекло утрату женщиной своего гражданства и приобретение гражданства супруга, – то положения Конвенции закрепили принципиально новый стандарт.

В соответствии со статьей 1 Конвенции «ни заключение, ни расторжение брака между кем-либо из его граждан и иностранцем, ни перемена гражданства мужем во время существования брачного союза не будут отражаться автоматически на гражданстве жены» [162]. Таким образом, впервые в международно-правовой практике было закреплено равноправие женщины в вопросах гражданства, что обеспечило ей возможность самостоятельного сохранения прежнего правового статуса независимо от брака.

При этом Конвенция не исключала предоставления жене дополнительных возможностей, включая упрощенный порядок приобретения гражданства супруга[163]. Однако такая привилегия носила факультативный характер и могла быть ограничена внутренним законодательством государств.

Следствием закрепления автономии жены в вопросах гражданства стало существенное увеличение числа случаев двойного гражданства в транснациональных семьях. Ребенок, рожденный в такой семье, получал возможность наследовать гражданство обоих родителей, что объективно расширило международно-правовое пространство института двойного

[161] Конвенция о гражданстве замужней женщины, принята Генеральной Ассамблеей ООН 29 января 1957 года, вступила в силу 11 августа 1958 года. URL: https://www.refworld.org.ru/docid/4c0f4d7c2.html
[162] Там же.
[163] Статья 3 Конвенции о гражданстве замужней женщины, принята Генеральной Ассамблеей ООН 29 января 1957 года, вступила в силу 11 августа 1958 года. URL: https://www.refworld.org.ru/docid/4c0f4d7c2.html

гражданства и укрепило его значение в правовом регулировании личного статуса индивида.

Наряду с классическими международными договорами, в межгосударственной практике применяются и иные, менее формализованные, но при этом весьма значимые правовые механизмы урегулирования коллизий, возникающих в связи с двойным гражданством. Так, Китайская Народная Республика выработала своеобразный дипломатико-правовой инструмент в виде совместных коммюнике, используемых в качестве основы для регулирования вопросов гражданства. Как справедливо отмечает китайский международник Ю Шень, в таких актах, заключенных, например, с Малайзией (31 мая 1974 г.), Филиппинами (9 июня 1975 г.) и Таиландом (1 июля 1975 г.), фиксировалась единая договоренность сторон: двойное гражданство не признается, а факт приобретения гражданином одного государства гражданства другого автоматически влечет утрату прежнего гражданства[164]. Иными словами, подобные акты выступали инструментом закрепления принципа исключительности гражданства, исключая возможность одновременной принадлежности лица к двум правопорядкам.

Не менее интересным является и опыт североевропейских государств – Швеции, Норвегии, Дании, Исландии, а впоследствии и Финляндии. Их правоприменительная практика демонстрирует иной, регионально согласованный подход к проблематике множественного гражданства, основанный не на абсолютном его отрицании, а на поиске согласованных решений, учитывающих особенности социально-правовой интеграции в Скандинавском регионе. Как отмечает Альфред Болль [165] , благодаря сотрудничеству в рамках Северного совета с 1952 года, эти государства не только унифицировали свои законы, чтобы упростить свободное перемещение

[164] Sheng, Yu. China’s nationality law and the principles of international law // Selected articles from the Chinese Yearbook of International Law, ed. Chinese Society of International Law. Beijing: China Translation and Publishing Corp., 1983. P. 213.
[165] Boll, Alfred M. Multiple Nationality and International law. Martinus Nijhoff Publishers. Leiden/Boston. 2007. P. 199.

людей, но и одновременно облегчили процедуру получения гражданства. Это сотрудничество, в конечном счете, привело к заключению международных договоров, которые регулируют различные аспекты двойного гражданства[166].

В середине XX века некоторые государства, некогда бывшие колониальными империями, начали активно поощрять двойное гражданство. Эта политика служила стратегической цели: сохранить тесные политические, экономические и культурные связи с бывшими колониями, которые обрели независимость.

Показательным примером является решение Великобритании в 1949 году: она предоставила своим подданным право одновременно иметь гражданство Канады, Австралии или Новой Зеландии[167]. Таким образом, даже после формального распада империи, Великобритания обеспечила себе инструмент для поддержания влияния и сохранения так называемого «Содружества Наций» как единой общности. Это была прагматичная мера, направленная на поддержание геополитического веса в изменившемся мире.

Как отмечает Луис Фернандес Маркане[168], Испания с 1836 года взяла курс на укрепление связей со своими эмигрантами, что стало особенно актуальным после признания независимости бывших колоний в Америке. С этой целью, начиная с 1840 года, она активно заключала двусторонние соглашения по вопросам гражданства. К 1863 году в эти договоры было включено важное положение: возможность для несовершеннолетних получать двойное

---

[166] См.: Agreement between Norway, Denmark and Sweden concerning the relationship between compulsory military service and nationality in Norway, Denmark and Sweden, Oslo, 3 March 1956. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=08000002801464f7&clang=_en; Agreement between Denmark, Finland, Norway and Sweden on the implementation of certain provisions concerning nationality, Copenhagen, 15 January 1969. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx ?objid=0800000280125468&clang=_en; Agreement between Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden concerning citizenship, Copenhagen, 13 September 2010. URL: https://treaties.un.org/ Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280352577&clang=_en

[167] Goldstein, Eugene and Piazza, Victoria. Naturalization, Dual Citizenship and the Retention of Foreign Citizenship – A Survey. Interpreter Releases 517:61-73., 1996. p. 521.

[168] См.: Marcane, Luis Fernández. Contribución al estudio de la doble nacionalidad de los hijos de Españoles nacidos en América. La Habana: Imprente «El Siglo XX», 1924. Цит. по: Boll, Alfred M. Multiple Nationality and International law. Martinus Nijhoff Publishers. Leiden/Boston. 2007. P. 187.

гражданство, основываясь на принципе *lex fori*[169] – решающим фактором для определения правового статуса человека стало не гражданство, а его домицилий, или место постоянного жительства.

В период с 1958 по 1969 годы Испания реализовала активную международно-правовую политику в сфере регулирования гражданства, заключив ряд двусторонних соглашений с государствами Латинской Америки[170]. Эти договоры знаменовали собой отход от традиционной для того времени тенденции сокращения случаев множественного гражданства и, напротив, закрепляли возможность его сохранения. Так, статья 1 Договора о двойном гражданстве между Испанией и Перу устанавливала, что граждане каждой из сторон вправе приобретать гражданство другой страны в порядке, предусмотренном ее национальным законодательством, без утраты ранее приобретенного гражданства[171]. Аналогичное правило содержалось и в Договоре о двойном гражданстве между Испанией и Парагваем, однако оно распространялось исключительно на лиц, обладавших гражданством по рождению[172].

---

[169] Marcane, Luis Fernández. Contribución al estudio de la doble nacionalidad de los hijos de Españoles nacidos en América. La Habana: Imprente «El Siglo XX», 1924. P. 43-57. Цит. по: Boll, Alfred M. Multiple Nationality and International law. Martinus Nijhoff Publishers. Leiden/Boston. 2007. P. 188.

[170] Convention on dual citizenship between Spain and Peru, Madrid, 16 May 1959. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280086fe4&clang=_en; Agreement on dual nationality between Spain and Nicaragua, Managua, 25 July 1961. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280095d89&clang=_en; Agreement on nationality between the Spanish State and the Republic of Guatemala, Guatemala City, 28 July 1961. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=08000002800a481a&clang=_en; Agreement on dual nationality between Spain and Bolivia, La Paz, 12 October 1961. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028010ad21&clang=_en; Agreement on dual citizenship between the Kingdom of Spain and the Republic of Ecuador, Quito, 4 March 1964. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028008e6f5&clang=_en; Agreement on dual nationality between Spain and Costa Rica, Madrid, 8 June 1964. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028009afbb&clang=_en; Treaty on dual nationality between the Kingdom of Spain and the Republic of Honduras, Tegucigalpa, 15 June 1966. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028007ce68&clang=_en; Agreement on dual nationality between Dominican Republic and Spain, Santo Domingo, 15 March 1968. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=08000002801214ec&clang=_en; Convention on nationality between Spain and the Republic of Argentina, Madrid, 14 April 1969. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028007ffd5&clang=_en

[171] Agreement on dual nationality between Spain and Peru, Madrid, 16 May 1959. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%202166/v2166.pdf

[172] Agreement on dual nationality between Spain and Paraguay, Madrid, 25 June 1959. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%202181/v2181.pdf

Таким образом, Испания демонстрировала гибкость в правовом регулировании института гражданства в зависимости от позиции конкретного государства-контрагента. Если большинство латиноамериканских стран признавало допустимость множественного гражданства, испанская сторона закрепляла соответствующие положения в договорном порядке. Однако в случаях, когда партнеры не признавали двойного гражданства, Испания адаптировала свои международные обязательства, предлагая альтернативные механизмы.

Характерным примером подобного компромиссного подхода выступает Договор с Колумбией 1979 года[173]. В отличие от классической модели, он предусматривал упрощенный уведомительный порядок приобретения и восстановления гражданства: гражданину достаточно было лишь заявить о своем намерении после переезда. Тем не менее, когда Колумбия изменила свое отношение к институту двойного гражданства, положения договора были пересмотрены в соответствии с новыми правовыми и политическими реалиями[174].

В приведенной выше практике Великобритании и Королевства Испания, на наш взгляд, отражается стремление данных государств сохранить свое влияние на своих бывшие колонии после обретения последними независимости. Закрывая глаза на недостатки института двойного гражданства либо стараясь устранить эти недостатки в заключаемых международных договорах, бывшие колониальные державы осознавали и преимущества института двойного гражданства по сохранению дружеских отношений с новообразованными государствами.

Изменения в законодательстве Турции и Мексики в отношении двойного гражданства были вызваны прагматичным подходом. Эти страны приняли во

[173] Convention on nationality, Madrid, 27 June 1979. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=08000002800eadf1&clang=_en

[174] Additional Protocol between the Kingdom of Spain and the Republic of Colombia amending the Convention on double nationality of 27 June 1979, Bogota, 14 September 1998. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028007fb1b&clang=_en

внимание интересы своих граждан, проживающих за рубежом, которые стремились сохранить свою первоначальную национальную идентичность, получив при этом гражданство страны проживания.

Некоторые исследователи считают, что, разрешая двойное гражданство, государства преследуют более глубокую цель: они рассчитывают, что их эмигранты, сохраняя связь с родиной, будут оказывать позитивное влияние на политику и решения стран, где они обосновались[175]. Соответственно, двойное гражданство становится не просто правовым статусом, а инструментом внешнеполитического влияния.

Таким образом, и в данном случае мы видим ту же мотивацию, как и в случае с ранее рассмотренными бывшими колониальными державами Великобританией и Испанией.

Новая Европейская конвенция о гражданстве[176], одобренная в 1997 году Комитетом министров Совета Европы, (далее – Конвенция 1997 года) предоставила государствам-участникам значительную автономию в регулировании вопросов множественного гражданства. С одной стороны, она позволяет им признавать наличие у лиц, находящихся на их территории, гражданства других государств. С другой стороны, конвенция оставляет за странами право требовать от таких лиц отказаться от второго подданства, если это соответствует их внутренней политике. Таким образом, документ не навязывает единый подход, а скорее служит рамочным соглашением, которое дает государствам гибкость в принятии решений.

Принятие Европейской конвенции о гражданстве 1997 года не повлекло отмены ранее действующей Конвенции 1963 года о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства. Вместе с тем сопоставление их целей и

[175] См., например, Dillon, Sam. Mexico is Near to Granting Expatriates Voting Rights // The New York Times. June 16, 1996. URL: https://www.nytimes.com/1996/06/16/world/mexico-is-near-to-granting-expatriates-voting-rights.html.
[176] European Convention on Nationality. European Treaty Series. No 166. Strasbourg: Council of Europe.

содержания позволяет выявить принципиальный сдвиг в подходе к международно-правовому регулированию института гражданства.

Если в Конвенции 1963 года акцент был сделан на максимальном ограничении случаев множественного гражданства и создании механизмов его устранения, то Конвенция 1997 года отражает иное мировоззренческое основание. Уже в преамбуле[177] закрепляется необходимость учитывать не только интересы государств, но и законные интересы индивидов, прямо обозначается задача поиска сбалансированных правовых решений, направленных не столько на ликвидацию множественного гражданства, сколько на преодоление его возможных негативных последствий.

Таким образом, Конвенция 1997 года знаменует собой переход от политики ограничения и устранения множественного гражданства к модели его правового признания и регулирования, что свидетельствует о кардинальной трансформации международного права в сторону антропоцентризма и приоритета защиты прав личности.

Следует особо подчеркнуть, что на момент подписания Европейской конвенции о гражданстве 1997 года национальные законодательства значительного числа государств-участников по-прежнему исходили из приоритета принципа единого гражданства, предусматривая в качестве обязательного условия натурализации отказ от прежнего гражданства. Однако вступление в силу Конвенции обозначило качественно новый этап эволюции института гражданства в Европе: правовые барьеры были существенно смягчены, а сама процедура натурализации упростилась, что фактически легализовало возможность сохранения множественного гражданства для значительной категории иностранцев.

Представляется, что Конвенция 1997 года концептуально отходит от традиционной установки на ограничение множественного гражданства. Она не содержит императивов по его устранению, напротив – исходит из

---

[177] Европейская конвенция о гражданстве. Страсбург, 6 ноября 1997 года. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007f2f6

необходимости признания данного явления как объективной реальности современного мира и построения правовых механизмов его рационального регулирования. Тем самым документ демонстрирует лояльность по отношению к множественному гражданству, смещая акцент с борьбы с ним на создание условий для защиты прав и законных интересов как государств, так и индивидов. К такому выводу можно прийти, исходя из следующих положений Конвенции 1997 года:

- статья 6 Конвенции 1997 года устанавливает возможность автоматического получения гражданства на основании принципа *jus sanguinis*, что также способствует возникновению множественного гражданства;

- статья 14 Конвенции 1997 года защищает право детей сохранять множественное гражданство, если оно было получено автоматически при рождении. Кроме того, она позволяет сохранять второе гражданство лицам, получившим его автоматически в результате вступления в брак;

- статья 16 Конвенции 1997 года создает прецедент, согласно которому человек может сохранить свое изначальное гражданство при натурализации. Это возможно в тех случаях, когда отказ от него фактически невыполним или сопряжен с чрезмерными сложностями.

Как отмечает Жерар-Рене де Грот, это «системное изменение в регулировании двойного гражданства, которое приведет к сокращению числа лиц с двойным гражданством из-за отсутствия оснований присвоения физическому лицу гражданства на основании и в силу принципа *jus soli»* [178].

Конвенция 1997 года, в отличие от многих других модельных международных документов, обеспечивает высокую степень детализации в регулировании вопросов, которые являются ее предметом. Особого внимания заслуживает статья 6 Европейской конвенции о гражданстве 1997 года, которая представляет собой яркий пример четкого и недвусмысленного международно-правового регулирования. В отличие от многих прежних

[178] de Groot, Gerard-Rene. The European Convention on Nationality: a step towards a *ius commune* in the field of nationality law // Maastricht Journal of European and Comparative Law, vol. 7, no 2, 2000, P. 120.

международных актов, допускавших различные толкования, данная норма прямо и исчерпывающе определяет все категории лиц, для которых национальное законодательство государств-участников обязано предусмотреть упрощенный порядок натурализации. Это положение демонстрирует не только прогрессивность Конвенции, но и ее высокую юридико-техническую ценность как образца эффективного международного правотворчества.

Ключевым же элементом нормативного содержания Конвенции является статья 15 Конвенции, закрепляющая за государствами-участниками абсолютное и неоспоримое суверенное право самостоятельно определять в национальном законодательстве последствия приобретения их гражданами иного гражданства. Государства вправе решать, будет ли такое приобретение основанием для утраты национального гражданства, а также устанавливать, необходимо ли для получения или сохранения гражданства данного государства отказаться от гражданства другого государства либо подтвердить его утрату.

Как справедливо отмечает М. Киллерби[179], данное положение придает Конвенции универсальный характер, делая ее приемлемой как для государств, придерживающихся либерального подхода и готовых признавать множественное гражданство без серьезных ограничений, так и для государств, сохраняющих консервативную позицию и стремящихся минимизировать количество случаев множественного гражданства. Таким образом, статья 15 выступает своеобразным компромиссным механизмом, обеспечивающим баланс между суверенными интересами государств и тенденцией к признанию множественного гражданства как объективной реальности современного международного права.

[179] Killerby, Margaret. Steps taken by the Council of Europe to promote the modernization of nationality laws of European states // O'Leary, Siofra and Tilikaninen, Teija (eds.), Citizenship and Nationality Status in the New Europe. London: Institute for Public Policy Research/Sweet and Maxwell. 1998. P. 32.

Европейская конвенция о гражданстве 1997 года имеет комплексный характер, выходящий за рамки сугубо вопросов приобретения или утраты гражданства, поскольку она подробно регламентирует и правовые последствия множественного гражданства. Одним из наиболее показательных элементов ее содержания является рецепция положений Конвенции 1963 года о сокращении случаев множественного гражданства и воинской обязанности, которые были не только сохранены, но и институционально закреплены в новом договоре[180]. Речь идет о нормах, касающихся прохождения военной службы, включая возможность альтернативной гражданской службы, лицами, обладающими более чем одним гражданством.

Ключевая идея этих положений сводится к тому, что лица с двойным гражданством, постоянно проживающие на территории одного из государств-участников, полностью приравниваются в правах и обязанностях к гражданам данного государства. Иными словами, множественное гражданство не освобождает их от выполнения обязанностей, связанных с обороной государства проживания, но одновременно и не порождает ситуации двойного обременения воинской повинностью в обоих государствах[181]. Таким образом, Конвенция 1997 года устраняет потенциальные коллизии в этой сфере, обеспечивая баланс между интересами государств и защитой прав лиц с множественным гражданством. По сути, для него на территории этой страны отсутствует какое-либо правовое различие из-за наличия еще одного гражданства. Это положение, на наш взгляд, подчеркивает принцип равенства граждан перед законом, независимо от их множественного гражданства.

[180] См.: Статьи 21 и 22 Европейской конвенции о гражданстве. Страсбург, 6 ноября 1997 года. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007f2f6
[181] См.: Статьи 21 и 22 Европейской конвенции о гражданстве. Страсбург, 6 ноября 1997 года. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007f2f6

Важным для понимания и содержания Конвенции 1997 года является Пояснительный доклад к нему[182]. Так, Жерар-Рене де Грот[183] предлагает присмотреться к пояснениям в отношении дипломатической или консульской защиты лиц с двойным гражданством, которая согласно части 2 статьи 17 Конвенции 1997 года имеет особое регулирование.

Конвенция о некоторых вопросах, связанных с коллизией законов о гражданстве 1930 года, закрепила классический принцип: государство не вправе осуществлять дипломатическую защиту в отношении лица против государства, гражданином которого это лицо также является[184]. Такая формула отражала традиционное представление о «преобладающем» гражданстве и стремилась минимизировать международные конфликты юрисдикций.

Однако Европейская конвенция о гражданстве 1997 года внесла в эту доктрину существенные коррективы. В Пояснительном докладе к ней прямо отмечается, что развитие международного публичного права после 1930 года, а также накопленная практика, оправдывают возможность исключений. В частности, допускается, что в исключительных индивидуальных обстоятельствах, при условии соблюдения норм международного права, государство может оказывать дипломатическую или консульскую защиту своему гражданину, даже если он одновременно обладает гражданством государства, против которого направляется эта защита[185]. В качестве примера приводятся дела, связанные с международным похищением детей, где защита прав личности требует особых мер реагирования.

---

[182] Council of Europe, Explanatory report to the European Convention on Nationality ETS no. 166. URL: http://conventions.coe.int.

[183] de Groot, Gerard-Rene. The European Convention on Nationality: a step towards a *ius commune* in the field of nationality law // Maastricht Journal of European and Comparative Law, vol. 7, no 2, 2000, P. 119–20.

[184] Статья 4 Конвенции, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве, Гаага, 12 апреля 1930 года. URL: http://docs.cntd.ru/document/1900750

[185] Council of Europe, Explanatory report to the European Convention on Nationality ETS no. 166. URL: http://conventions.coe.int.

Примечательно, что первоначальная редакция части 2 статьи 17 Конвенции 1997 года, на которую указывает Жерар-Рене де Грот, шла еще дальше, прямо предусматривая возможность предоставления дипломатической защиты в гуманитарных или аналогичных целях против государства второго гражданства лица [186] . Хотя эта формулировка впоследствии была смягчена, сам факт ее включения в проект демонстрирует новую парадигму: приоритет защиты прав личности над формальным ограничением, вытекающим из института множественного гражданства.

Таким образом, Конвенция 1997 года заложила основу для эволюции классического принципа невмешательства во внутригосударственные дела под предлогом дипломатической защиты, предложив более гибкий и человекоцентричный подход, учитывающий реальность современных трансграничных связей и гуманитарных вызовов.

Поскольку в современном мире все больше государств допускают двойное гражданство, возникает острая потребность в расширении международного сотрудничества для решения связанных с этим проблем. В частности, это касается вопросов воинской обязанности, налоговых обязательств и избирательных прав. Целью такого сотрудничества должно являться предотвращение потенциальных конфликтов, которые возникают при увеличении числа бипатридов.

Конвенция 1997 года служит наглядным примером и основой для такого взаимодействия, демонстрируя возможность урегулирования вопроса военной службы. Аналогичный подход может быть применен и к другим проблемам, затрагивающим большое число граждан. Мы полагаем, что результатом такого сотрудничества не обязательно должны быть исключительно международные договоры, поскольку, как показывает опыт, иные формы взаимодействия также могут быть весьма эффективными.

---

[186] de Groot, Gerard-Rene. The European Convention on Nationality: a step towards a *ius commune* in the field of nationality law // Maastricht Journal of European and Comparative Law, vol. 7, no 2, 2000, P. 152.

Современная миграционная динамика и рост числа лиц, обладающих двойным гражданством, объективно обусловливают необходимость выстраивания согласованного международного сотрудничества в данной сфере. Игнорирование этой тенденции или попытки ее ограничить исключительно односторонними действиями отдельных государств оказываются малоэффективными. Как справедливо подчеркивает Рей Козловски, отсутствие международной координации не только не приведет к сокращению числа лиц с двойным гражданством, но, напротив, будет способствовать дальнейшему росту этого явления[187]. В условиях глобализации и усложнения трансграничных связей проблема множественного гражданства выходит за рамки внутренней компетенции государств и требует разработки универсальных или, по крайней мере, региональных механизмов, способных обеспечить баланс интересов государств и прав индивидов.

Историко-правовой анализ развития международно-правового регулирования института двойного гражданства, предоставляет возможность сделать несколько выводов:

- в ходе исторического развития государственная политика, проводимая в отношении двойного гражданства, стала более либеральной; по мере общей демократизации отношений, возникающих между личностью, обществом и государством, а также снижения международной напряженности, случаи двойного гражданства перестали восприниматься в целом негативно; по мнению Анн-Мари Слоутер, «в мире свободных государств необходимость эксклюзивной преданности практически полностью рассеялась; при торжестве мира нет обязательной недопустимости двойных или множественных правовых связей человека с различными государствами» [188] . Более того,

[187] Koslowski, Rey. Challenges of International Cooperation in a World of Increasing Dual Nationality // Hailbronner, Kay and Martin, David eds., Rights and Duties of Dual Nationals: Evolution and Prospects. URL: https:// www.albany.edu/~rk289758/documents/documents/Koslowski_IntlCooperation_Dual_ Nationality.pdf

[188] См.: Slaughter, Anne-Marie. International Law in a World of Liberal States. // European Journal of International Law. 1995. http://ejil.org/pdfs/6/1/1310.pdf

государства, в силу политических или иных причин, все чаще соглашаются на сохранение лицом, находящимся на его территории, своего исходного гражданства, несмотря на его натурализацию в иностранном государстве, на фоне общей тенденции ослабления противодействия двойному гражданству. Это приводит к значительному росту населения с двойным гражданством, особенно в настоящее время, когда наблюдается чрезвычайно высокая степень миграции людей из стран «третьего мира» в высокоразвитые государства Европы и Америки. Изложенное дает основания для предположения возможной переоценки в будущем политико-правового содержания института гражданства, как индикатора лояльности индивида к определенному государству, и его последующей трансформации в один из способов удовлетворения интересов физического лица участвовать в жизни и обустройстве конкретного гражданского общества, что будет свидетельством придания институту гражданства в большей степени гуманитарного, в отличие от его современного политико-государственного содержания;

- политика государств в отношении двойного гражданства характеризовалась своей изменчивостью;
- попытки гармонизации международного договорно-правового регламентирования отношений, возникавших в связи с функционированием института двойного гражданства, имели ограниченный успех в силу небольшого количества участников соответствующих соглашений. Это объективировалось дифференциацией отношения государств к институту двойного гражданства. В то же время, как отмечается в научной литературе[189], государства стараются избегать те сложности, которые генерируются

[189] Подробнее см.: Смирнова Е.С. Институт гражданства: статичность и перспективы национального и международно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 24 - 30.

наличием двойного гражданства у своего населения, что, среди прочего, обусловлено также желанием государства минимизировать свои затраты как на дипломатическую защиту лиц с двойным гражданством, так и на защиту своих собственных интересов, подвергающихся опасности в связи с наличием бипатридов на их территории;

– необходима разработка и принятие универсального рамочного международного нормативного правового акта, предметом которого станет институт двойного гражданства, а также активизация сотрудничества государств по оптимизации его регулирования.

2. Двойное гражданство в Российской Федерации

Как отмечает А.В. Головакин, «… институт гражданства призван обеспечить стабильность и сплоченность общества, укрепить российскую государственность, сбалансировать интересы личности, общества, государства» [190]. В российской юридической науке можно выделить два противоположных мнения на проблематику двойного гражданства. Одна группа ученных считает, что проблему нужно решать через углубление и детализацию правового регулирования, в частности, путем активного подписания двусторонних международных договоров. В то же время, существует и другая, радикально противоположная позиция. Ее сторонники убеждены, что институт двойного гражданства в принципе должен быть полностью ликвидирован в правовой системе России, как явление, создающее правовую неопределенность и потенциальные риски[191].

Таким образом, дискуссия сводится к выбору между совершенствованием регулирования и полным отказом от самого института.

---

[190] Головакин А.В. Гражданство РФ – новый правовой статус. М.: Лаборатория книги, 2012. С. 5-6.
[191] Подробнее см.: Белов А.В. Международно-правовые аспекты двойного гражданства: дис. … канд. Юрид. Наук. СПб., 2002; Джалилова Э.Э. К вопросу об институте двойного гражданства в России // Современное право. 2016. № 5. С. 34-39.

Как явствует из предмета международных договоров, заключенных СССР с начала 1950-х годов и в последующий период, политика и правовая практика Союза ССР в отношении вопросов двойного гражданства всегда отличались последовательностью. Несмотря на то, что международные договоры по вопросам гражданства СССР заключал в основном только со странами бывшего, так называемого социалистического лагеря, содержание заключенных им международных договоров было направлено на сокращение, избежание и ликвидацию случаев двойного гражданства между договаривающимися странами.

После известных событий конца 1980-х – начала 1990-х годов политика правопреемника СССР – Российской Федерации в этой сфере претерпела сложный период своей трансформации. Так, Закон РСФСР от 28 ноября 1991 года «О гражданстве РСФСР» предусмотрел, что «за лицом, состоящим в гражданстве Российской Федерации, не признается принадлежность к гражданству другого государства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации» [192], но «гражданину РСФСР может быть разрешено по его ходатайству иметь одновременно гражданство другого государства, с которым имеется соответствующий договор РСФСР»[193].

Основополагающий акт российской государственности – Конституция Российской Федерации, принятая в результате всенародного голосования 12 декабря 1993 года, закрепил принципиально важное положение в сфере регулирования института гражданства. В соответствии с частью 2 статьи 62 Конституции, гражданину Российской Федерации предоставлена возможность обладать одновременно гражданством иного государства, однако такое правовое состояние допустимо исключительно в пределах,

[192] Часть 1 статьи 3 Закон РСФСР от 28.11.1991 № 1948-1 «О гражданстве РСФСР» // «Ведомости СНД и ВС РФ», 06.02.1992, N 6, ст. 243.
[193] Часть 2 статьи 3 Закон РСФСР от 28.11.1991 № 1948-1 «О гражданстве РСФСР» // «Ведомости СНД и ВС РФ», 06.02.1992, N 6, ст. 243.

установленных федеральным законом либо соответствующим международным договором Российской Федерации[194].

В рассмотренный исторический период, несмотря на его краткосрочность, в Российской Федерации изменились подходы и политика в отношении института двойного гражданства. В результате этого был отменен запрет на получение лицом двойного гражданства при отсутствии соответствующего международного договора Российской Федерации с иностранным государством, и институт двойного гражданства получил признание и соответствующее закрепление во внутригосударственном российском законодательстве, а урегулирование споров, разрешение коллизий и иных проблем, вытекающих из случаев двойного гражданства, стало возможным посредством заключения международных договоров Российской Федерацией с соответствующими государствами.

К середине 1990-х годов Российская Федерация предприняла практические шаги по институционализации института двойного гражданства посредством заключения двусторонних международных соглашений с Туркменистаном и Таджикистаном [195] . Указанные договоры закрепили относительно либеральный порядок как приобретения второго гражданства, так и выхода из гражданства одной из сторон. Так, статья 1 Соглашения между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства 1993 года прямо предусматривала: «каждая сторона признает за своими гражданами право приобрести, не утрачивая ее гражданства, гражданство другой стороны» [196].

---

[194] Часть 1 статьи 62 Конституции Российской Федерации.

[195] Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства, Ашгабат, 23 декабря 1993 года // Бюллетень международных договоров. 1996. N 6. С. 11 - 13; Договор между Российской Федерацией и Таджикистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства, Москва, 7 сентября 1995 года // Бюллетень международных договоров. 2005. N 4. С. 30 - 33.

[196] Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства, Ашгабат, 23 декабря 1993 года // Бюллетень международных договоров. 1996. N 6. С. 11 - 13.

Договор с Таджикистаном 1995 года содержал аналогичные положения[197], что свидетельствует о преемственности в договорной практике Российской Федерации в тот период. В то же время при содержательном сходстве данных международных актов выявляется одно концептуальное различие: в таджикско-российском соглашении закреплена норма, согласно которой лицо с двойным гражданством, постоянно проживающее на территории одной из сторон, подчиняется исключительно правовому режиму государства постоянного проживания, реализуя права и исполняя обязанности именно в его юрисдикции.

Таким образом, если соглашение с Туркменистаном фактически легализовало статус множественного гражданства без дополнительных ограничений, то договор с Таджикистаном включил принцип территориальной привязки, ограничив возможность одновременного применения правопорядков обеих стран [198] . Данный подход можно рассматривать как попытку устранить потенциальные коллизии, возникающие при параллельной реализации прав и обязанностей в рамках двух правовых систем.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что стороны данного российско-таджикистанского международного договора стремились избежать правовых коллизий, порождаемых наличием у физического лица двойного гражданства, что давало бы ему возможность одновременно и в полном объеме пользоваться всеми правами, свободами и обязанностями, предусмотренными законодательствами двух указанных государств. Во избежание подобных коллизий стороны указанного Договора пришли к соглашению о том, что «… лицо, состоящее в гражданстве обеих Сторон, не может одновременно осуществлять права и обязанности, вытекающие из

---

[197] Пункт 1 статьи 1 Договора между Российской Федерацией и Таджикистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства, Москва, 7 сентября 1995 года // Бюллетень международных договоров. 2005. N 4. С. 30.

[198] См.: Пункт 5 статьи 1 и статья 3 Договора между Российской Федерацией и Таджикистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства, Москва, 7 сентября 1995 года // Бюллетень международных договоров. 2005. N 4. С. 30 - 31.

гражданства обеих Сторон»[199]. Однако, представляется, что такой подход к разрешению коллизий, возникающих в связи с пребыванием физического лица в гражданстве двух или большего количества государств, оставляет за рамками международного публично-правового регулирования одну категорию лиц, обладающих одновременно гражданством Российской Федерации и Республики Таджикистан, но проживающих на территории третьих государств.

Иными словами, Договор 1995 года между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан фактически закрепил двойное ограничение в реализации статуса лица с множественным гражданством. С одной стороны, в силу пункта 2 статьи 3, исключается возможность одновременного использования прав и свобод, вытекающих из гражданства обеих стран, поскольку правовое положение такого лица привязано исключительно к юрисдикции государства постоянного проживания. С другой стороны, если лицо не имеет устойчивой правовой связи в форме постоянного места жительства ни в одной из договаривающихся стран, оно оказывается в своеобразном правовом вакууме: формально обладая гражданствами двух государств, оно лишено эффективной возможности реализовать свои права и свободы в полном объеме.

Таким образом, рассматриваемая норма направлена на предотвращение коллизий, но при этом создает риск фактического ограничения гражданско-правового статуса лица с двойным гражданством, что поднимает вопрос о балансе между интересами государств и защитой прав личности.

Тем не менее, несмотря на единообразие норм и положений Договора 1993 года и Договора 1995 года, их судьба сложилась диаметрально противоположно. Если Договор России с Таджикистаном действует и по настоящее время, то Соглашение с Туркменистаном денонсировано

[199] Пункт 2 статьи 3 Договора между Российской Федерацией и Таджикистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства, Москва, 7 сентября 1995 года // Бюллетень международных договоров. 2005. N 4. С. 31.

Протоколом о прекращении действия Соглашения между Российской Федерации и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства[200] от 10 апреля 2003 года.

Помимо двух указанных соглашений об урегулировании двойного гражданства, еще несколько международных договоров Российской Федерации по этому же предмету регулирования предполагали заключение аналогичных соглашений. Так, Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Республикой Армения предусматривает, что «Высокие Договаривающиеся Стороны заключат … соглашение о двойном гражданстве»[201]. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан предусматривает, что «вопросы, связанные с возможностью для лиц, проживающих на территориях Сторон, иметь двойное гражданство, будут урегулированы отдельным соглашением с учетом законодательства Высоких Договаривающихся Сторон»[202].

Отдельно необходимо отметить Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о неотложных мерах по формированию Военно-Морского Флота России и Военно-Морских Сил Украины на базе Черноморского флота Вооруженных Сил бывшего Союза ССР, которое устанавливало, что «вопросы, касающиеся социальных и правовых гарантий, а также двойного гражданства военнослужащих и гражданского персонала Военно-Морского Флота России, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей, находящихся на территории Украины, определяются отдельным

[200] Протокол о прекращении действия Соглашения между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства от 10 апреля 2003 года. // СПС КонсультантПлюс

[201] Статья 7 Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Республикой Армения, Москва, 29 декабря 1991 года // «Дипломатический вестник», N 2, 1992.

[202]Статья 8 Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан, Москва, 10 июня 1992 года // Ведомости СНД и ВС РФ. 22 октября 1992 г. N 42. Ст. 2340.

соглашением»[203]. Однако, данное соглашение, подписанное Президентами двух стран, не было впоследствии ратифицировано, и соответственно не вступило в юридическую силу. В тот же день главы двух государств приняли совместное коммюнике, которому был придан нормативный характер. В нем зафиксировалось политико-правовое намерение сторон ускорить подготовку и заключение двустороннего Договора о двойном гражданстве, а соответствующим внешнеполитическим ведомствам двух государств было поручено в кратчайшие сроки инициировать переговорный процесс по этому вопросу[204]. Однако, несмотря на официальное закрепление воли сторон на уровне глав государств, указанный международный договор так и не был заключен, что свидетельствует о расхождении между политической декларацией и ее фактической реализацией в сфере международно-правового регулирования гражданства

В начале XXI века между Российской Федерацией и Республикой Молдова был заключен Договор о дружбе и сотрудничестве, в котором стороны зафиксировали принципиальную установку относительно дальнейшего урегулирования института двойного гражданства. В частности, в тексте договора прямо оговаривалось, что данные вопросы не подлежат непосредственному регулированию самим Договором, а должны стать предметом отдельного международного соглашения между сторонами[205]. Тем самым стороны подтвердили необходимость специального правового механизма, который бы обеспечивал детальную регламентацию статуса лиц с двойным гражданством и разграничение правовых последствий, возникающих

[203] Статья 3 Соглашения между Российской Федерацией и Украиной о неотложных мерах по формированию Военно-Морского Флота России и Военно-Морских Сил Украины на базе Черноморского флота, Москва, 17 июня 1993 года // Россия - Украина. 1990 - 2000. Документы и материалы. Кн. 1. 1990 - 1995. - М.: Международные отношения, 2001. С. 203 - 205.
[204] Коммюнике о встрече Президентов России и Украины, Москва, 17 июня 1993 года // Дипломатический вестник. 1993. N 13 - 14. С. 29.
[205] Статья 16 Договора о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Молдова, Москва, 19 ноября 2001 года // Собрание законодательства РФ. 1 июля 2002 г. N 26. Ст. 2524.

в связи с ним. Вместе с тем на сегодняшний день такое соглашение подписано не было.

Перечисленные юридические факты объективируют вывод о том, что на определенном историческом этапе приобретение, изменение и утрата гражданином Российской Федерации двойного гражданства было возможно только на основании заключенных российским государством международных договоров и в соответствии с ними.

6 ноября 1997 года Российская Федерация предприняла значимый шаг в сфере международно-правового регулирования института двойного гражданства, подписав Европейскую конвенцию о гражданстве (далее – Конвенция). Уже в конце 1998 года Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин внес данный международный акт вместе с сопроводительными материалами на ратификацию в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации[206].

Проект федерального закона о ратификации предусматривал ряд оговорок и исключений. В частности, предлагалось заявить оговорку в отношении пункта 1 статьи 17 Конвенции и оставить за собой право ограничивать федеральным законом отдельные права и обязанности своих граждан, обладающих одновременно иностранным гражданством. Кроме того, в соответствии с пунктом 1 статьи 25 Конвенции Россия намеревалась исключить из сферы ее действия положения главы VII, касающиеся воинской обязанности лиц с множественным гражданством, мотивируя это тем, что на данном этапе более целесообразным представляется урегулирование соответствующих вопросов посредством двусторонних международных соглашений[207].

---

[206] Паспорт проекта Федерального закона № 98097561-2 «О ратификации Европейской конвенции о гражданстве» // СПС КонсультантПлюс.

[207] Пояснительная записка «По вопросу о ратификации Европейской конвенции о гражданстве». Паспорт проекта Федерального закона № 98097561-2 «О ратификации Европейской конвенции о гражданстве» // СПС КонсультантПлюс.

Таким образом, российская позиция при ратификации Конвенции изначально ориентировалась на сохранение определенного уровня суверенной гибкости и прагматический подход к регулированию вопросов воинской обязанности при множественном гражданстве.

Однако в 2017 году проект Федерального закона «О ратификации Европейской конвенции о гражданстве» был снят с рассмотрения Государственной Думой в связи с отзывом законопроекта Президентом Российской Федерации[208].

В 2002 году был принят Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» в новой редакции, согласно статье 6 которого, «приобретение гражданином Российской Федерации иного гражданства не влечет за собой прекращение гражданства Российской Федерации»[209].

Таким образом, законодатель упразднил действовавшее ранее нормативное условие наличия международного договора, как международно-правового основания признания индивида бипатридом.

В 2008 году Российская Федерация заключила два идентичных по содержанию международных договора с Республикой Южная Осетия и Республикой Абхазия. Указанные соглашения закрепляли принципиальное положение о том, что граждане одной стороны Договора могут приобретать гражданство другой на условиях и в порядке, установленных ее национальным законодательством[210]. Данные договоры фактически институционализировали возможность существования двойного гражданства в отношениях между Россией и этими государствами, что стало важным шагом в эволюции российской международно-правовой политики в рассматриваемой сфере.

---

[208] Выписка из протокола заседания Совета ГД ФС РФ от 04.04.2017 № 37 «О проекте федерального закона № 98097561-2 «О ратификации Европейской конвенции о гражданстве» // СПС КонсультантПлюс.

[209]Федеральный закон от 31.05.2002 N 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.06.2002, N 22, ст. 2031.

[210] См. Статья 8 Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия, Москва, 17 сентября 2008 года // Собрание законодательства РФ. 9 февраля 2009 г. N 6. Ст. 685; Статья 8 Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия, Москва, 17 сентября 2008 года // Собрание законодательства РФ. 9 февраля 2009 г. N 6. Ст. 686.

Правоприменительная практика в последующем получила дальнейшее развитие и конкретизацию. Так, Договор о союзничестве и интеграции между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия от 2015 года возложил на Россию обязательство принять дополнительные меры по упрощению процедур приобретения гражданства Российской Федерации гражданами Южной Осетии, включая внесение изменений в российское законодательство, позволяющих принимать таких лиц в гражданство без требования отказа от их южноосетинского гражданства [211] . Аналогичным образом, в Договоре о союзничестве и стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Абхазия были закреплены обязательства по упрощению доступа граждан Абхазии к российскому гражданству[212].

Таким образом, Россия приняла на себя международно-правовые обязательства по формированию особого правового режима, направленного на содействие возникновению случаев двойного гражданства. Это свидетельствовало о принципиальном изменении вектора российской политики, которая ранее характеризовалась большей сдержанностью и осторожностью в данном вопросе.

Вместе с тем следует отметить, что договоренность, предусмотренная статьей 8 Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия, о заключении отдельного соглашения по вопросам двойного гражданства на протяжении долгого времени не находила практической реализации. Лишь в августе 2021 года Президент Российской Федерации В. В. Путин утвердил проект соответствующего соглашения[213], а уже 20 сентября того же года оно было

[211]Статья 6 Договора между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции, Москва, 18 марта 2015 года // Собрание законодательства РФ. 14 сентября 2015 г. N 37. Ст. 5126.

[212]Статья 13 Договора между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве, Сочи, 24 ноября 2014 года // Собрание законодательства РФ. 13 апреля 2015 г. N 15. Ст. 2201.

[213] Распоряжение Президента Российской Федерации от 4 августа 2021 года № 205-рп «О подписании Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об

подписано сторонами[214]. К лету 2022 года Соглашение прошло ратификацию, и 19 апреля 2025 года стороны осуществили обмен нотами о завершении внутригосударственных процедур, окончательно вводя его в силу.

Тем самым, эволюция российско-осетинского и российско-абхазского сотрудничества в области гражданства демонстрирует трансформацию института двойного гражданства из исключения в устойчивый элемент межгосударственных отношений, закрепленный как на договорном, так и на внутригосударственном уровне.

В сентябре 2022 года Российская Федерация и Республика Абхазия заключили Соглашение об урегулировании вопросов двойного гражданства[215], по своей правовой конструкции и содержанию во многом аналогичное ранее подписанному российско-южноосетинскому акту. Данный международный договор закрепил правовые механизмы признания и регулирования статуса лиц, обладающих одновременно гражданством обеих договаривающихся сторон, тем самым создавая нормативную основу для устойчивого применения института двойного гражданства в двусторонних отношениях.

После завершения необходимых внутригосударственных процедур и обмена ратификационными грамотами 25 апреля 2025 года[216] Соглашение официально вступило в силу, что ознаменовало завершение формально-правового этапа его имплементации и придало обязательный характер закрепленным в нем положениям. Тем самым Российская Федерация фактически продолжила формирование международно-правовой линии, направленной на институционализацию двойного гражданства в отношениях с рядом государств, с которыми ее связывают особые союзнические и интеграционные связи.

урегулировании вопросов двойного гражданства» // Собрание законодательства РФ. 09.08.2021 года. N 32. ст. 6001

[214] См.: https://www.pnp.ru/politics/rossiya-i-yuzhnaya-osetiya-podpisali-soglashenie-o-dvoynom-grazhdanstve.html

[215] Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия об урегулировании вопросов двойного гражданства от 27 сентября 2022 года. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60949/

[216] См.: https://tass.ru/obschestvo/23784141

Соглашение об урегулировании вопросов двойного гражданства, заключенное Российской Федерацией с Республикой Южная Осетия[217], по своей структуре воспроизводит ряд правовых конструкций, закрепленных ранее в Договоре о сотрудничестве и интеграции от 18 марта 2015 года, а также в иных двусторонних актах. Интересным элементом данного соглашения, с точки зрения предмета нашего исследования, является предоставление Президенту Российской Федерации полномочия устанавливать упрощенный порядок приема в гражданство Российской Федерации отдельных категорий граждан Республики Южная Осетия. Логическим продолжением данной нормы стал Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2025 года «О приеме в гражданство Российской Федерации граждан Республики Абхазия и Республики Южная Осетия» [218], закрепивший процессуальные механизмы реализации упрощенной натурализации и конкретизировавший предусмотренные договорные обязательства.

Особого внимания заслуживает статья 4 Соглашения, устанавливающая принцип локализации реализации социально-экономических прав бипатридов: лица с двойным гражданством вправе в полном объеме пользоваться социальными гарантиями – такими как право на социальное обеспечение, образование, медицинскую помощь – исключительно в государстве своего постоянного проживания.

Таким образом, в отличие от Договора между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан 1995 года, предусматривавшего более общий подход к статусу лиц с двойным гражданством, анализируемое Соглашение вводит дифференцированный и более детализированный режим. Оно не только закрепляет перечень прав, доступных в полном объеме лишь на территории государства проживания, но и фактически ограничивает

---

[217] Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об урегулировании вопросов двойного гражданства. // СПС КонсультантПлюс

[218] Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2025 года № 328 «О приеме в гражданство Российской Федерации граждан Республики Абхазия и Республики Южная Осетия»/ http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505170012?index=4

возможность бипатридов использовать совокупность льгот и преимуществ одновременно в юрисдикциях обеих стран.

Представляется, что содержание Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об урегулировании вопросов двойного гражданства содержит ряд юридических неопределенностей, способных породить проблемы в правоприменительной практике.

Во-первых, как и ранее заключенный Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства, данный акт фактически исключает из сферы международно-правового регулирования лиц, обладающих одновременно гражданством обеих стран, но постоянно проживающих на территории третьих государств. В результате указанная категория бипатридов сталкивается с пробелом в праве, не будучи охваченной договорным регулированием.

Во-вторых, анализ положений Соглашения позволяет сделать вывод, что бипатриды лишаются права на образование и медицинское обслуживание в случае отсутствия постоянного проживания на территории одного из государств-участников. Полагаем, что авторы Соглашения имели в виду бесплатное образование и медицинское обслуживание, но в отсутствии должной конкретизации на практике можем получить полное поражение в правах бипатридов.

Таким образом, неопределенность в формулировках Соглашения создает угрозу как для обеспечения прав бипатридов, так и для стабильности правоприменительной практики, оставляя национальным органам власти чрезмерно широкий простор для усмотрения.

Существенной новеллой в сфере международно-правового регулирования института двойного гражданства следует признать положения статьи 8 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия, а также аналогичной статьи Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Абхазия об урегулировании вопросов двойного

гражданства. Указанные нормы предусматривают возможность заключения отдельных международных соглашений, в которых могут быть детализированы особенности предоставления иммунитетов лицам с двойным гражданством, состоящим или состоявшим на государственной либо иной официальной службе одной из Сторон, от юрисдикции другой Стороны.

По своей сути, данные положения направлены на регулирование статуса особых категорий бипатридов, чья профессиональная деятельность сопряжена с выполнением функций, имеющих значение для государственной власти и суверенитета: дипломатических работников Абхазии и Южной Осетии, обладающих или потенциально могущих обладать гражданством Российской Федерации, а также военнослужащих российских военных баз, дислоцированных на территориях указанных республик. Введение такого механизма фактически создает новую плоскость международно-правовой защиты интересов государства в условиях усложняющейся практики множественного гражданства, поскольку позволяет гибко сочетать требования национальной юрисдикции с необходимостью уважения служебного статуса бипатридов.

Следует подчеркнуть, что ни одно из ранее заключенных Российской Федерацией либо Советским Союзом международных соглашений о двойном гражданстве не содержало аналогичных норм, что свидетельствует о качественно новом подходе российского государства к регулированию правового положения лиц с двойным гражданством в условиях современного международного взаимодействия.

До заключения Российской Федерацией соглашений с Южной Осетией и Абхазией об урегулировании вопросов двойного гражданства Э. Э. Джалилова [219], а также ряд иных исследователей [220] обоснованно обращали внимание на то, что заключенные Российской Федерацией

[219] Джалилова Э.Э. К вопросу об институте двойного гражданства в России // Современное право. 2016. № 5. С. 36.
[220] См., например, Щелудякова Т.В., Зубарева А.В. Правовое регулирование статуса бипатрида в Российской Федерации: проблемы совершенствования // Миграционное право. 2014. № 4. С. 17-19.

международные договоры, направленные на урегулирование вопросов двойного гражданства, фактически не реализовывались в полном объеме. Данная ситуация была обусловлена не столько юридической дефектностью самих соглашений, сколько изменением стратегических ориентиров российской миграционной политики. Иными словами, государство сознательно сместило акцент с договорно-правового регулирования института бипатризма на внутренние механизмы контроля и администрирования миграционных процессов, что повлекло ограничение практической значимости ранее заключенных международных соглашений.

Более того, Джалилова выдвинула тезис о том, что «к особенностям правового регулирования двойного гражданства в Российской Федерации можно отнести … отрицание государством статуса двойного гражданства в отсутствие международных договоров» [221] . По нашему мнению, это утверждение, как минимум, достаточно дискуссионно.

Е. Е. Никитина справедливо отмечает, что современный этап развития характеризуется противоречивым сочетанием разнонаправленных тенденций. С одной стороны, усиливается запрос на расширение государственных гарантий в сфере реализации основных прав и свобод человека и гражданина; с другой – нарастает значимость обеспечения национальной и индивидуальной безопасности [222] . Эти процессы усугубляются факторами глобализации, военными конфликтами и диспропорциями социально-экономического развития, что ведет к качественному росту и усложнению международных миграционных потоков.

В таких условиях правовое регулирование вопросов гражданства в Российской Федерации, включая институт двойного гражданства, утратило присущие ему ранее устойчивость и системность. По мнению Е. Е. Никитиной, ключевой проблемой является отсутствие целостной концептуальной базы и

[221] Джалилова Э.Э. К вопросу об институте двойного гражданства в России // Современное право. 2016. № 5. С. 37.
[222] Никитина Е. Е. Законодательство о гражданстве и совершенствование миграционной политики Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 32.

должной координации законодательства о гражданстве с целями и задачами миграционной политики [223] . Такая разобщенность норм препятствует формированию устойчивого и предсказуемого правового режима в данной сфере.

Бесспорно, что Российская Федерация существенно продвинулась вперед в решении проблем, связанных со случаями двойного гражданства, закрепив в 1991 году на законодательном уровне возможность наличия (хоть и с ограничениями) у гражданина Российской Федерации двойного гражданства. Изменения внутреннего законодательства, последовавшие в 2002 году, можно рассматривать в качестве следующего этапа в развитии регулирования вопросов двойного гражданства в Российской Федерации.

Как было указано выше, в 2023 году был принят новый Федеральный закон Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» [224] , который совершил очередной разворот в отношении подходов российского государства к феномену двойного гражданства. В первую очередь, законодатель нормативно разделил категории «двойное гражданство» и «множественное гражданство», установив, что в случае двойного имеется «гражданство иностранного государства, с которым Российской Федерацией заключен международный договор о двойном гражданстве»[225].

Представляется весьма показательной норма части 6 статьи 10 Федерального закона Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации», закрепляющая, что порядок приобретения и прекращения двойного гражданства, а также специфика правового положения граждан Российской Федерации, обладающих двойным гражданством, могут устанавливаться как федеральными законами, так и международными договорами Российской Федерации[226]. Данное положение, по сути, обладает

[223] Там же.
[224] Федеральный закон Российской Федерации от 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 01.05.2023, №18, ст. 3215.
[225] Там же.
[226] Там же.

экстерриториальной и международно-правовой направленностью: оно предполагает возможность регулирования не только внутригосударственных отношений, но и трансграничных правоотношений, затрагивающих юрисдикцию иностранных государств.

Практическая имплементация указанной нормы нашла отражение в принятии специального Федерального закона «Об особенностях правового положения граждан Российской Федерации, имеющих гражданство Украины»[227]. Однако возникает существенная коллизия: граждане Российской Федерации, одновременно обладающие гражданством Украины, не могут быть отнесены к категории лиц с «двойным гражданством» в строгом юридическом смысле этого термина, закрепленного статьей 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», поскольку между Россией и Украиной отсутствует международный договор, регулирующий соответствующие вопросы.

Следовательно, рассматриваемая группа лиц, исходя из буквального толкования закона, должна квалифицироваться не как носители двойного гражданства, а как лица с множественным гражданством. Тем самым проявляется важный системный изъян в законодательной конструкции: фактическая попытка нормативного регулирования ситуации, которая в материально-правовом смысле не соответствует определению института двойного гражданства, а по своей правовой природе относится к иному – более широкому – феномену множественного гражданства.

Таким образом, представляется возможным констатировать, что за последние три десятилетия правоприменительная практика Российской Федерации в сфере регулирования института двойного гражданства характеризовалась отсутствием должной стабильности и последовательности. Несмотря на то, что на уровне национального законодательства был

[227] Федеральный закон Российской Федерации от 18 марта 2023 года № 62-ФЗ «Об особенностях правового положения граждан Российской Федерации, имеющих гражданство Украины» // Собрание законодательства РФ, 20.03.2023, № 12, ст. 1875.

сформулирован и закреплен комплексный правовой статус лиц с двойным гражданством, включая их права и обязанности, международно-правовая деятельность России в данной области демонстрировала значительную противоречивость.

Особенно ярко эта несогласованность проявилась в процессе рассмотрения вопроса о ратификации Европейской конвенции о гражданстве 1997 года, когда выявилось расхождение между внутренними правовыми установками и международными обязательствами. Дополнительным подтверждением данной тенденции служит практика заключения международных договоров Российской Федерации о регулировании вопросов двойного гражданства: ряд таких соглашений длительное время оставался без должной имплементации, а некоторые из них были денонсированы.

Вместе с тем, спустя определенный период правовая политика России в указанной сфере претерпела эволюцию: государство вернулось к заключению новых международных соглашений о двойном гражданстве. Эти договоры, будучи частью международных обязательств Российской Федерации, неизбежно оказывают воздействие на развитие ее национального законодательства, которое продолжает последовательно адаптироваться к новым международно-правовым и внутригосударственным реалиям.

3. Двойное гражданство в практике зарубежных государств

Политико-правовой подход к институту двойного гражданства в современном международном сообществе отличается высокой степенью дифференциации и неоднородности. Каждое государство вырабатывает свою уникальную позицию – от полного запрета до максимально либерального признания. В научной литературе отмечается, что, по состоянию на 2018 год, законодательство 75 процентов государств мира признает возможность приобретения своими гражданами (поданными) гражданства (подданства) других государств и разрешает экспатриантам приобретать гражданство страны назначения с одновременным сохранением гражданства страны

происхождения [228] . Законодательство же остальных стран сам факт натурализации признает основанием для утраты исходного гражданства[229].

В правовой научной доктрине государства классифицированы по критерию их отношения к двойному гражданству[230]. Так, к государствам с исторически традиционно отрицательным отношением к институту двойного гражданства относят Японию и Саудовскую Аравию. Оба эти государства на определенном этапе своего развития даже полностью «закрывались» от внешнего мира. Как известно, Саудовская Аравия практически со дня своего основания была и остается государством, достаточно жестко ограничивающим пребывание, а также проживание иностранных граждан на своей территории. Государственная власть Саудовской Аравии минимизирует участие иностранцев в функционировании ее общественных институтов, устанавливает запреты на их доступ к государственной службе.

В свою очередь Япония с 1638 года последовательно и неуклонно проводила политику изоляционизма от остального мира, что привело японское общество к высокой степени культурной и этнической однородности, а также воспитало у коренного населения японских островов сильное чувство принадлежности к японской нации, лояльность к японскому государству, убеждение в непреодолимости различий между японцами и «неяпонцами». Поэтому в Японии культивируется традиционно отрицательное отношение к тем из поданных Японской Империи, кто претендует на приобретение правового статуса бипатрида.

---

[228] Vink, Maarten, Schakel, Arjan H., Reichel, David, Luk, Ngo Chun, de Groot, Gerard-Rene. The International Diffusion of Expatriate Dual Citizenship // Migration Studies, Vol. 7. Issue 3, September 2019. P 362-363. URL: https://academic.oup.com/migration/article/7/3/362/5488849

[229] Подробнее см.: Полянская И.С., Дорожко Ф.Л., Назаров В.Ю. Сравнительно-правовой опыт решения проблем двойного гражданства в зарубежных странах и возможности его применения в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2013 год. № 6. С. 105.

[230] Подробнее см.: Aleinikoff T. A., Klusmeyer D. (2001). Plural Nationality: Facing the Future in a Migratory World, in: T. A. Aleinikoff, D. Klusmeyer (eds), Citizenship Today. Global Perspectives and Practices. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 2001. pp. 63–88. (76); Faist, T., Gerdes J., Rieple B. Dual Nationality As a Path-Dependent Process, in: A. Portes, J. DeWind (eds), Rethinking Migration: New Theoretical and Empirical Perspectives. New York: Berghahn Books. 2007. pp. 90–121. (103)

Как отмечает Мие Муразуми[231], негативное отношение в Японии к случаям двойного гражданства основано также на негативном опыте прошлого. Так, в первой половине XX века наличие двойного гражданства поданных Японской Империи способствовало антияпонским настроениям во многих странах, особенно в Соединенных Штатах Америки. Более того, наличие двойного гражданства стало основанием для обвинения в государственной измене некоторых американцев японского происхождения после окончания Второй мировой войны. Наиболее известным и показательным в этом отношении случаем является судебный процесс в отношении Томойи Кавакиты[232].

Будучи одновременно гражданином США и Японии, Кавакита переехал в Японию и, используя свое японское подданство, нашел работу в качестве переводчика английского языка в японской компании, в которой использовался труд американских военнопленных. После войны Кавакита вернулся в Соединенные Штаты и был осужден за измену. Судьба Кавакиты оставалась в повестке отношений США и Японии на протяжении двух десятилетий, пока президент США Джон Кеннеди не помиловал его в 1963 году с условием его немедленного возвращения в Японию.

Этот случай настолько укоренился в сознании японского общества, что японские законодатели до сих пор продолжают ссылаться на него как на пример противоречивости правовых обязательств, налагаемых на лиц с двойным гражданством.

В связи с этим представляется логичным то, что послевоенное национальное законодательство Японии о гражданстве содержало довольно жесткие запреты в отношении приобретения двойного гражданства и состояния в нем. Несмотря на это, на рубеже XX и XXI столетий в законодательство Японии о двойном гражданстве были внесены некоторые

---

[231] Murazumi, Mie. Japan’s Law on Dual Nationality in the Context of a Globalized World // Washington International Law Journal. 2000. Vol. 9. № 2. P. 425-426. URL: https://digitalcommons.law.uw.edu/wilj/vol9/iss2/6/

[232] Kawakita v. United States, 343 U.S. 717, reh'g denied, 344 U.S. 850 (1952)

изменения, ослаблявшие существовавшие в нем запреты и ограничения. Так, только в исключительных случаях и по решению министра юстиции Японии японское гражданство можно получить без утраты своего первоначального гражданства[233].

Одним из первых государств, предоставившим своим гражданам (поданным) право свободно обладать также гражданством (подданством) иного государства, стало Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Кабинет министров Великобритании пошел на такой радикальный шаг под влиянием, прежде всего, необходимости поощрения и облегчения осуществления приносящей прибыль британскому государству предпринимательской транснациональной деятельности своих поданных, сделав вывод о том, что многие добропорядочные граждане Великобритании приобретают гражданство иностранных государств исключительно по деловым причинам и было бы несправедливо продолжать автоматически лишать их по этой причине гражданства Великобритании[234].

Примеру Великобритании последовали многие страны Британского Содружества Наций. Так, после нескольких десятилетий ограничительной и запретительной политики в отношении случаев двойного гражданства, в 1976 году Канада изменила в этой части свое национальное законодательство[235]. С этого времени, каждый гражданин Канады (поданный этого Британского Доминиона) может приобрести гражданство другого государства и при этом потерять гражданство Канады только в случае обращения в судебные органы за разрешением на отказ от него[236]. Инициируя такое изменение законодательства о гражданстве, Кабинет министров Канады

---

[233] Полянская И.С., Дорожко Ф.Л., Назаров В.Ю. Сравнительно-правовой опыт решения проблем двойного гражданства в зарубежных странах и возможности его применения в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2013 год. № 6. С. 105.

[234] Jones, J. Mervyn. British Nationality Act, 1948 // The British Yearbook of International Law. Twenty-fifth year of issue. 1948. P. 158, 174.

[235] Galloway, J. Donald. The Dilemmas of Canadian Citizenship Law // Georgetown Immigration Law Journal. Vol. 13. 1999. P. 201, 216.

[236] Franck, Thomas M. Clan and Superclan: Loyalty, Identity and Community in Law and Practice // American Journal of International Law. Vol. 90. 1996. P. 380.

исходил из того мнения, что двойное гражданство может усилить чувство общности отдельных граждан, учитывая их связи с несколькими странами[237].

Важную роль в изменении отношения государств к двойному гражданству сыграло прогрессивное развитие общего международного публичного права. Как уже указывалось ранее, весомое влияние на развитие национального законодательства зарубежных стран оказала Конвенция о гражданстве замужней женщины 1957 года. Так, опираясь, в том числе и на положения этой Конвенции, в 1975 году Конституционный суд Италии признал неконституционным норму закона, предусматривающей автоматическую потерю гражданства Италии женщиной, вышедшей замуж за иностранца и автоматически получившей также гражданство супруга[238]. В результате уже в 1992 году в Италии право граждан этой страны на приобретение двойного гражданства было признано на законодательном уровне.

Внедрение в национальное законодательство Федеративной Республики Германия положений Конвенции о гражданстве замужней женщины 1957 года, дающей замужним женщинам-гражданкам Германии свободу выбора своего гражданства, прямо противоречило доктрине немецкого права, в части предусмотренных в германской правовой системе принципами избежания множественного гражданства и единого гражданства в немецкой семье (единого гражданства всех ее членов). По этому поводу Конституционный суд Федеративной Республики Германии вынес постановление, согласно которому, одной только заинтересованности государства в избежании множественного гражданства недостаточно для того, чтобы оправдать отступление от закрепленного Конституцией равенства матери и отца в отношении наследования их гражданства потомками[239]. Как отмечает Карин

---

[237] Franck, Thomas M. Community Based on Autonomy // Columbia Journal of Transnational Law. Vol. 36. 1997. P. 41, 45.

[238] Haider-Quercia, Ulrike. Rechtsrahmen und Bedeutung der doppelten Staatsburgerschaften in Italien // International Law report: New issue: Europa ethnica. – Cincinnati, 2016. - Vol. 73, N 1/2. – S. 9-17.

[239] См. подробнее: Камман, Карин. Допущение и поощрение множественного гражданства // Российский бюллетень по правам человека. 1994. № 3. С. 126.

Камман, данное решение повлекло за собой внесение соответствующих изменений в законодательство Германии о гражданстве[240]. Если до 1 января 1975 года родившийся в Германии ребенок наследовал гражданство только от отца, то, начиная с 1 января 1975 года, родившийся в Германии ребенок может наследовать немецкое гражданство как от отца, так и от матери.

Таким образом, Конституционный суд Германии решил, что международно-правовой принцип уважения прав замужней женщины имеет правовой приоритет в соотношении с национальным немецким правовым принципом недопущения множественности гражданства.

По нашему мнению, представленные примеры служат ярким подтверждением неуклонного воздействия, которое оказывает динамичное развитие международного права – как его общих норм, так и специализированных стандартов в области прав человека – на формирование и эволюцию отраслевых правовых систем внутри суверенных государств. Иными словами, международно-правовая мысль активно моделирует соответствующее национальное законодательство.

Вместе с тем важно отметить, что в течение длительного исторического периода существования института двойного гражданства не удалось добиться идентичности международного и внутригосударственного правового регулирования отношений, возникающих в связи с его приобретением или утратой индивидом. Это объективируется целым рядом факторов, среди которых можно выделить следующие обстоятельства:

1. Только ограниченное количество государств инкорпорировали в свои национальные законодательства принципы международного права о гражданстве, которые установлены соответствующими универсальными международными договорными нормативными публичными правовыми актами;

[240] Там же.

2. Многие государства не подписали многосторонние и двусторонние международные договоры или не ратифицировали уже подписанные ими международные договоры, посвященные международно-правовому регулированию различных аспектов международных отношений, прямо или косвенно связанных с двойным гражданством, а также международно-правовым статусом, правами, свободами и обязанностями лиц с двойным гражданством;

3. Ряд государств, несмотря на взятые на себя обязательства, формализованные в виде ратификации международных актов о гражданстве и двойном гражданстве, игнорирует полное или должное выполнение их ключевых положений;

4. Отдельные страны, на основании нормы статьи 38 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, признают для себя обязательными в качестве обычной нормы требования и иные положения международных нормативных правовых актов о гражданстве, формально исполняют их, но не присоединяются к ним, не подписывают и не ратифицируют их в силу определенных внутриполитических причин[241].

В некоторых случаях преференциальная политика государства в отношении двойного гражданства может быть обусловлена в том числе желанием «замолить исторические грехи». Так, например, стремясь искупить историческую вину за дискриминацию и изгнание еврейского населения в конце XV века, Испания и Португалия в 2015 году запустили уникальные программы[242]. Эти инициативы позволили потомкам сефардов приобрести второе гражданство без требования отказа от существующего. Таким образом, обе страны использовали институт двойного гражданства как инструмент для компенсации и коррекции последствий своей многовековой политики.

---

[241] Подробнее см.: Medved, Felicita. Slovenia: Country Report, EUDO Citizenship Observatory, 2010. URL: https://cadmus.eui.eu/handle/1814/19636?show=full

[242] Moritz, Michael D. The Value of your Ancestors: Gaining "Back-Door" Access to the European Union Through Birthright Citizenship // Duke Journal of Comparative & International Law. Vol. 26. 2016. PP. 229-267. URL: https://scholarship.law.duke.edu/djcil/vol26/iss1/4/

Аналогичная практика наблюдается в Германии и Австрии по отношению к лицам, пострадавшим во время нацистского режима, а также к их потомкам.

Страны Балтии после распада Союза ССР предоставили привилегированный доступ к получению гражданства или право его восстановления лицам, имевшим соответственно гражданство Эстонии, Литвы или Латвии до 1940 года. Подобная практика существует в настоящее время и в ряде других стран Восточной Европы.

Полагаем, что большое влияние на политику в отношении двойного гражданства независимых государств, ранее входивших в статусе республик в состав бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии, оказали также войны и конфликты, сопутствовавшие территориальному распаду этой страны и повлекшие за собой волны миграции. Также общеизвестно, какое влияние на политику в сфере гражданства Венгрии оказали распад Австро-Венгерской Империи после Первой мировой войны и потеря ею существенной части своей исторической территории по Трианонскому мирному договору[243].

Влияние на политику государств в отношении к институту двойного гражданства оказывает и ряд других существенных факторов. В частности, одним из них является проживание на территориях некоторых государств многочисленных национальных диаспор, образованных иммигрантами. Именно это обстоятельство, как представляется, служит одним из решающих факторов, во многом определяющим и формирующим дифференцированную политику государств в части, касающейся решения им вопросов двойного гражданства. Это обусловлено, в частности, тем, что одни государства имеют обязательства по защите интересов своих соотечественников, находящихся за рубежом – в особенности это касается таких стран как Италия, Венгрия, Мексика и Турция, чьи граждане образовали многочисленные зарубежные диаспоры соотечественников, а другие страны, например, Германия и

[243] Zeidler, Miklos. Treaty of Trianon, in 1914-1918-online International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/trianon_treaty_of

некоторые другие экономически развитые страны Европейского Союза с высоким уровнем жизни населения, вынуждены представлять и защищать интересы проживающих на их территориях диаспор, многие из членов которых получили гражданство страны пребывания или ожидают его получения. Так, например, в середине XX века законодательство Турции ограничивало и даже умаляло права лиц, отказавшихся от турецкого гражданства. В частности, такие граждане лишались права собственности на территории Турции. В Германии же, наоборот, с целью интегрировать в немецкое общество турецких иммигрантов, им была предоставлена возможность приобретения двойного гражданства.

Политика легализации двойного гражданства реализуется также во Франции и в Соединенных Штатах Америки. Так, для содействия в трудоустройстве французов, проживающих за пределами страны, Национальное Собрание Франции в 1973 году внесло изменение в действовавшее законодательство, предусмотревшее, что гражданин Франции, натурализовавшийся за границей, может потерять французское гражданство только «если он прямо заявит об этом»[244].

С 1990 года гражданин США, натурализующийся в другой стране, сохраняет свое гражданство, если не заявит об ином своем решении в этой части в соответствующие органы власти США[245].

Европейский Союз выступает еще одним катализатором в процессе трансграничной гармонизации законодательства, регулирующего двойное гражданство. Его влияние выходит за рамки стран-членов: принципы и политика ЕС прямо воздействуют на то, как эти государства формируют свою позицию по вопросам гражданства. Более того, Союз косвенно стимулирует реформы и в тех государствах, которые находятся на пути интеграции и

[244] Franck, Thomas M. Clan and Superclan: Loyalty, Identity and Community in Law and Practice // American Journal of International Law. Vol. 90. 1996. P. 380-381.
[245] Advice about Possible Loss of U.S. Nationality and Dual Nationality. US Department of State. URL: https://travel.state.gov/content/travel/en/legal/travel-legal-considerations/Advice-about-Possible-Loss-of-US-Nationality-Dual-Nationality.html

стремятся стать частью этого мощного регионального объединения. Таким образом, ЕС служит ориентиром для унификации подходов к двойному гражданству. В соответствии со статьей 49 Договора о Европейском Союзе[246] государства - кандидаты в члены Европейского Союза должны соблюдать права человека, что может быть связано и с вопросами гражданства.

С другой стороны, государства - члены Европейского Союза сохраняют свое право самостоятельно определять, кто является их гражданами, а кто – нет, в связи с чем, некоторые из этих государств выразили свою обеспокоенность слишком «щедрым» режимом предоставления гражданства отдельными государствами этого объединения, что, по их мнению, негативно сказывается на остальных членах Европейского Союза, учитывая положения Директивы 2004/38/ЕС о праве граждан Европейского Союза и членов из семей на свободное передвижение по территории государств-членов[247].

Несомненно, что сопредельные государства оказывают взаимное влияние друг на друга в рамках регионального (субрегионального) сотрудничества. Уже упоминалось, что показательным примером этого служит унификация национального законодательства в сфере гражданства, осуществляемая североевропейскими странами с использованием потенциала интеграционных механизмов, функционирующих в созданной ими международной организации Северный Совет. В результате этого, Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания и Исландия практически унифицировали свои национальные законодательства, регулирующие отношения, возникающие в связи с приобретением двойного гражданства. Также необходимо отметить, что страны Северной Европы выработали единые подходы к ограничению случаев двойного гражданства. Более того, на рубеже XX-XXI веков эти страны

[246] Договор о Европейском Союзе от 7 февраля 1992 года, в редакции Лиссабонского договора о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества (Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community) от 13 декабря 2007 года. URL: http://eulaw.ru/treaties/teu/

[247] Директива 2004/38/ЕС Европейского Парламента и Совета от 29 апреля 2004 года о праве граждан ЕС и членов из семей на свободное передвижение по территории государств-членов. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2004/38/oj

имплементировали в свои национальные законодательства основополагающие нормативные положения заключенных между ними двусторонних и многосторонних международных договоров, касающихся гражданства[248].

Несмотря на то, что эти государства традиционно и в течение длительного периода осуществляли политику, направленную на ограничение случаев двойного гражданства, они, тем не менее, под влиянием приобретающих массовый характер европейской региональной и межконтинентальной миграции, изменили свое отношение к институту двойного гражданства. Так, в 2010 году между этими странами был заключен пятисторонний Договор о гражданстве[249] (далее – Договор), который предусматривает предоставление каждой договаривающейся стороне права принятия, по ее собственному усмотрению, мер, направленных, либо на ограничение двойного гражданства, или на уменьшение количества рестрикций, введенных по поводу и действующих в отношении двойного гражданства. В частности, норма абзаца 3 статьи 6 указанного Договора устанавливает, что «каждая Договаривающаяся сторона может применять положения, в соответствии с которыми ее гражданство может быть приобретено посредством подачи заявления, при условии, что лицо, подающее заявление, может доказать, что он или она, таким образом, теряет гражданство других государств».[237] Таким образом, политика североевропейских государств в отношении двойного гражданства адаптировалась к современным условиям и стала более гибкой.

В настоящее время все страны, входящие в Северный Совет, за исключением Королевства Дании, присоединились к Европейской конвенции о гражданстве 1997 года. Соответственно, Дания осталась единственной

[248] Agreement between Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden on the implementation of certain provisions concerning citizenship, Copenhagen, 23 October 1998. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280095521&clang=_en ; Agreement between Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden on the implementation of certain provisions concerning nationality, Copenhagen, 14 January 2002. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280079b19&clang=_en

[249] Agreement between Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden concerning citizenship, Copenhagen, 13 September 2010. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280352577&clang=_en

страной Северной Европы, политика и правоприменительная практика которой, традиционно направлены на ограничение или исключение случаев двойного гражданства в зависимости от конкретной ситуации.

Закон о гражданстве Республики Польша 2009 года допускает наличие у польских граждан двойного гражданства, однако, аналогично с российским законодательством, устанавливает, что, во-первых, гражданин Польши, имеющий также гражданство другого государства, пользуется теми же правами и несет те же обязанности в отношении Республики Польша, что и гражданин, имеющий только польское гражданство; и, во-вторых, Республика Польша рассматривает лицо с двойным гражданством только в качестве гражданина Польши[250].

Следует подчеркнуть, что формирование нынешнего подхода Польской Республики к двойному гражданству было сложным и продолжительным процессом, потребовавшим переосмысления его значимости в национальной правовой системе. Как отмечается в научной литературе, во времена Польской Народной Республики, то есть, до 1989 года, «считалось позором» иметь два гражданства и влекло за собой подозрения в шпионаже под прикрытием иностранного государства[251].

В дальнейшем вопрос об исторической и правовой судьбе двойного гражданства в Республике Польша широко и активно обсуждался в 1990-е годы XX века и в начале 2000-х годов. По итогам этих дебатов, бывшим Президентом Республики Польша Александром Квасьневским было принято решение о выходе польского государства из двусторонних международных договоров, заключенных ранее с СССР (1965 года), Чехословакией (1965 года), Болгарией (1972 года), Монголией (1975 года) и Германской Демократической Республикой (1975 года), предметом которых было

[250] Закон Республики Польша от 2 апреля 2009 года «О польском гражданстве». URL: http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=wdu20120000161

[251] Zawada, Przemysław. Dual Citizenship in Poland and in Israel: Selected Legal Aspects in a Comparative Perspective // Polish Political Science Yearbook, vol. 47(2). 2018, pp. 302–318. URL: https://czasopisma.marszalek.com.pl/images/pliki/ppsy/47-2/ppsy2018210.pdf

запрещение приобретения гражданами Польши двойного гражданства[252]. Более того, в Конституцию Республики Польши были также внесены поправки, предусматривающие утрату польского гражданства только на основе индивидуального решения об отказе от него, принятого самим гражданином этого государства.

В тоже время, исследователи отмечают, что, несмотря на закрепленное в Законе Республики Польши о гражданстве 2009 года равенство граждан Польши с единственным польским гражданством и их соотечественников с гражданством двух и более государств, правоприменительная практика польского государства в решении этой проблемы непоследовательна в силу того, что польское республиканское законодательство предусматривает ряд ограничений для граждан Польши, имеющих также гражданство иного государства[253].

В Королевстве Испания в разрешении коллизий, возникающих в связи с приобретением двойного гражданства или по поводу пребывания в нем, решающее значение имеют нормативные установления соответствующих международных договоров[254]. Как уже отмечалось ранее, Испания имеет большой опыт заключения со странами Латинской Америки двусторонних соглашений, направленных на урегулирование вопросов гражданства и действующих в настоящее время[255]. Доктрина правовой науки в Испании традиционно рассматривала институт двойного гражданства в качестве аномалии, однако, уже в 1980-х годах отношение испанских правоведов и практических работников к нему изменилось, и они признали положительное

---

[252] Gorny, Agata, Pudzianowska, Dorota. Country report: Poland. EUDO Citizenship Observatory. 2013. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/19631/RSCAS_EUDO_CIT_2013_26.pdf?sequence=3&isAllowed=y

[253] Jagielski, Jacek. Obywatelstwo polskie. Komentarz do ustawy, Warszawa: Wolters Kluwer Polska. 2016. URL: https://sip.lex.pl/komentarze-i-publikacje/komentarze/obywatelstwo-polskie-komentarz-do-ustawy-587710173

[254] Вениаминова М.В. Договорное регулирование двойного гражданства в Испании // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 2. С. 198 - 215.

[255] Необходимо отметить, что с рядом стран (Аргентина, Колумбия, Гондурас и Гватемала) заключены соглашения или договоры о гражданстве, поскольку на момент заключения соответствующих договоров национальное законодательство этих стран не допускало двойного гражданства.

значение института двойного гражданства в эпоху масштабных миграционных процессов и периодически возникающих международных конфликтов[256].

Кроме того, в конце 1990-х годов Испания начала процесс подписания дополнительных соглашений к ранее заключенным со странами Латинской Америки договорам, в соответствии с которыми, поданные Испании получили возможность пользоваться правом на ускоренный и упрощенный порядок получения второго гражданства того латиноамериканского государства, с которым ранее Испания подписала соответствующий международный договор, а граждане тех латиноамериканских государств, с которыми Испания подписала дополнительное соглашение, получали право на приобретение второго испанского подданства[257]. В научной литературе отмечается, что подписание дополнительных соглашений было обусловлено очевидной неэффективностью ранее заключенных испано-латиноамериканских договоров о двойном гражданстве, которое, практически, было «спящим», а не действующим[258].

---

[256]Marín López, Antonio. La doble nacionalidad en los tratados suscritos por España con las Repúblicas Americanas // Anuario Español de Derecho Internacional. 1982. No. 6. P. 119.

[257] Additional Protocol between the Kingdom of Spain and the Republic of Costa Rica amending the Agreement on dual nationality of 8 June 1964, Madrid, 23 October 1997. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028009afa4&clang=_en; Additional Protocol between the Kingdom of Spain and the Republic of Nicaragua amending the Agreement on dual nationality of 25 July 1961, Managua, 12 November 1997. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280095da9&clang=_en; Additional Protocol between the Kingdom of Spain and the Republic of Columbia amending the Convention on dual nationality of 27 June 1979, Bogota, 14 September 1998. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028007fb1b&clang=_en; Additional Protocol between the Kingdom of Spain and the Republic of Paraguay amending the Convention on dual nationality of 25 June 1959, Asuncion, 26 June 1999. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280083baa&clang=_en; Additional Protocol between the Kingdom of Spain and the Republic of Costa Rica amending the Treaty on dual nationality of 15 June 1966, Tegucigalpa, 13 November 1999. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028007ce9c&clang=_en; Additional Protocol between the Kingdom of Spain and the Republic of Bolivia amending the Agreement on dual nationality of 14 April 1969, Madrid, 18 October 2000. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280085506&clang=_en; Additional Protocol between the Kingdom of Spain and the Republic of Argentina amending the Convention of 14 April 1969 on nationality, Buenos Aires, 6 March 2001. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028007ffec&clang=_en

[258] См.: Alvarez Rodríguez, Aurelia. Españoles en Costa Rica. Revisado el Convenio de doble nacionalidad // Carta España. Revista de Emigración e Inmigración. 1999. No. 537. P. 22.

Особое отношение к институту двойного гражданства сформировалось в Государстве Израиль, что во многом было обусловлено историческими предпосылками и особенностями создания еврейского государства в силу иммигрантского прошлого его основателей. В этой связи исследователи отмечают, что Израиль никогда не запрещал иметь двойное гражданство своим гражданам, что подтверждается и Законом Государства Израиль о гражданстве 1952 года[259]. Кроме того, причина, по которой Государство Израиль позволяет своим гражданам беспрепятственно иметь более одного гражданства, заключается в том, чтобы побудить, заинтересовать и стимулировать еврейскую диаспору поселиться в еврейском государстве без необходимости отказываться от своего первоначального гражданства[260]. Суть либерального подхода Государства Израиль к институту двойного гражданства состоит в том, что принудительный выбор между проживанием лица еврейской национальности в Израиле и его отказом от первоначального гражданства мог бы привести к сокращению притока еврейских иммигрантов, в чем Израиль не заинтересован.

Объективности ради, следует отметить, что в Государстве Израиль все же существуют некоторые отличия в правовом положении бипатридов и остальных граждан этой страны. Согласно статье 16А Основных законов Государства Израиль, избранный депутат Кнессета (Парламента Государства Израиль), имеющий также гражданство другого государства, не имеет права приносить присягу на верность Государству Израиль, пока не откажется от указанного гражданства[261]. При этом избранный депутат Кнессета не может пользоваться правами депутата до принесения присяги. Двойное гражданство также может быть основанием для лишения права на прохождение военной службы в отдельных подразделениях Армии Обороны Израиля. С другой

[259] Herzog, Ben. The Revocation of Citizenship in Israel // Israel Studies Forum, 25(1). 2010. pp. 57 – 72.
[260] Kalekin-Fishman, Devorah, Pitkanen, Pirkko. Multiple Citizenship as a Challenge to European Nation-States, Rotterdam: Sense Publishers. 2007. P. 241.
[261] Статья 16А Основных законов Государства Израиль. URL: http://knesset.gov.il/laws/ru/yesodru4.pdf

стороны, обладатели двойного гражданства являются желательными кандидатами для зачисления в штатный состав агентов израильских служб безопасности по причине их права беспрепятственно въезжать в соответствующие страны и осуществлять там разведывательную деятельность в пользу Государства Израиль. В соответствии с официальными статистическими данными, в настоящее время доля граждан с двумя и более гражданствами среди граждан Государства Израиль достаточно велика[262].

Изучение правоприменительной практики и отношения зарубежных государств к институту двойного гражданства позволяет сделать два ключевых обобщения:

- влияние международного права на то, как конкретное государство формирует свое законодательство о двойном гражданстве (и относится к нему в целом), крайне неоднородно и не является универсальным. Национальная политика в этой сфере определяется сложным комплексом внутренних факторов, таких как исторический опыт, устоявшиеся традиции, культурные особенности, политическая обстановка и доминирующая идеология. Иными словами, каждое государство индивидуально преломляет международные нормы через призму своих уникальных национальных интересов и ценностей;
- несмотря на вышеуказанную дифференциацию, наблюдается устойчивая тенденция к конвергенции (сближению) правовых подходов в группе тех государств, которые связаны взаимными международными обязательствами (договорами) по вопросам двойного гражданства. Наличие таких договорно-правовых рамок стимулирует эти страны к гармонизации своей правоприменительной практики, что способствует большей единообразности и предсказуемости в регулировании статуса лиц с двойным гражданством.

[262] См. подробнее: Zawada, Przemysław. Dual Citizenship in Poland and in Israel: Selected Legal Aspects in a Comparative Perspective // Polish Political Science Yearbook, vol. 47(2). 2018. p. 312. URL: https://czasopisma.marszalek.com.pl/images/pliki/ppsy/47-2/ppsy2018210.pdf

Глава III. Международно-правовое регулирование двойного гражданства в особых случаях

1. Дипломатическая и консульская защита лиц с двойным гражданством

Одной из важнейших гарантий безопасности граждан, проживающих за пределами государства своего гражданства, является возможность получения ими дипломатической и консульской защиты со стороны этого государства.

Швейцарский правовед Эммерик де Ваттель еще в 1758 году заложил основу понимания дипломатической защиты. Именно он четко определил, что является объектом этого института (его предмет) и какой результат должен быть достигнут (его цель) в рамках международного права: «тот, кто плохо обращается с гражданином, тем самым косвенно наносит оскорбление государству, которое покровительствует этому гражданину. Суверен обиженного гражданина должен отомстить за нанесенную обиду и обязать, если это возможно, обидчика полностью возместить ущерб или наказать обидчика, поскольку иное означало бы, что гражданину не дали воспользоваться таким великим благом гражданского общения, каковым является безопасность»[263].

После принятия соответствующих международных соглашений, право государства защищать своих граждан за рубежом (то есть осуществлять дипломатическую и консульскую защиту) получило официальное закрепление. В частности, Статья 3 Венской конвенции о дипломатических сношениях[264] прямо устанавливает, что одной из ключевых обязанностей дипломатического представительства является защита интересов своих граждан в стране пребывания, разумеется, в рамках, определенных международным правом. Аналогичное положение предусмотрено и Венской

[263] де Ваттель, Эммерик. Право народов, или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. С. 254-255.
[264] Венская конвенция о дипломатических сношениях, принята 18 апреля 1981 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml

конвенцией о консульских сношениях[265], в соответствии с которым, под «гражданами» понимаются физические и юридические лица[266]. Таким образом, Венская конвенция о консульских сношениях обеспечивает защиту прав и законных интересов своих юридических лиц за пределами государства их юрисдикции.

Кроме того, в состав консульских функций, согласно Венской конвенции о консульских сношениях, входит «с соблюдением практики и порядка, принятых в государстве пребывания, представительство или обеспечение надлежащего представительства граждан представляемого государства в судебных и иных учреждениях государства пребывания с целью получения, в соответствии с законами и правилами государства пребывания, распоряжений о предварительных мерах, ограждающих права и интересы этих граждан, если, в связи с отсутствием или по другим причинам, такие граждане не могут своевременно осуществлять защиту своих прав и интересов»[267].

Как известно, в начале XXI века была предпринята попытка кодификации международно-правовых норм и институтов, применяемых в связи с необходимостью правового регулирования отношений, возникающих при осуществлении дипломатической и консульской защиты. Так, Комиссия международного права ООН на своей 58-ой сессии приняла Проект статей о дипломатической защите, раскрывающая в статье 1 дипломатическую защиту как «призвание государством, посредством дипломатических мер или других средств мирного урегулирования, к ответственности другого государства за вред, причиненный международно-противоправным деянием этого государства физическому или юридическому лицу, являющемуся

[265] Пункт «а» статьи 5 Венской конвенции о консульских сношениях, заключена в г. Вене 24 апреля 1963 года. //Сборник международных договоров СССР, вып. XLV.- М., 1991. С. 124 – 147.
[266] Там же.
[267] Пункт «i» статьи 5 Венской конвенции о консульских сношениях, заключена в г. Вене 24 апреля 1963 года. //Сборник международных договоров СССР, вып. XLV.- М., 1991. С. 124 – 147.

гражданином или имеющему национальность первого государства, в целях имплементации такой ответственности»[268].

Представляется, что замысел Комиссии международного права ООН заключался в предоставлении государствам максимально широкого спектра международно-правовых средств, позволяющих обеспечивать защиту прав и законных интересов своих граждан. Подобный инструментарий охватывает как применение мер дипломатической и консульской защиты, так и использование более жестких механизмов – вплоть до инициирования привлечения государства-нарушителя к международно-правовой ответственности. Тем самым Комиссия исходила из необходимости укрепления института государственной защиты граждан в трансграничных отношениях, рассматривая его не как факультативное право, а как структурный элемент общего режима обеспечения прав личности в международном праве.

По этому поводу Международный Суд Организации Объединенных Наций отметил, что «вследствие существенного развития международного права за последние десятилетия в части прав, предоставленных индивидам, *ratione materiae* дипломатической защиты, изначально ограниченная возможными нарушениями минимального правового статуса иностранцев, существенно расширилась, охватив помимо прочего гарантированные международным правом права человека» [269] . Эта правовая позиция Международного Суда Организации Объединенных Наций явилась отображением и сложилась в результате поступательного развития международных отношений, расширения сферы действия общего международного права, а также пределов предоставления дипломатической и

[268] Доклад Комиссии международного права на Пятьдесят восьмой сессии (1 мая - 9 июня и 3 июля - 11 августа 2006 года). С. 15. URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/61/10

[269] Case concerning Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo). Judgment of 24 May 2007 // Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. International Court of Justice. Para. 39. URL: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/103/103-20070524-JUD-01-00-EN.pdf

консульской защиты, диверсификации ее методов, предмета, объекта и субъектов.

Наряду с этим представляется, что оказание дипломатической или консульской защиты бипатридам осложняется целым рядом объективных обстоятельств. Так, например, Государственный департамент США отмечает, что «гражданин США может натурализоваться в иностранном государстве без какого-либо риска для его или ее гражданства США… Однако, двойное гражданство может стать препятствием усилиям США по предоставлению им [лицам с двойным гражданством] консульской защиты, когда они находятся за границей, особенно когда они находятся в стране своего второго гражданства»[270]. Например, в 1937 году во время гражданской войны в Испании консульским учреждениям США было дано указание принять во время своей повседневной деятельности во внимание то, что «консульская защита не должна распространяться на лица, имеющие как американское гражданство, так и испанское, за исключением тех случаев, когда такие лица обычно проживают в Соединенных Штатах, фактически наиболее тесно связаны с этой страной и находятся в Испании только временно»[271].

Необходимо отметить, что аналогичной политики придерживаются не все государства. Так, часть 2 статьи 61 Конституции Российской Федерации гласит: «Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами»[272], а норма статьи 36 Конституции Польши устанавливает, что «во время пребывания за границей польский гражданин имеет право на покровительство со стороны Польской Республики»[273]. Подобные положения есть в национальном законодательстве и некоторых

---

[270] Dual Nationality. US Department of State. URL: https://travel.state.gov/content/travel/en/legal/travel-legal-considerations/Advice-about-Possible-Loss-of-US-Nationality-Dual-Nationality/Dual Nationality.html

[271] Secretary Hull to all American consular offices in Spain except Vigo, Dec. 21, 1937, MS. Department of State, file 352.11/271A, цит. по: Green Haywood Hackworth. Digest of International Law. Vol. 3. 1942. P. 354. URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=osu.32435024241929&view=1up&seq=364

[272] Конституция Российской Федерации. URL: http://www.constitution.ru/

[273] Конституция Польской Республики от 2 апреля 1997 года. URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/poland/poland-r.htm

других стран. При этом, как мы уже отмечали выше, и Российская Федерация, и Польская Республика рассматривают бипатридов только в качестве своих граждан.

Нельзя не согласиться с мнением некоторых правоведов о том, что, хотя каждое государство обязано гарантировать права и свободы своих граждан, необходимо помнить, что дипломатическая защита по своей сути является правом, а не прямой обязанностью государства[274]. По сути, дипломатическая защита представляет собой правомочие одного государства по отношению к другому. Это право позволяет государству выполнить свою обязанность перед гражданином – а именно, защитить его нарушенные права и свободы на международной арене. Иными словами, это не автоматический долг, а инструмент суверена, который он использует для заступничества за своего гражданина перед другим суверенным образованием.

Сложности, касающиеся того, какое именно государство должно предоставлять защиту правам и законным интересам гражданам, обладающим при этом также гражданством другого государства, – это не новая правовая дилемма. Фактически, эти юридические коллизии были замечены и начали обсуждаться в международном праве более ста лет назад, еще на рубеже XIX и XX веков. Так, Американо-Британская Комиссия (далее – Комиссия) по разрешению споров, созданная для обеспечения надлежащего исполнения Вашингтонского договора 1871 года[275], рассмотрела дело «Александер против Соединенных Штатов» по иску о возмещении ущерба, причиненного американским государством недвижимому имуществу истца в штате Кентукки во время гражданской войны. Господин Александер родился в штате Кентукки в семье британских поданных, жил попеременно в штате Кентукки и в Шотландии – соответственно был лицом с двойным гражданством, в отношении которого одновременно действовали принципы *jus soli* и *jus*

[274] Например, см. подробнее: Нагиева А.А. Дипломатическая защита бипатридов // Московский журнал международного права. 2015. № 2. С. 63-76.
[275] Treaty between the United States and Great Britain, 1871 (Washington Treaty). URL: https://www.trans-lex.org/502000/_/treaty-between-the-united-states-and-great-britain-1871-/

sanguinis. В своем решении Комиссия указала, что «практика наций в таких случаях предусматривает оставление сувереном без дипломатической защиты лица, принявшего двойную преданность, полагая, что такая защита ему будет предоставлена другим сувереном, которому он также присягнул на верность. Принятие жалобы гражданина на другое государство в качестве вопроса, имеющего международное значение, означало бы распространение своей юрисдикции на другое государство, гражданином которого он также является. Это неизбежно приведет к осложнениям, поскольку ни одно государство не признает право другого на вмешательство в свои дела в интересах лица, которого оно считает своим подданным»[276].

Таким образом, этим решением Комиссия признала приоритет международного правопорядка и стабильности в межгосударственных отношениях перед возможным нарушением прав конкретного индивида.

В 1912 году спор, известный как «дело Каневаро», был рассмотрен Постоянной палатой третейского суда в Гааге (далее – Суд). Юрисдикция Суда в отношении данного вопроса основывалась на положениях договора между Италией и Перу от 25 апреля 1910 года. Рафаэль Каневаро – гражданин Перу на основании *jus soli*, был также гражданином Италии на основании *jus sanguinis* – как сын гражданина Италии. Суд, отвечая на вопрос – является ли господин Каневаро «итальянским истцом», рассмотрел обстоятельства его жизни, в частности его вовлеченность в политическую жизнь Перу, где он баллотировался в Сенат, а позже поступил на дипломатическую службу, став генеральным консулом Перу в Нидерландах. При этом, как отметил Суд, пассивным избирательным правом в Перу обладают исключительно граждане Перу.

Соответственно, Суд признал, что гражданство Перу господина Каневаро является доминирующим по отношению к его итальянскому гражданству[277] и

---

[276] Moore, John Bassett. International Arbitrations to which the United States has been a party. Volume III. 1898. P. 2529 – 2531.

[277] Award of the Tribunal. Permanent Court of Arbitration. The Hague, 3 May 1912. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/516

отказал на этом основании Италии в дипломатической защите Рафаэля Каневаро в его отношениях с перуанским государством.

Таким образом, как отмечал Джордж Шварценбергер[278], Суд впервые применил принцип активного или доминирующего гражданства, который найдет свое дальнейшее широкое применение.

Проблема предоставления и практического оказания дипломатической защиты лицам с двойным гражданством неоднократно возникала в межгосударственных отношениях в XX веке. Несмотря на то, что суды, вынося свои решения по этим вопросам, часто руководствовались признанием права государства доминирующего или эффективного гражданства осуществлять дипломатическую защиту своего гражданина против другого государства его же гражданства[279], судебная практика не всегда была последовательна, что свидетельствовало об отсутствии в то время консенсуса мнений по этому поводу.

Так, в 1909 году Жюль Басдеван, ставший впоследствии председателем Международного Суда ООН (с 1949 по 1952 гг.), подчеркивал, что «конфликт между двумя гражданствами должен быть разрешен путем предоставления преимущественной силы праву государства, которому соответствует доминирующее гражданство данного лица»[280].

Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве от 12 апреля 1930 года, закрепила принципиальное ограничение в реализации дипломатической защиты. В соответствии с ее положениями государство не вправе оказывать дипломатическую или консульскую защиту в отношении лица, обладающего его гражданством, если одновременно это лицо является гражданином иного государства, в

[278] Georg Schwarzenberger. International Law. 1949. P. 164.
[279] Дело Джеймса Луиса Драммонда, 2 Knapp, P.C. Rep. p. 295, 12 Eng. Rep., p. 492; дела Милани, Бриньона, Стивенсона и Матинсона (British-Venezuelan Mixed Claim Commission), отчет о которых см. Ralston, Venezuelan Arbitrations of 1903, cc. 429-438, 710, 754-761, 438-455 соответственно; дело Хейна, 26 апреля и 10 мая 1922 года (Anglo-German Mixed Arbitral Tribunal), Annual Digest of Public International Law cases, vol. 1, 1919-1922, case No. 148, p. 216.
[280] Basdevant, Jules. Conflits de nationalités dans les arbitrages vénézuéliens, Revue de droit international, 1909, p. 41.

отношении которого предполагается такая защита[281]. По сути, Конвенция 1930 года установила норму, направленную на исключение международно-правовых конфликтов и минимизацию злоупотреблений институтом дипломатической защиты в ситуациях множественного гражданства. Тем самым международное сообщество предприняло попытку нормативно урегулировать одну из наиболее острых коллизионных проблем – конкуренцию юрисдикций государств за защиту собственных граждан, обладающих статусом бипатридов.

Дополнительно следует отметить, что в консультативном заключении Международного Суда ООН от 11 апреля 1949 года по делу о возмещении за увечья, понесенные на службе Организации Объединенных Наций[282] была подтверждена устоявшаяся международно-правовая доктрина: государство, как правило, воздерживается от осуществления дипломатической защиты в отношении лица, обладающего его гражданством, против другого государства, которое также признает данного индивида своим гражданином. Суд квалифицировал подобную практику как «обыденную»[283], фактически закрепив ее в качестве элемента международного обычного права. Данный подход отражает стремление международного сообщества минимизировать конфликты юрисдикций и исключить ситуацию конкуренции между государствами за защиту бипатридов, тем самым обеспечивая баланс между суверенными правами государств и интересами лиц с множественным гражданством.

Многие представители юридической науки начала XX века также были солидарны в данном вопросе с положениями Конвенции 1930 года. Так, Ч. Руссо указывал, что в ситуации двойного гражданства государство, чьим подданным является индивид, как правило, воздерживается от оказания

---

[281] Статья 4 Конвенции, регулирующей некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве, Гаага, 12 апреля 1930 года. URL: http://docs.cntd.ru/document/1900750

[282] Advisory opinion of April 11th, 1949 // ICJ Reports, 1949. URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/4/004-19490411-ADV-01-00-EN.pdf

[283] Advisory opinion of April 11th, 1949 // ICJ Reports, 1949, P. 186 URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/4/004-19490411-ADV-01-00-EN.pdf

дипломатической защиты против другого государства, которое также рассматривает данное лицо своим гражданином; в такой ситуации индивид, по сути, оказывается лишенным возможности быть защищенным от собственного государства [284]. Аналогичной позиции придерживался Г. Баттифол, утверждавший, что государствам в принципе недопустимо осуществлять дипломатическую защиту своих граждан против тех государств, которые на равных основаниях признают этих лиц своими гражданами [285]. Таким образом, ранняя международно-правовая доктрина исходила из презумпции приоритета суверенного права государства на защиту собственных интересов перед возможностью трансграничной защиты прав бипатридов, что существенно ограничивало международные механизмы их правовой охраны.

Вместе с тем статья 5 Конвенции 1930 года закрепила принцип, направленный на разрешение коллизий, возникающих при множественном гражданстве в отношениях с третьими государствами [286]. Согласно ее положениям, лицо, обладающее гражданством более чем одного государства, при нахождении на территории третьей страны рассматривается как имеющее лишь одно гражданство. При этом соответствующее государство, без ущерба для применения собственного законодательства в вопросах личного статуса и действующих международных соглашений, обязано признавать за таким лицом исключительно гражданство того государства, с которым оно связано наиболее тесно. Критериями определения такой связи выступают, во-первых, место обычного и преимущественного проживания, а во-вторых – совокупность иных фактических обстоятельств, объективно свидетельствующих о прочности правовой и социально-политической принадлежности индивида к конкретному государству. Тем самым Конвенция впервые нормативно закрепила подход, который в дальнейшем получил

[284] Rousseau, Charles. Droit international public. Paris. 1953. p. 353
[285] Battifol, Henri. Droit international privé. 2nd edition. Paris. 1955. p. 87
[286] Конвенция, регулирующей некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве, Гаага, 12 апреля 1930 года. URL: http://docs.cntd.ru/document/1900750

развитие в международной практике под названием доктрины «эффективного гражданства».

Представляется, что Конвенция 1930 года не только закрепила на международно-правовом уровне выработанные к тому моменту подходы, но и институционализировала ранее сложившуюся судебную и арбитражную практику. Иными словами, положения, которые ранее носили характер прецедентного права и применялись в рамках конкретных дел, были возведены в ранг универсальных договорных норм, что придало им обязательный и системный характер в международных отношениях. Таким образом, Конвенция выступила инструментом кодификации уже апробированных механизмов урегулирования коллизий гражданства, превратив судебные доктрины в общепризнанные нормы международного договорного права.

В то же время, как известно, Конвенция 1930 года была подписана и ратифицирована ограниченным количеством государств и по этой причине ее нормы не стали в полной мере универсальными.

Следует подчеркнуть, что правовое регулирование института двойного гражданства в Российской Федерации в части дипломатической и консульской защиты демонстрирует определенную концептуальную неоднородность: нормы внутригосударственного законодательства и положения международных договоров, заключенных Российской Федерацией, не всегда совпадают по своему содержательному наполнению. Так, часть 1 статьи 10 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» закрепляет императивный подход, согласно которому лицо, обладающее наряду с российским гражданством иностранным или несколькими иностранными гражданствами, рассматривается исключительно как гражданин Российской Федерации, независимо от места его проживания[287]. Исключения из данного

[287] Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 01.05.2023, № 18, ст. 3215.

принципа допустимы лишь в случаях, прямо установленных федеральным законом или международным договором.

В то же время статья 6 Договора между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан 1995 года о двойном гражданстве устанавливает иную модель защиты прав и интересов бипатридов: дипломатическая и консульская защита в третьем государстве осуществляется либо государством их постоянного проживания, либо – по заявлению самого лица – другим государством, гражданство которого оно также имеет[288].

Таким образом, российское национальное законодательство, по сути, исходит из концепции абсолютизации и приоритета гражданства Российской Федерации, тогда как международное договорное регулирование, в частности с Таджикистаном, опирается на доктрину «доминирующего» или «эффективного» гражданства, ориентированного на принцип реальной связи индивида с государством. Это противоречие обнажает проблему согласования внутреннего и международного правопорядков в сфере регулирования множественного гражданства.

Примечательное прецедентное решение, содержащее иной, чем предусмотренный Конвенцией 1930 года, механизм правового регулирования соответствующих международных отношений, было принято Итало-Американской согласительной комиссией (далее – Согласительная комиссия) по делу «Мерже»[289].

Предметом рассмотрения Согласительной комиссией были следующие обстоятельства: Флоранс Струнски родилась в 1909 году в Нью-Йорке и стала гражданкой США на основании *jus soli*. Выйдя замуж в 1933 года за гражданина Италии Сальваторе Мерже, Флоранс Струнски-Мерже стала гражданкой Италии в соответствии с национальным законодательством

[288] Договор между Российской Федерацией и Таджикистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства, Москва, 7 сентября 1995 года // Бюллетень международных договоров. 2005. N 4. С. 30.
[289] Reports of International Arbitral Awards. Merge Case – Decision № 55. Volume XIV PP. 236-248. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_XIV/236-248.pdf

Италии. После замужества Струнски-Мерже проживала в Италии и Японии, в которой муж Струнски-Мерже служил в Посольстве Италии, при этом пользуясь, то итальянским паспортом, то паспортом США. Согласительная комиссия отказала Соединенным Штатам Америки в праве осуществлять дипломатическую защиту Флоранс Струнски-Мерже в ее споре с Италией о возмещении имущественного ущерба. Решение было основано на ключевом выводе: между госпожой Струнски-Мерже и США отсутствовала эффективная связь — необходимое условие для предоставления такой защиты. При этом Согласительная Комиссия указала, что «принцип, основанный на суверенном равенстве государств, исключающий дипломатическую защиту в случае двойного гражданства, должен уступать принципу эффективного гражданства во всех случаях, когда такое гражданство принадлежит запрашивающему государству»[290].

Из изложенного, на наш взгляд, следует, что, подтверждая правовую действенность принципа «эффективного гражданства», Согласительная комиссия при вынесении своего решения также и в равной степени исходила из необходимости защиты интересов и прав человека и гражданина, учитывая их во взаимосвязи с принципом эффективного гражданства. Прежде, при рассмотрении вопросов гражданства, правам и законным интересам человека и гражданина не придавалось такого же приоритетного значения, как интересам государства.

Необходимо обратить внимание на то, что унифицированное определение «эффективное гражданство» в международных нормативных правовых актах не закреплено, что порождает неоднозначное его восприятие в научной доктрине международного права и лишает возможности его единообразного применения на практике. Представляется, что в условной мере «классическим» для формулировки дефиниции «эффективное гражданство» может быть признано и использовано судебное решение, вынесенное по делу

[290] Reports of International Arbitral Awards. Merge Case – Decision № 55. Volume XIV PP. 247. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_XIV/236-248.pdf

«Ноттебома», в котором Международный Суд ООН определил критерии эффективного гражданства индивида: образ жизни, место жительства и деятельности, сфера интересов, деловые и семейные связи, планы на ближайшее будущее[291].

В этой связи Т.В. Решетнева отмечает, что «межгосударственная договорная практика выработала ряд критериев эффективного гражданства»[292], выделяя в качестве таковых критерий места жительства лица с двойным гражданством и критерий места осуществления гражданских и политических прав лицом с двойным гражданством.

Таким образом, если критерии из «дела Ноттебома» больше связаны с частной жизнью бипатрида, то межгосударственная договорная практика согласно Т.В. Решетневой больше акцентирует свое внимание на взаимоотношениях государства и бипатрида. При этом необходимо также отметить, что, несмотря на относительно сложившуюся межгосударственную практику применения института эффективного гражданства, перечисленные его критерии далеки от универсальности. Так, некоторые традиционные методы определения, какое из двух гражданств является приоритетным, оказываются неэффективными. Так, нельзя использовать место жительства в качестве решающего фактора, если лицо с двойным гражданством постоянно проживает в третьей стране. Аналогично, невозможно применить критерий осуществления политических прав, если бипатрид активно и полноценно реализует свои гражданские и политические права (включая голосование) одновременно в обеих странах. Соответственно, на наш взгляд, имеющиеся критерии также далеки от универсальности.

В структуре Проекта статей Комиссии международного права ООН о дипломатической защите проблематика дипломатической защиты бипатридов

---

[291] Дело Ноттебома. Решение от 6 апреля 1955 года. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948 – 1991. Организация Объединенных наций. Нью-Йорк. 1993. С.42. URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf

[292] Решетнева Т.В. Применение принципа эффективного гражданства в международной практике государств: общие положения // Вестник ЮУрГУ. 2008. № 2. С. 21.

получила весьма ограниченное нормативное отражение – она сконцентрирована лишь в двух статьях. В частности, статья 6 закрепляет два ключевых положения: во-первых, каждое государство, гражданином которого является лицо с двойным либо множественным гражданством, вправе осуществлять дипломатическую защиту этого лица против любого иного государства, гражданство которого оно не имеет[293]; во-вторых, государства, объединенные общим гражданством данного лица, могут реализовывать дипломатическую защиту совместно, выступая как коллективный субъект международного права[294].

Статья 7 Проекта статей закрепляет общее ограничение на осуществление дипломатической защиты в отношении бипатридов: государство не вправе инициировать такую защиту против другого государства, гражданином которого соответствующее лицо также является. Исключение допускается лишь в случае, если гражданство первого государства носит характер преобладающего («*dominant nationality*») и эта преобладающая связь сохраняется как на момент причинения ущерба, так и на дату официального предъявления международного требования [295] . Таким образом, в норме отражен принцип «эффективного гражданства», являющийся условием допустимости дипломатической защиты в коллизионных ситуациях множественного гражданства.

На наш взгляд, такое содержание статьи 7 Проекта статей не согласуется с нормой статьи 4 Конвенции 1930 года, что, тем не менее, является еще одним свидетельством прогрессивного развития международного права и существенного увеличения значения международно-правовой защиты законных прав и интересов человека и гражданина. С другой стороны, статья

[293] Доклад Комиссии международного права Пятьдесят восьмая сессия (1 мая - 9 июня и 3 июля - 11 августа 2006 года). С. 17. URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/61/10
[294] Доклад Комиссии международного права Пятьдесят восьмая сессия (1 мая - 9 июня и 3 июля - 11 августа 2006 года). С. 17. URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/61/10
[295] Доклад Комиссии международного права Пятьдесят восьмая сессия (1 мая - 9 июня и 3 июля - 11 августа 2006 года). С. 17. URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/61/10

7 Проекта статей полностью соответствует ранее рассмотренному решению Итало-Американской согласительной комиссии по делу «Мерже».

Представляется, что в условиях стремительного роста числа лиц с двойным гражданством объективно возникает необходимость корректировки международно-правового регулирования института гражданства, обеспечивающей его адаптацию к новым реалиям глобализирующегося мира. Соответственно, правоприменительная практика государств при осуществлении дипломатической защиты должна быть переориентирована с формального признания множественности гражданств на применение критерия «эффективного гражданства» как ключевого механизма, позволяющего учесть реальную степень правовой и фактической связи лица с тем или иным государством. Такой подход обеспечивает баланс между суверенными интересами государств и необходимостью защиты фундаментальных прав личности.

Наряду с эволюцией непосредственно института дипломатической защиты развитие международного права прав человека привело к формированию иных механизмов реагирования государств на нарушения фундаментальных прав личности. Такие механизмы необходимо отличать от дипломатической защиты в собственном смысле.

В данном контексте существенное значение имеет сформулированное Международным Судом ООН в решении по делу *Barcelona Traction* разграничение между обязательствами государства перед другим государством, имеющими значение, в частности, для осуществления дипломатической защиты, и обязательствами перед международным сообществом в целом (*erga omnes*). Суд отметил, что в силу особой значимости последних все государства имеют юридический интерес в их соблюдении[296].

[296] Case concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited. Judgement of 5 February 1970. // Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. International Court of Justice. P. 32. URL: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/50/050-19700205-JUD-01-00-EN.pdf

При этом Суд специально разграничил соответствующие правовые конструкции. Признание юридического интереса всех государств в соблюдении определенных обязательств не означает возникновения у каждого государства права осуществлять дипломатическую защиту любого лица независимо от его гражданства. Более того, Суд обратил внимание на то, что универсальные международно-правовые акты о правах человека сами по себе не наделяют государства общим правом защищать жертв нарушений независимо от их гражданства[297].

Иная конструкция может быть предусмотрена специальным международным договором. Так, региональные механизмы защиты прав человека способны предоставлять государствам-участникам право инициировать производство в связи с нарушением договорных обязательств независимо от гражданства конкретной жертвы [298] . Однако подобный механизм имеет самостоятельную международно-правовую природу и не является дипломатической защитой.

Разграничение данных институтов получило дальнейшее отражение в Проекте статей Комиссии международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния. В соответствии со статьей 48 государство, не являющееся потерпевшим, при определенных условиях вправе призвать другое государство к ответственности, если нарушенное обязательство существует в отношении международного сообщества в целом[299].

Следовательно, институт дипломатической защиты и механизм призвания государства к ответственности за нарушение обязательств перед международным сообществом в целом могут в определенных ситуациях способствовать защите интересов конкретного лица, однако основываются на

---

[297] Там же.
[298] Там же.
[299] Резолюция Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций от 12 декабря 2001 года № 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». URL: http://docs.cntd.ru/document/901941379

различных международно-правовых основаниях. В первом случае принципиальное значение сохраняет правовая связь гражданства; во втором юридический интерес государства обусловлен характером нарушенного международного обязательства.

Такое разграничение имеет особое значение применительно к лицам с двойным гражданством. Концепция обязательств *erga omnes* не должна использоваться как дополнительное основание дипломатической защиты бипатрида и не устраняет специальных правил, определяющих возможность одного государства гражданства предъявить требование против другого государства гражданства. Соответствующие вопросы должны разрешаться в рамках норм института дипломатической защиты, прежде всего с учетом правил о преобладающем гражданстве.

Национальное законодательство также может предусматривать различные формы поддержки граждан и иных связанных с государством лиц за рубежом. Так, законодательство Российской Федерации о государственной политике в отношении соотечественников предусматривает меры, направленные на содействие реализации и защите их прав и законных интересов[300]. Однако такие меры неоднородны по своей юридической природе и не во всех случаях могут квалифицироваться как дипломатическая защита в международно-правовом смысле.

Поэтому государственную поддержку соотечественников, консульскую помощь и дипломатическую защиту необходимо разграничивать. Совпадение их общей цели – содействия защите прав лица за пределами государства – не означает тождества международно-правовых оснований, процедур и последствий соответствующих механизмов.

[300]Федеральный закон от 24.05.1999 N 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Собрание законодательства РФ, 31.05.1999, N 22, ст. 2670.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о постепенной трансформации международно-правового регулирования дипломатической защиты лиц с двойным гражданством.

На первоначальном этапе доминировал формальный подход, согласно которому наличие у лица гражданства государства-ответчика фактически исключало возможность другого государства его гражданства осуществлять дипломатическую защиту. Данная модель получила наиболее последовательное договорное выражение в статье 4 Гаагской конвенции 1930 года.

Одновременно международная арбитражная практика и договорное регулирование постепенно сформировали критерии, позволяющие учитывать реальный характер связи лица с каждым из государств его гражданства. Развитие концепций доминирующего, эффективного и преобладающего гражданства привело к отказу от абсолютного характера первоначального запрета.

Современное выражение данного подхода содержится в статье 7 Проекта статей о дипломатической защите 2006 года, допускающей осуществление дипломатической защиты против другого государства гражданства при условии, что гражданство государства, предъявляющего требование, является преобладающим.

При этом критерий эффективного или преобладающего гражданства не следует рассматривать как универсальный принцип, автоматически применимый ко всем международно-правовым отношениям, связанным с множественным гражданством. Его содержание и юридическое значение определяются функцией конкретного международно-правового режима. В сфере дипломатической защиты он служит прежде всего инструментом разрешения коллизии между несколькими формально существующими гражданствами и позволяет определить международно-правовое значение требования одного государства гражданства другому.

Одновременно развитие международного права прав человека и института ответственности государств привело к формированию иных механизмов международно-правовой защиты личности, включая возможность призвания государства к ответственности за нарушение отдельных обязательств перед международным сообществом в целом. Эти механизмы дополняют общую систему международно-правовой защиты прав человека, однако имеют самостоятельную юридическую природу и не должны смешиваться с институтом дипломатической защиты.

Таким образом, основным направлением эволюции дипломатической защиты лиц с двойным гражданством является не отказ от юридического значения гражданства, а переход от формального сопоставления нескольких гражданств к функциональной оценке их международно-правового значения в конкретном правоотношении. Данная тенденция подтверждает более общий вывод о дифференциации международно-правовых последствий множественной гражданской принадлежности: формальное наличие гражданства сохраняет основополагающее значение, однако его конкретные последствия определяются характером регулируемых отношений и применимым международно-правовым режимом.

2. Двойное гражданство иностранного инвестора

Развитие международных инвестиционных отношений сопровождалось не только расширением трансграничного движения капитала, но и институционализацией средств международно-правовой защиты иностранных инвестиций. Если защита внутренних инвестиций традиционно относилась к сфере внутреннего права и внутригосударственного правоприменения, то защита иностранных капиталовложений постепенно была выведена на международно-правовой уровень посредством двусторонних инвестиционных

договоров, региональных соглашений и специальных процедур разрешения споров между инвестором и государством[301].

В данной системе принципиальное значение приобрела возможность прямого обращения инвестора в международный арбитраж, поскольку именно она обеспечила переход от классической модели дипломатической защиты к модели непосредственного международного процессуального средства защиты частного лица[302]. Вследствие этого вопрос о том, кто именно может считаться иностранным инвестором для целей юрисдикции *ratione personae* международного арбитража, приобрел не только техническое, но и концептуальное значение.

Современная доктрина [303] исходит из того, что множественное гражданство инвестора в инвестиционном арбитраже представляет собой не просто элемент личного статуса, а самостоятельную юрисдикционную проблему, затрагивающую пределы договорной защиты, допустимость обращения инвестора к международной юрисдикции и легитимность самой системы разрешения инвестиционных споров. Современные исследования отмечают, что при отсутствии в инвестиционном договоре прямого регулирования статуса лиц с двойным гражданством арбитражные трибуналы все чаще прибегают к функциональным методам толкования[304]. Причем такие методы нередко ведут к ограничительным результатам, то есть к исключению лиц с двойным гражданством из сферы арбитражной защиты, если их

---

[301] Douglas Z. *The International Law of Investment Claims*. Cambridge, 2009. P. 149–150.
[302] Bantekas I. *An Introduction to International Arbitration*. Cambridge, 2015. Ch. 4.
[303] You Kexin. The Jurisdictional Maze: Dual Nationality in International Investment Arbitration //Asian International Arbitration Journal. Volume 21, Issue 1 (2025) PP. 67-88; García Olmedo J. Dual Nationals in Investment Treaty Arbitration: An Emerging Field of Inconsistent Decisions // *EJIL: Talk!*. 27 July 2023. URL: https://www.ejiltalk.org/dual-nationals-in-investment-treaty-arbitration-an-emerging-field-of-inconsistent-decisions/; Sánchez Miguel Castro A.F. A Tale of Two Nationalities: Dual Nationality and Jurisdiction Ratione Personae in Investment Treaty Arbitration. Spanish Yearbook of International Law, Vol. 29 (2025). PP. 133-171; McLachlan C. The Principle of Systemic Integration and Article 31 (3) (c) of the Vienna Convention // *International and Comparative Law Quarterly*. 2005. Vol. 54. PP. 279-319.
[304] Sánchez Miguel Castro A.F. A Tale of Two Nationalities: Dual Nationality and Jurisdiction Ratione Personae in Investment Treaty Arbitration. Spanish Yearbook of International Law, Vol. 29 (2025). PP. 133, 171.

иностранное гражданство выглядит стратегически сконструированной либо слишком слабо связанной с защитной целью договора.

Необходимо отметить, что в научной литературе высказывается и иная позиция, в рамках которой акцент делается на формальном характере подхода арбитражных трибуналов к определению статуса инвестора[305]. В частности, указывается, что при отсутствии в инвестиционном договоре прямого регулирования статуса лиц с двойным гражданством трибуналы, как правило, исходят из буквального толкования договора и не прибегают к применению концепции эффективного гражданства, разработанной в практике Международного Суда ООН. Вместе с тем эволюция современной арбитражной практики показывает и обратные случаи, когда трибуналы выходят за пределы исключительно формального толкования инвестиционного договора[306].

Возможность получения инвестором-физическим лицом второго гражданства приводит к таким явлениям, как *treaty-shopping* и *nationality-shopping*. Как правило, это делается инвестором в целях получения преимуществ, предоставляемых двусторонними инвестиционными договорами. Инвестор приобретает второе гражданство для получения доступа к механизму урегулирования споров, предусмотренному в соответствующем двустороннем инвестиционном договоре, при этом единственной связью между физическим лицом и государством его нового гражданства нередко оказывается только новый паспорт. При таком подходе гражданство перестает выполнять свою традиционную функцию выражения

---

[305] Викторова Н. Н. Злоупотребление правом со стороны индивидуальных инвесторов в инвестиционном арбитраже //Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 72.

[306] См., напр.: *Soufraki v. United Arab Emirates* (ICSID Case No. ARB/02/7), Award, 7 July 2004 (трибунал отказался признать гражданство инвестора, несмотря на наличие формальных документов, исходя из отсутствия фактической связи с государством); *Daimler Financial Services AG v. Argentina* (ICSID Case No. ARB/05/1), Award, 22 August 2012 (подчеркивается необходимость учета цели инвестиционного договора при определении статуса инвестора); *Alicia Grace and others v. United Mexican States* (UNCITRAL), Award, 2024 (применен тест «dominant and effective nationality» при отсутствии прямого договорного регулирования); ср. также *Saba Fakes v. Republic of Turkey* (ICSID Case No. ARB/07/20), Award, 14 July 2010 (подчеркнута необходимость анализа фактических обстоятельств инвестиции при оценке юрисдикции).

устойчивой политико-правовой принадлежности индивида и начинает использоваться как инструмент для создания более выгодной международно-правовой позиции.

Наиболее определенно проблема двойного гражданства инвестора-физического лица решена в рамках Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств 1965 года.

В соответствии с подпунктом «а» пункта 2 статьи 25 этой Конвенции под гражданином другого договаривающегося государства понимается физическое лицо, которое обладало гражданством государства, отличного от государства – стороны спора, как на дату выражения согласия сторон на передачу спора, так и на дату регистрации соответствующего обращения, при этом из данного понятия исключается любое лицо, которое на любую из указанных дат одновременно обладало гражданством государства-ответчика[307]. Для целей точности целесообразно привести и аутентичный текст данной нормы: "*any natural person who had the nationality of a Contracting State other than the State party to the dispute on the date on which the parties consented … as well as on the date on which the request was registered … but does not include any person who on either date also had the nationality of the Contracting State party to the dispute*"[308]. Тем самым Конвенция закрепляет негативное требование гражданства и проводит одно из наиболее жестких разграничений между международными и внутренними инвестиционными спорами.

В доктрине справедливо отмечается, что для физических лиц обладание гражданством государства-ответчика образует абсолютное препятствие для доступа к юрисдикции Международного центра урегулирования инвестиционных споров. Так, К. Шройер прямо указывает, что «для физических лиц обладание гражданством государства-ответчика образует

[307] Статья 25 Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств, заключенная в г. Вашингтоне 18 марта 1965 года // СПС КонсультантПлюс.
[308] Там же.

абсолютное препятствие для доступа к юрисдикции МЦУИС»[309], отражая, таким образом, направленность Конвенции 1965 года на разрешение подлинно международных споров.

Иная ситуация складывается вне рамок Конвенции 1965 года. Большинство двусторонних инвестиционных договоров не содержит специального регулирования статуса инвесторов-частных лиц с двойным гражданством, ограничиваясь отсылкой к гражданству по внутреннему праву соответствующего государства[310]. Именно в этой точке возникает основное методологическое расхождение современной практики, примеры которой будут приведены ниже.

Различие в подходах арбитражных трибуналов объясняется не только особенностями конкретных дел, но прежде всего различием в ответе на предварительный вопрос о применимом праве: должен ли арбитражный трибунал при толковании инвестиционного договора, который прямо не регулирует положение лиц с двойным гражданством, исходить исключительно из текста договора как из специального правового режима (*lex specialis*) либо он вправе восполнять молчание договора посредством обращения к общему международному праву, включая правило преобладающего и эффективного гражданства, которая рассматривается как норма международного обычного права в комплексе норм о дипломатической защите[311]. Иначе говоря, проблема состоит не только в установлении того, каким гражданством обладает инвестор, но и в определении того, какой именно нормативный массив подлежит применению для квалификации его статуса в инвестиционных спорах, рассматриваемых вне рамок Международного центра урегулирования инвестиционных споров.

---

[309] Christoph Schreuer. *The ICSID Convention: A Commentary*. Cambridge University Press. 2009. URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/parties_publications/C8394/Claimants%27%20documents/CL%20-%20Exhibits/CL-0060.pdf . Para. 637.

[310] См. подробнее: García Olmedo J. Dual Nationals in Investment Treaty Arbitration: An Emerging Field of Inconsistent Decisions // *EJIL: Talk!*. 27 July 2023. URL: https://www.ejiltalk.org/dual-nationals-in-investment-treaty-arbitration-an-emerging-field-of-inconsistent-decisions/

[311] См: Article 7 of the Draft Articles on Diplomatic Protection, with commentaries (2006) // URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_8_2006.pdf

Современная правовая наука описывает данное расхождение как столкновение формально-договорного и функционально-интегративного подходов[312].

Первый подход основывается на признании инвестиционного договора в качестве *lex specialis*. В его рамках арбитражные трибуналы исходят из того, что государства, заключая двусторонний инвестиционный договор, самостоятельно определяют круг защищаемых лиц и пределы своего согласия на арбитраж. Следовательно, если договор определяет инвестора лишь как физическое лицо, обладающее гражданством одной из договаривающихся сторон по ее внутреннему праву, но не исключает лиц с двойным гражданством и не содержит условий для лиц с двойным гражданством, арбитражный трибунал не вправе игнорировать такое решение государств и самостоятельно вводить какие либо ограничения в виде требования об устойчивой связи путем обращения к внешним по отношению к договору нормам.

В основе данной позиции лежит идея согласительной природы международной арбитражной юрисдикции: государство связано лишь тем объемом согласия, который выражен в самом договоре. По этой причине отсутствие в договоре прямого запрета на иски лиц с двойным гражданством рассматривается не как пробел, автоматически восполняемый общим международным правом, а как осознанный нормативный выбор государств. В современной правовой науке этот подход характеризуется как формалистское прочтение положений о гражданстве, основанное на приоритете текста договора и нежелании подменять его внешними ограничениями[313].

---

[312] См. подробнее: Sánchez Miguel Castro A.F. A Tale of Two Nationalities: Dual Nationality and Jurisdiction Ratione Personae in Investment Treaty Arbitration. Spanish Yearbook of International Law, Vol. 29 (2025). 133-171.

[313] См. подробнее: Sánchez Miguel Castro A.F. A Tale of Two Nationalities: Dual Nationality and Jurisdiction Ratione Personae in Investment Treaty Arbitration. Spanish Yearbook of International Law, Vol. 29 (2025). P. 135–138.

Наиболее известным выражением такого подхода стало дело *Serafín García Armas and Karina García Gruber v. Venezuela*[314]. В данном деле лица, обладавшие одновременно испанским и венесуэльским гражданством, инициировали разбирательство за пределами формата МЦУИС по Правилам ЮНСИТРАЛ на основании договора о защите иностранных инвестиций, заключенного между Испанией и Венесуэлой, который не содержал прямого запрета на иски лиц с двойным гражданством. Венесуэла ссылалась на правило преобладающего и эффективного гражданства как на релевантную норму общего международного права, применимую посредством подпункта «c» пункта 3 статьи 31 Венской Конвенции о праве международных договоров[315]. Трибунал отверг этот довод, указав, что существование механизма прямого разрешения споров между инвестором и государством исключает применение правил дипломатической защиты как несовместимых с логикой двустороннего инвестиционного договора[316]. Иными словами, трибунал пришел к выводу, что при отсутствии в договоре прямого запрета лицо с двойным гражданством может ссылаться на соответствующий договор и предъявлять иск как инвестор к одному из государств своего гражданства. Впоследствии данная позиция получила поддержку и в рамках судебного контроля: Парижский апелляционный суд не согласился с тем, что общее международное право само по себе препятствует доступу лиц с двойным гражданством к защите по международному инвестиционному договору при отсутствии прямого исключения, предусмотренным данным договором[317].

---

[314] Serafín García Armas and Karina García Gruber v. Bolivarian Republic of Venezuela. UNCITRAL. Award on Jurisdiction, 15 December 2014. URL: https://www.italaw.com/cases/2869

[315] Подпункт «c» пункта 3 статьи 31 Венской Конвенции о праве международных договоров, заключена в Вене 23 мая 1969 года // СПС КонсультантПлюс

[316] Serafín García Armas and Karina García Gruber v. Venezuela. Award on Jurisdiction. 15 December 2014. URL: https://www.italaw.com/cases/2869. Para. 173.

[317] “Il s'ensuit, sans qu'il soit nécessaire de se référer au principe de non-responsabilité et aux règles propres à la protection diplomatique, ou de se livrer à une appréciation sur la nationalité dominante et effective de l'investisseur, que le TBI, qui constitue la lex specialis entre les parties, ne peut conduire à exclure les binationaux de son champ d'application, sauf à ajouter au texte une condition qui n'a pas été stipulée”. *Serafín García Armas and Karina García Gruber v. Bolivarian Republic of Venezuela*, Judgment of the Paris Court of Appeal, 27 June 2023. Para. 93. URL.: https://jusmundi.com/en/document/decision/fr-serafin-garcia-armas-et-karina-garcia-gruber-c-republique-bolivarienne-du-venezuela-arret-de-la-cour-dappel-de-paris-22-02752-tuesday-27th-june-2023#decision_52209

В пользу данного подхода обычно приводится несколько взаимосвязанных аргументов. Во-первых, подчеркивается примат текста договора[318] и недопустимость добавления арбитражным трибуналом в него ограничений, которых государства прямо не предусмотрели. Во-вторых, проводится граница между инвестиционным арбитражем и дипломатической защитой: дело *Nottebohm*[319] и связанная с ним линия права дипломатической защиты, по мнению сторонников данного подхода, принадлежат иному институциональному контексту и не должны автоматически переноситься в сферу прямых исков инвестора к государству[320]. В-третьих, особое значение придается тому обстоятельству, что статья 25 Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств 1965 года содержит прямое исключение лиц с двойным гражданством, тогда как большинство двусторонних инвестиционных договоров такого исключения не предусматривает. Следовательно, такое различие между режимами должно уважаться арбитрами, а не устраняться их толкованием. Наконец, широкое применение критерия преобладающего гражданства рассматривается как фактор, способный снизить предсказуемость договорного режима, поскольку формальное гражданство, закрепленное в тексте договора, будет заменено арбитражной оценкой степени подлинной связи инвестора с государством.

Аналогичная логика прослеживается в деле *Bahgat v. Egypt*, где трибунал указал, что «общие принципы международного права, касающиеся последствий двойного гражданства в отношении юрисдикции *ratione personae*, не имеют преимущественной силы перед прямо сформулированными

[318] Sánchez Miguel Castro A.F. A Tale of Two Nationalities: Dual Nationality and Jurisdiction Ratione Personae in Investment Treaty Arbitration. Spanish Yearbook of International Law, Vol. 29 (2025). P. 136.
[319] Nottebohm Case (Liechtenstein v. Guatemala). Second Phase. Judgment of 6 April 1955. I.C.J. Reports 1955.
[320] García Olmedo J. Dual Nationals in Investment Treaty Arbitration: An Emerging Field of Inconsistent Decisions // *EJIL: Talk!*. 27 July 2023. URL: https://www.ejiltalk.org/dual-nationals-in-investment-treaty-arbitration-an-emerging-field-of-inconsistent-decisions/

положениями двустороннего инвестиционного договора»[321]. Этот подход был впоследствии поддержан и нидерландским судом[322].

Противоположный подход исходит из того, что инвестиционный договор не существует в нормативной изоляции и не может толковаться как полностью самодостаточная система. Если договор «молчит» о статусе лиц с двойным гражданством, это не означает, что трибунал обязан ограничиться исключительно его буквальным текстом. Напротив, такое «молчание» может рассматриваться как неполнота регулирования, восполняемая с учетом общего международного права на основании подпункта «c» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции. В данной логике правило преобладающего и эффективного гражданства выступает не как внешнее и произвольное ограничение текста договора, а как фоновая норма международного права, применимая постольку, поскольку государства прямо не исключили ее действие. Такой подход поддерживается рядом авторов [323] , которые рассматривают право дипломатической защиты не как полностью вытесненное международным инвестиционным правом, а как дополняющее его в части вопросов, которые сам договор не разрешает прямо. С этой точки зрения отступление от обычноправового правила преобладающего и эффективного гражданства должно быть ясно и недвусмысленно выражено самими государствами в тексте договора.

Применение концепции эффективного гражданства направлено не только на установление подлинной связи лица с государством, но и на предотвращение злоупотреблений. Как отмечается в литературе, «требуя

---

[321] *Bahgat v. Arab Republic of Egypt*, UNCITRAL, Decision on Jurisdiction, 30 November 2017, URL: https://www.italaw.com/cases/documents/8361. Para. 232.

[322] Judgment of the Hague Court of Appeal, 26 January 2021, *Bahgat v. Arab Republic of Egypt*. URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/nl-mohamed-abdel-raouf-bahgat-v-arab-republic-of-egypt-i-uitspraak-van-het-gerechtshof-in-den-haag-tuesday-16th-november-2021#decision_18365

[323] Sánchez Miguel Castro A.F. A Tale of Two Nationalities: Dual Nationality and Jurisdiction Ratione Personae in Investment Treaty Arbitration. Spanish Yearbook of International Law, Vol. 29 (2025). 133-171; García Olmedo J. Dual Nationals in Investment Treaty Arbitration: An Emerging Field of Inconsistent Decisions // *EJIL: Talk!*. 27 July 2023. URL: https://www.ejiltalk.org/dual-nationals-in-investment-treaty-arbitration-an-emerging-field-of-inconsistent-decisions/; McLachlan C. The Principle of Systemic Integration and Article 31 (3) (c) of the Vienna Convention // *International and Comparative Law Quarterly*. 2005. Vol. 54. PP. 279-319.

наличия существенной связи, трибуналы обеспечивают соблюдение целостности этих договоров и предотвращают их злоупотребление со стороны инвесторов, которые в противном случае могли бы заниматься выбором наиболее благоприятной юрисдикции» [324] , в результате чего создается «искусственная компетенция арбитража» [325].

Данный подход получил развитие в последующей практике. В деле *Manuel García Armas and others v. Venezuela* трибунал указал, что хотя двусторонний инвестиционный договор действительно представляет собой специальный режим между сторонами, он не применяется изолированно, и общие нормы международного права сохраняют значение в той мере, в какой договор прямо не исключает их действия[326].

Аналогичным образом в деле *Raimundo J. Santamarta Devis v. Venezuela* было отмечено, что при толковании договора в соответствии с подпунктом «c» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции и при отсутствии прямого договорного решения принцип преобладающего и эффективного гражданства релевантен для определения статуса лиц с двойным гражданством[327].

Сходная линия рассуждений проявилась и в деле *Alicia Grace and Others v. Mexico,* где трибунал специально подчеркнул, что обращается к доктрине преобладающего и эффективного гражданства не как к абстрактному и автоматически применимому прецеденту, а как к средству интерпретации соответствующих положений НАФТА в свете Венской конвенции и применимых арбитражных правил [328] . В результате лица с двойным гражданством были признаны способными предъявлять инвестиционные

---

[324] You Kexin. The Jurisdictional Maze: Dual Nationality in International Investment Arbitration //Asian International Arbitration Journal. Volume 21, Issue 1 (2025) P. 71.

[325] Викторова Н. Н. Злоупотребление правом со стороны индивидуальных инвесторов в инвестиционном арбитраже //Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 75.

[326] Manuel García Armas and others v. Bolivarian Republic of Venezuela. UNCITRAL. Award, 13 December 2019. URL: https://www.italaw.com/cases/2869. Para. 704.

[327] Raimundo J. Santamarta Devis v. Bolivarian Republic of Venezuela. PCA Case No. 2020-56. Award on Jurisdiction Ratione Personae. URL: https://www.italaw.com/cases/9048. Paras. 485, 493–495

[328] Alicia Grace and Others v. United Mexican States. Final Award. 2024. URL: https://www.italaw.com/cases/7430. Para. 463.

требования лишь при условии, что их преобладающее и эффективное гражданство отличается от гражданства государства-ответчика.

Современная правовая наука рассматривает дело *Alicia Grace v. Mexico* как показательный пример ограничительного функционализма, то есть такого подхода, при котором трибунал формально остается в пределах толкования договора, но приходит к ограничительному результату, ориентируясь на подлинную «иностранность» инвестора и системную целостность механизма разрешения инвестиционных споров[329].

Особое значение в данной дискуссии имеет дело *Dawood Rawat v. Republic of Mauritius* [330], поскольку именно оно чаще всего излагается упрощенно, что приводит к искажению его значения. В этом деле, рассмотренном арбитражем *ad hoc* по Правилам ЮНСИТРАЛ(1976), истец, обладающий гражданством Маврикия и Франции, обратился в арбитраж в отношении Республики Маврикий, в связи с нарушением последним условий Договора между Французской Республикой и Маврикием о поощрении инвестиций 1973 года. Истец утверждал, что Маврикий незаконно заморозил и изъял его активы, передал их государству или третьим лицам по заниженной стоимости, чем нарушил указанный международный договор. При этом сам заявитель родился и вырос на Маврикии, его дети являются гражданами Маврикия, проживая и ведя бизнес также на территории Маврикия. Однако, жена Давуда Равата является гражданской Франции и, пользуясь предоставленной возможностью, он в 1998 году также приобрел французское гражданство. Значение этого решения состоит не в прямом и механическом применении трибуналом теста эффективного гражданства либо доктрины *Nottebohm*. Более точным является его понимание как примера

[329] См. подробнее: Sánchez Miguel Castro A.F. A Tale of Two Nationalities: Dual Nationality and Jurisdiction Ratione Personae in Investment Treaty Arbitration. Spanish Yearbook of International Law, Vol. 29 (2025). PP. 133-171; Gustavo Minervini, Ana Fukai Sánchez Miguel Castro. Drawing Jurisdictional Limits: Reflective Loss and Dual Nationality in the Alicia Grace v. Mexico Award // Wolters Kluwer Arbitration Blog, 2025.

[330] Dawood Rawat v. Republic of Mauritius. UNCITRAL. Decision. Award of 6 April 2018. URL: https://www.italaw.com/cases/3775

контекстуального и объектно-целевого толкования инвестиционного договора.

В современной литературе отмечается, что в деле *Rawat v. Mauritius* трибунал первоначально подчеркивал отсутствие в договоре прямого исключения лиц с двойным гражданством и нежелание добавлять к договору условия, которого в нем государства не согласовали. Вместе с тем итоговая логика решения была связана с анализом договорного контекста и, в частности, со значением отсылки в структуре франко-маврикийского договора к Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств 1965 года.

В результате трибунал пришел к ограничительному результату не путем прямого использования доктрины *Nottebohm*, а через системное прочтение самого договора, исходя из того, что инвестиционная защита по своей природе предназначена для подлинно иностранных инвесторов[331]. Именно поэтому дело *Rawat v. Mauritius* занимает промежуточное положение между чистым договорным формализмом и открытым обращением к общему международному праву: текст договора в нем не отбрасывается, но и не читается изолированно от функции инвестиционной защиты.

Рядом исследователей дело *Rawat v. Mauritius* интерпретируется как спор, в котором ограничительный результат был достигнут посредством контекстуального толкования договора, сближающего договорный анализ с подходом, направленным на предотвращение злоупотребления механизмами международной защиты инвестиций[332].

Сопоставление вышеуказанных дел показывает, что расхождение практики обусловлено различной оценкой двух конкурирующих рисков. С

[331] Sánchez Miguel Castro A.F. A Tale of Two Nationalities: Dual Nationality and Jurisdiction Ratione Personae in Investment Treaty Arbitration. Spanish Yearbook of International Law, Vol. 29 (2025). P. 156.
[332] См. подробнее: *Dawood Rawat v Mauritius: dual-national claim dismissed based on treaty context interpretation,* 2018 URL: https://www.hsfkramer.com/notes/publicinternationallaw/2018-05/dawood-rawat-v-mauritius-dual-national-claim-dismissed-based-on-treaty-context-interpretation

одной стороны, трибуналы опасаются выхода за пределы согласия государств путем включения ими дополнительных ограничений, не предусмотренных договором. С другой стороны, возрастает опасение злоупотребления международной процедурой, когда буквальное следование «молчащему» договору позволяет использовать арбитраж вопреки его назначению и интернационализировать по существу внутренний конфликт между государством и его собственным гражданином. Как отмечается в научной литературе, «злоупотребление может иметь место, когда инвестор приобретает второе гражданство, чтобы получить доступ к механизму урегулирования споров, предусмотренному в соответствующем двустороннем инвестиционном договоре, или когда единственной связью между физическим лицом и государством происхождения является простой паспорт…»[333].

Именно этим, по-видимому, обусловлено более активное применение в последнее время функционального подхода, причем обращает на себя внимание тенденция к сближению двух подходов[334]: при «молчании» договора трибуналы все чаще прибегают к функциональным инструментам толкования, и такие инструменты нередко ведут к ограничительным результатам, то есть к исключению лиц с двойным гражданством из сферы арбитражной защиты там, где их иностранное гражданство выглядит стратегически сконструированной либо слишком слабо связанной с защитной целью договора.

В этой связи центральное место занимает проблема злоупотребления процессом. В международном арбитраже, равно как и в общем международном праве, злоупотребление правом или процессом не означает нарушение конкретной материальной или процессуальной нормы, а лишь внешне правомерное осуществление правообладателем (будь то государство,

---

[333] Викторова Н. Н. Злоупотребление правом со стороны индивидуальных инвесторов в инвестиционном арбитраже //Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 77.

[334] Sánchez Miguel Castro A.F. A Tale of Two Nationalities: Dual Nationality and Jurisdiction Ratione Personae in Investment Treaty Arbitration. Spanish Yearbook of International Law, Vol. 29 (2025). P. 133; Gustavo Minervini, Ana Fukai Sánchez Miguel Castro. Drawing Jurisdictional Limits: Reflective Loss and Dual Nationality in the Alicia Grace v. Mexico Award // Wolters Kluwer Arbitration Blog, 2025.

международная организация или частные лица, которым международными договорами предоставлены материальные и процессуальные права, например договорами о правах человека или о защите инвестиций) какого-либо права либо таким образом, который препятствует осуществлению другими правообладателями их собственных прав, либо с целью, отличной от той, для которой это право было создано, во вред другим лицам[335]. По точному замечанию Э. Гайара, речь идет о поведении, которое формально может не нарушать жесткого позитивного запрета, но подрывает справедливое и упорядоченное разрешение споров международным арбитражем[336]. В инвестиционном арбитраже классическим примером такого поведения становятся схемы, направленные на искусственное создание либо усиление юрисдикции: реструктуризация инвестиции, изменение корпоративной структуры, включение новых звеньев в цепочку владения, а в контексте двойного гражданства – использование второго гражданства или его приобретение для возможности использования механизмов международного разрешения споров в связи с уже возникшим или высоко вероятным спором.

В этом смысле проблема злоупотребления процессом представляет собой не периферийное дополнение к анализу дел о двойном гражданстве, а фактор, существенно влияющий на саму интерпретацию юрисдикционных критериев. В литературе функциональный подход напрямую связывается с ограничением доступа лиц с двойным гражданством к международной защите[337].

Для точности правовой квалификации необходимо различать добросовестность, злоупотребление правом и злоупотребление процессом. Добросовестность выступает как более общий принцип, сопровождающий как толкование договоров, так и осуществление прав. Злоупотребление правом относится к использованию субъективного права вопреки его назначению.

---

[335] *Исполинов А.* Доктрина злоупотребления правом в международном праве // Международное правосудие. 2025. Т.15. №3(55). С.3–22, с. 7

[336] Gaillard E. Abuse of Process in International Arbitration // *ICSID Review*. 2017. Vol. 32. No. 1. P. 18.

[337] Sánchez Miguel Castro A.F. A Tale of Two Nationalities: Dual Nationality and Jurisdiction Ratione Personae in Investment Treaty Arbitration. Spanish Yearbook of International Law, Vol. 29 (2025). P. 133

Злоупотребление процессом касается использования самой процедуры, то есть обращения к юрисдикционному механизму в целях, несовместимых с его функцией[338]. В современной российской литературе подчеркивается, что международные суды и трибуналы различают злоупотребление правом и злоупотребление процессом и связывают с ними разные последствия: в первом случае требования могут быть отклонены по существу, во втором – не приняты к рассмотрению[339]. Для инвестиционного арбитража эта дифференциация имеет особое значение, поскольку споры о двойном гражданстве, как правило, возникают именно на стадии установления юрисдикции либо приемлемости требований. Иными словами, в подобных делах центральным становится вопрос не о нарушении материального стандарта защиты, а о допустимости самого обращения к международной процедуре в конкретном сочетании гражданства и фактических обстоятельств.

Изложенное позволяет сделать несколько выводов. Проблема двойного гражданства иностранного инвестора не является узкой технической темой инвестиционной процедуры. Она затрагивает фундаментальные вопросы международного публичного права – гражданство как юридическую связь индивида с государством, пределы согласия государства на международную юрисдикцию, соотношение специального договорного режима и общего международного права, а также допустимые пределы интернационализации частноправовых споров.

В рамках Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств 1965 года решение носит жесткий и позитивный характер: лицо с двойным гражданством, одновременно являющееся гражданином государства-ответчика, исключается из юрисдикции в силу самой Конвенции.

---

[338] См. подробнее: De Brabandere E. Good Faith, Abuse of Process and the Initiation of Investment Treaty Claims // *Journal of International Dispute Settlement*. 2012. Vol. 3. PP. 1-28.

[339] См. подробнее: Исполинов А.С. Доктрина запрета злоупотребления правом в международном праве // *Международное правосудие*. 2025. Т. 15. № 3. С. 3–22. с 19

Вне системы МЦУИС единообразной формулы не существует, однако сложились две конкурирующие линии: одна исходит из приоритета двустороннего инвестиционного договора как специального режима, другая – из допустимости системной интеграции общего международного права посредством подпункта «c» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции.

Решение по делу *Rawat v. Mauritius* демонстрирует промежуточную модель, в рамках которой ограничительный результат достигается не прямым импортом критерия преобладающего гражданства, а посредством более глубокого и контекстуального толкования самого договора.

Как мы видим, современная правовая доктрина свидетельствует о постепенном усилении функционального подхода и аспекта, связанного с предотвращением злоупотреблений: трибуналы все чаще используют более широкие интерпретационные инструменты для ограничения доступа к арбитражу в тех случаях, когда двойное гражданство используется в качестве инструментария. В этих условиях риск злоупотребления процессом должен рассматриваться как один из системных факторов, объясняющих эволюцию современной доктрины юрисдикции *ratione personae* в инвестиционном арбитраже.

Обозначенная эволюция не сводится к простому сосуществованию конкурирующих подходов, а отражает формирование интегративной модели определения статуса инвестора, при которой толкование инвестиционного договора осуществляется с учетом его цели и функции как механизма защиты именно иностранных инвестиций. В рамках данной модели формальный критерий гражданства утрачивает самостоятельное значение и подлежит оценке в совокупности с иными факторами, позволяющими установить подлинный международный характер инвестиционного отношения.

Таким образом, при отсутствии прямого договорного регулирования статус инвестора, обладающего множественным гражданством, должен определяться на основе комплексной оценки, включающей характер связи инвестора с государством, обстоятельства приобретения гражданства и

добросовестность обращения к международной юрисдикции, что позволяет предотвратить использование инвестиционного арбитража в целях искусственной интернационализации по существу внутренних споров.

3. Гражданство Европейского Союза как форма двойного гражданства

Институт гражданства Европейского Союза, закрепленный Маастрихтским договором 1992 года[340], стал одним из наиболее значимых правовых нововведений в процессе европейской интеграции. Его появление ознаменовало переход от преимущественно экономической модели интеграции к формированию многоуровневого правового статуса личности, включающего как национальный, так и наднациональный элементы. Вместе с тем правовая природа гражданства ЕС до настоящего времени остается дискуссионной, что обусловлено его двойственным характером: с одной стороны, оно является производным от гражданства государства-члена, а с другой – постепенно приобретает черты самостоятельного правового статуса.

Особую научную проблему представляет вопрос о соотношении гражданства Европейского Союза с традиционными концепциями двойного (множественного) гражданства. Классическое понимание двойного гражданства, предполагающее наличие у лица устойчивой правовой связи с двумя или более государствами, не в полной мере применимо к конструкции гражданства ЕС. В условиях интеграционного правопорядка формируется иная модель – «вертикального» двойного гражданства, основанная на иерархическом взаимодействии национального и наднационального уровней.

Право Европейского Союза динамично развивается, в том числе через практику Суда ЕС, которая существенно трансформирует содержание и значение статуса гражданина Союза, а также усиливает влияние наднационального уровня на национальные режимы гражданства.

---

[340] Договор о Европейском Союзе (Маастрихтский договор), подписан 7 февраля 1992 г. // *Official Journal of the European Communities*. 1992. C 191. 29 July. P. 1–112.

Договор об Европейской Союзе, подписанный 7 февраля 1992 года в Маастрихте, установил новую категорию – гражданство Европейского Союза, которая занимает особое место в современной европейской правовой системе. Со дня своего правового закрепления она стала ключевым элементом правового статуса физических лиц в пространстве ЕС. Как подчеркивается в научной литературе, введение гражданства ЕС Маастрихтским договором ознаменовало качественный переход от экономической модели интеграции к персонализированной: «передвижение граждан государств-членов более не следует рассматривать лишь как экономическое средство… оно стало правом, осуществляемым в силу статуса гражданина ЕС»[341].

Статья 8 Договора предусматривает, что «каждый индивид, обладающий гражданством государства-члена, признается также гражданином Европейского Союза» [342] . При этом Договор не регулирует вопросы приобретения и утраты гражданства, а также не раскрывает всего набора прав и обязанностей таких граждан. Кроме того, приложением к Договору является Декларация о гражданстве государства-члена, которая устанавливает, что «вопрос о том, обладает ли лицо гражданством государства-члена, должен решаться исключительно на основании национального законодательства соответствующего государства-члена» [343] . Таким образом, все граждане европейских стран – членов Европейского Союза со вступлением в силу Маастрихтского договора автоматически стали также гражданами Европейского Союза. При этом, гражданство Европейского Союза предоставило своим обладателям дополнительные права и обязанности по отношению к Европейскому Союзу.

Уже в момент своего договорного закрепления гражданство Союза обнаружило двойственную природу: оно, с одной стороны, было производным

---

[341] European Commission, *70 Years of EU Law: A Union for Its Citizens* (Publications Office of the European Union 2022), https://data.europa.eu/doi/10.2880/02622. P. 93.
[342] Consolidated version of the Treaty on European Union // *Official Journal of the European Union*. 2012. C 326. 26 October. P. 13–390.
[343] Declaration on Nationality of a Member State. Official Journal of the European Communities. *C 191, 29/07/1992 P. 0098*.

от гражданства государства-члена, поскольку «вытекает из национальностей государств-членов» [344], а с другой – создавало самостоятельный уровень правовой принадлежности личности к наднациональному объединению. Именно эта двойственность и предопределила дальнейшие споры о том, является ли гражданство ЕС лишь приложением к национальному гражданству или же оно постепенно превращается в самостоятельный правовой статус в правопорядке Союза.

Несмотря на обозначенную двойственность, сведение гражданства Европейского Союза к производному статусу представляется методологически недостаточным. Уже на уровне современной доктрины и практики Суда ЕС становится очевидным, что данная конструкция выходит за пределы простой зависимости от национального гражданства.

Как отмечает Л.-Й. Вагнер, «гражданство в контексте права ЕС представляет собой целенаправленно сформулированное понятие»[345]. Иными словами, вопрос о том, кто считается носителем статуса гражданина Союза, не может решаться исключительно через формальные категории национального права, но подлежит переосмыслению в контексте наднационального правопорядка.

В этом смысле традиционный тезис о полной свободе государств-членов в определении своего гражданства утрачивает абсолютный характер, поскольку, как справедливо подчеркивается в литературе, он представляет собой «преувеличение государственного суверенитета» [346]. Тем самым гражданство ЕС оказывается не просто производным от национального, а зависимым от него лишь формально, но не содержательно.

Гражданство Европейского Союза можно рассматривать как производный по своей юридической конструкции, но нормативно

344 Serhii Lashyn, The effects of enlargement on European Union citizenship// Yearbook of European Law, 2026, yeaf012, https://doi.org/10.1093/yel/yeaf012. P. 9

345 Wagner L.-J. *Member State Nationality under EU Law – To be or not to be a Union Citizen?* // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2021. Vol. 28(3). P. 305.

346 Wagner L.-J. *Member State Nationality under EU Law – To be or not to be a Union Citizen?* // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2021. Vol. 28(3). P. 304–305.

автономизирующийся статус, в рамках которого право Союза способно корректировать и переопределять содержание национальной принадлежности. Это позволяет выйти за пределы бинарной оппозиции «производное – самостоятельное» и рассматривать гражданство ЕС как элемент многоуровневой системы правовой принадлежности, где наднациональный уровень постепенно приобретает самостоятельное регулятивное значение.

В какой-то мере граждан Европейского Союза можно назвать бипатридами, однако, впрочем, со многими допущениями. Если классический бипатрид имеет устойчивую правовую связь с каждым государством своего гражданства, обладаем правами, свободами и обязанностями в полном объеме в каждом из этих государства, то такой бипатрид без гражданства государства-члена Европейского Союза никакими правами и обязанностями, вытекающими из гражданства, в отношении Европейского Союза не обладает, как и устойчивой правовой связью. То есть гражданство Европейского Союза и данном фокусе вторично, по отношению к гражданству государства-члена.

Джо Шоу обращает внимание на то, что гражданство Европейского Союза формирует многоуровневый правовой статус гражданина[347]. По своей сути, гражданство Европейского Союза является гражданством без государства или наднациональным гражданством. На наш взгляд, в отличие от классического двойного гражданства двойное гражданство, сопряженное с гражданством Европейского Союза, можно сказать, является случаем «вертикального» двойного гражданства. Такой подход представляется более точным, чем механическое отождествление гражданства ЕС с обычным бипатризмом, поскольку в данном случае речь идет не о параллельном сосуществовании двух национальных принадлежностей, а о юридически иерархизированной конструкции, в которой национальное гражданство выступает основанием возникновения наднационального статуса, а

[347] Shaw, J 2010 'Citizenship: Contrasting Dynamics at the Interface of Integration and Constitutionalism' University of Edinburgh, School of Law, Working Papers, SSRN. DOI:10.2139/ssrn.1585938. P. 3

наднациональный статус, в свою очередь, начинает влиять на пределы национального усмотрения.

На наш взгляд, важно понимать, что без гражданства государства-члена ЕС нельзя быть субъектом прав и обязанностей в качестве гражданина Европейского Союза. Правовая конструкция гражданства Европейского Союза изначально предполагает его производный характер, исключая его автономность. Как отмечается в исследовании *European Citizenship under Stress*, действующие нормы учредительных договоров ЕС закрепляют принцип, согласно которому гражданство Европейского Союза «является производным по своей природе», а Суд Европейского союза никогда не ставил под сомнение существование тесной и неразрывной связи между статусом гражданина Союза и национальным гражданством [348]. Йохан Меузен справедливо упрекает Европейскую Комиссию, которая акцентирует внимание на праве на свободное передвижение, в искусственном ограничении всей многомерности гражданства Европейского Союза [349]. Особенность гражданства Европейского Союза, на наш взгляд, проявляется в том, что права, вытекающие из гражданства ЕС, не ограничиваются классической трансграничной мобильностью, а распространяются на более широкий круг ситуаций. Именно в этом состоит одно из наиболее существенных отличий гражданства Союза от первоначальной логики внутреннего рынка: если раннее право Сообществ связывало статус субъекта почти исключительно с его экономической функцией [350], то гражданство ЕС постепенно стало использоваться Судом ЕС как юридическая основа для защиты личности как таковой, независимо от ее участия в рынке.

[348] European citizenship under stress: social justice, Brexit, and other challenges / edited by Nathan Cambien, Dimitry Kochenov, and Elise Muir. Description: Leiden, the Netherlands; Boston: Koninklijke Brill NV, [2020]. P. 451.
[349] Johan Meeusen. Nothing More Than a Rights Catalogue Serving EU Citizens' Private Interests? Three Insights for an Alternative Assessment of EU Citizenship // Heidelberg Journal of International Law 86(1):261-298. P. 272.
[350] Serhii Lashyn. The Aporia of EU Citizenship // Liverpool Law Review (2021) 42:361–377. P. 365.

Однако, как мы знаем Европейский Союз, как институция, является весьма динамичной, гибкой и развивающейся структурой. Исследователи характеризуют правовой статус граждан Европейского Союза как «продолжающийся процесс, являющийся результатом совместных и развивающихся усилий законодателя ЕС, Суда Европейского Союза … и ученых-специалистов по вопросам ЕС»[351]. Так со времен вступления в силу Договора об Европейском Союзе суды Союза вынесли несколько решений, которые несколько трансформировали категорию «гражданство Европейского Союза». Именно поэтому в своем исследовании «70 лет права Европейского союза» юридическая служба Европейской Комиссии характеризует гражданство ЕС как статус, «служащий интересам граждан ЕС»[352], который в значительной степени сформировался благодаря решениям Суда ЕС. Европейского суда.

Уже в 1998 году Суд Европейского Союза в деле *Martinez Sala v. Freistaat Bayern* (C-85/96)[353] признал прямой эффект норм Договора о ЕС, касающиеся гражданства ЕС[354].

Мария Мартинес Сала, испанка, проживавшая и работавшая в Германии, подала заявку на получение немецкого пособия на ребенка. Власти Баварии отказали ей, сославшись на отсутствие у нее действующего вида на жительство. Сала оспорила отказ, утверждая, что она как гражданка Европейского Союза имеет право на равное обращение.

---

[351] Ricardo García Antón. Rethinking the Social Contract in a Regional Integration Dimension (The European Union): A Response to the 2024 Montesquieu Lecture by Prof. Tsilly Dagan. // Tilburg Law Review 29 (2024), 25-32 (27)

[352] European Commission, *70 Years of EU Law: A Union for Its Citizens* (Publications Office of the European Union 2022), https://data.europa.eu/doi/10.2880/02622

[353] Judgment of the Court of 12 May 1998. - María Martínez Sala v. Freistaat Bayern. *European Court Reports 1998 I-02691*

[354] Под прямым эффектом следует понимать возможность частных лиц использовать и ссылаться на нормы права ЕС в ходе судебных разбирательств в национальных судах и право национальных судов в этом случае разрешать такие споры именно на основе нормы права ЕС, имеющей прямой эффект. Исполинов, А. С. Доктрина косвенного эффекта (согласованной интерпретации) в праве ЕС// Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 10(29). – С. 26-36, 27

Суд Европейского Союза постановил, что «будучи гражданином государства-члена, законно проживающим на территории другого государства-члена, заявитель по основному разбирательству подпадает под действие *ratione personae* положений о европейском гражданстве в Договоре о ЕС»[355]. Следовательно, к ним применим принцип недискриминации по гражданству, закрепленный в статье 6 (ныне статья 18 Договор о функционировании Европейского союза)[356]. Отказ предоставить пособие исключительно из-за отсутствия гражданства страны пребывания признан нарушением этого принципа.

Дело стало поворотным пунктом в развитии института гражданства Европейского Союза. Оно подтвердило, что статус гражданина Союза сам по себе дает доступ к определенным социальным льготам в случае правомерного пребывания в другом государстве ЕС, даже без формального разрешения на проживание. Прецедент Мартинес Сала впоследствии использовался при рассмотрении других дел, расширяя социальные права граждан ЕС. Правовое значение дела *Martinez Sala v. Freistaat Bayern* заключается в том, что Суд Европейского Союза впервые использовал статус гражданина Союза как самостоятельное основание для применения принципа недискриминации по гражданству, не связывая его с осуществлением экономической деятельности конкретного человека. Тем самым гражданство ЕС стало выступать в качестве фактора, обеспечивающего включение лица в сферу действия права Союза *ratione personae*, что знаменовало отход от прежней экономико-функциональной логики интеграции.

Еще одним делом, повлиявшим на развитие статуса гражданства Союза и доступа граждан Европейского Союза к социальным пособиям в принимающем государстве, стало *Grzelczyk v. Centre public d'aide sociale*

---

[355] Judgment of the Court of 12 May 1998. - María Martínez Sala v. Freistaat Bayern. *European Court Reports 1998 I-02691. Para. 61.*

[356] Judgment of the Court of 12 May 1998. - María Martínez Sala v. Freistaat Bayern. *European Court Reports 1998 I-02691. Para. 62.*

d'Ottignies-Louvain-la-Neuve (C-184/99)[357], в котором Суд ЕС рассматривал преюдициальный запрос бельгийского суда.

Французский гражданин Руди Гжельчик учился в Бельгии и три года сам обеспечивал свое проживание, как требовала Директива 93/96/ЕЕС о праве проживания студентов. На четвертый год он попросил у бельгийского CPAS (*Centre public d'aide sociale*) минимальное пособие на существование (*minimex*). Ему отказали на том основании, что он не является гражданином Бельгии и поэтому не относится к категориям, имеющим право на *minimex* по национальному праву.

Суду Европейского Союза необходимо было истолковать:

• статьи 6, 8 и 8a Договора ЕС (ныне ст. 12, 17 и 18 Договора о ЕС/ДФЕС) о недискриминации по гражданству и гражданстве Союза;

• Директиву 93/96/ЕЕС о праве проживания студентов (требование «достаточных средств»);

• соотношение этих норм с национальным законодательством, ограничивающим пособия только «своими» гражданами и некоторыми другими категориями.

В результате Суд Европейского Союза признал, что гражданин Европейского Союза, законно проживающий в другом государстве-члене, может ссылаться на принцип недискриминации по гражданству в отношении социальных пособий. Кроме того, требование «достаточных средств» для студентов не означает автоматического запрета на обращение за социальной помощью в поздний момент пребывания, а отказ в *minimex* только по причине гражданства другой страны члена ЕС нарушает запрет дискриминации и нормы о гражданстве Союза. Следовательно, по мнению Суда ЕС, заявитель имел право на получение *minimex* на тех же условиях, что и бельгийские граждане.

[357] Judgment of the Court of 20 September 2001. Rudy Grzelczyk v Centre public d'aide sociale d'Ottignies-Louvain-la-Neuve. *European Court Reports 2001 I-06193*

В этом решении прозвучала известная ныне формула: «гражданство Союза призвано стать основным правовым статусом граждан государств-членов, позволяя лицам, находящимся в одинаковых условиях, пользоваться одинаковым правовым режимом независимо от их гражданства, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством» [358]. Это стало важной вехой в эволюции статуса гражданства Европейского Союза. Именно после этого дела укрепилось понимание того, что гражданство ЕС является не просто техникой выделения отдельных прав из договоров, а принципом, претендующим на системообразующее значение для всей конструкции статуса личности в праве Союза.

Решение Суда Европейского союза, вынесенное в 2002 году по делу *Baumbast and R v. Secretary of State for the Home Department* (C-413/99)[359], уточнило права граждан Европейского Союза и их семей на проживание в других государствах-членах, став важным шагом в развитии концепции гражданства Европейского союза как основного статуса граждан государств-членов. Заявитель, гражданин Германии Р. Баумбаст проживал в Великобритании с семьей, но потерял занятость в стране. После этого британские власти отказали ему и его семье в продлении права на проживание, ссылаясь на отсутствие экономической активности и медицинской страховки. Баумбаст оспорил это решение, утверждая, что были нарушены его права как гражданина Европейского Союза.

Суд ЕС в своем решении указал, что «… Договор о Европейском союзе не требует, чтобы граждане Союза занимались профессиональной или коммерческой деятельностью – будь то в качестве наемного работника или индивидуального предпринимателя – для того, чтобы пользоваться правами, предусмотренными во второй части Договора о ЕЭС, касающейся гражданства

[358] Judgment of the Court of 20 September 2001. Rudy Grzelczyk v Centre public d'aide sociale d'Ottignies-Louvain-la-Neuve. *European Court Reports 2001 I-06193.* Para. 31
[359] Judgment of the Court of 17 September 2002. Baumbast and R v Secretary of State for the Home Department. *European Court reports 2002 Page I-07091*

Союза»[360]. А также пояснил: «что касается, в частности, права на проживание на территории государств-членов в соответствии со статьей 18(1) Договора о ЕС, то это право предоставляется непосредственно каждому гражданину Союза на основании четкого и точного положения Договора о ЕС. Таким образом, исключительно в качестве гражданина государства-члена и, следовательно, гражданина Союза, г-н Баумбаст имеет право ссылаться на статью 18(1) Договора о ЕС»[361]. Как мы видим, Суд ЕС сослался на прямой эффект статьи 18 (ныне 21 ДФЕС), предоставляющей гражданам Европейского Союза право свободного передвижения и проживания.

Это решение также стало важной вехой в развитии института гражданства Европейского Союза. Оно подтвердило, что права граждан Европейского Союза не зависят исключительно от экономической активности, а имеют автономный характер. В этом аспекте дело *Baumbast* завершило важный этап отхода от сугубо рыночной логики европейской интеграции, окончательно закрепив представление о гражданине Союза как о носителе прав не в силу его экономической полезности, а в силу самого его статуса.

Решение Суда Европейского союза от 2 марта 2010 года по делу *Rottmann v. Freistaat Bayern* (C-135/08) [362] установило, что лишение гражданства государства-члена, приводящее к утрате гражданства Европейского Союза, подпадает под действие права Европейского Союза и должно соответствовать принципу пропорциональности. Заявитель в этом деле австрийский гражданин Йозеф Роттманн получил немецкое гражданство и автоматически утратил австрийское. Позднее Германия решила аннулировать его гражданство из-за сокрытия информации о расследовании в его отношении, проводимом в Австрии. На практике это означало, что Роттманн стал бы лицом без

[360] Judgment of the Court of 17 September 2002. Baumbast and R v Secretary of State for the Home Department. *European Court reports 2002 Page I-07091 Para. 83.*
[361] Judgment of the Court of 17 September 2002. Baumbast and R v Secretary of State for the Home Department. *European Court reports 2002 Page I-07091. Para. 84.*
[362] Judgment of the Court (Grand Chamber) of 2 March 2010. Janko Rottman v Freistaat Bayern. *European Court Reports 2010 I-01449*

гражданства. Он оспорил решение, заявив, что утрата гражданства страны члена ЕС нарушает его права как гражданина Союза.

Суд Европейского Союза постановил, что хотя вопросы гражданства находятся в компетенции государств-членов, случаи, когда утрата гражданства одного государства влечет утрату статуса гражданина Европейского Союза, подпадают под право Европейского Союза. «Национальному суду надлежит определить, требуется ли соблюдение принципа пропорциональности, с учетом всех относимых обстоятельств, предоставить заинтересованному лицу разумный срок до вступления в силу такого решения о прекращении натурализации, чтобы попытаться восстановить гражданство государства-члена происхождения»[363].

Дело *Rottmann v. Freistaat Bayern* стало важным прецедентом в сфере гражданства Европейского союза. Оно укрепило связь между национальным и наднациональным гражданством, ограничив произвольные действия государств-членов при лишении гражданства. Как отмечает Димитрис Лякопулос, «по сути … тест пропорциональности … должен применяться ко всем случаям, когда утрата европейского гражданства вытекает из утраты гражданства государства-члена»[364].

Решение легло в основу последующей практики по защите прав граждан Европейского Союза при изменении или утрате национального гражданства. С научной точки зрения значение этого дела заключается еще и в том, что Суд фактически допустил проверку реализации государствами-членами их традиционно суверенной компетенции в вопросах лишения гражданства сквозь призму статуса гражданина Союза. Иными словами, наднациональный уровень впервые столь отчетливо начал оказывать обратное влияние на национальное гражданство стран членов ЕС.

---

[363] Judgment of the Court (Grand Chamber) of 2 March 2010. Janko Rottman v Freistaat Bayern. *European Court Reports 2010 I-01449. Para.58*

[364] Dimitris Liakopoulos. Critics and Aspects of the European Citizenship According to the CJEU: from Rottmann to Tjebbes and Others//Megatrend Review. Vol. 17, No 1, 2020, P. 7.

Приведенные выше решения Суда Европейского Союза, показывают эволюцию, которую уже прошло содержание и значение категории «гражданство Европейского Союза». Хотя государства-члены сохраняют компетенцию в сфере приобретения и утраты гражданства, реализация этой компетенции не может игнорировать последствия для прав, гарантированных правом Союза. Более того, реализация этой компетенции все в большей степени обусловлена требованиями права ЕС. Как обращается внимание в научной литературе, «государства-члены остаются способными лишать гражданства в свете определенных целей (которые считаются законными), но должны соблюдать процессуальное право ЕС и принципы пропорциональности, эффективности и надлежащей правовой процедуры»[365]. Таким образом, в практике Суда ЕС акцент смещается с чисто материального вопроса «можно ли лишить гражданства?» на процедурный вопрос «каким образом это может быть сделано?».

В этом аспекте интересным является принятое в 2025 г решение Суда ЕС по делу *Commission v. Malta* (C-181/23)[366], касающееся практики выдачи «золотых паспортов» Мальты гражданам стран, не входящих в ЕС. Вызвавшее бурные дискуссии[367] это решение по этому делу представляет собой важный этап в развитии доктрины гражданства ЕС как особой формы наднациональной «двойной» правовой принадлежности. Поводом для рассмотрения стало применение Мальтой программы так называемых «золотых паспортов», предусматривающей предоставление гражданства в обмен на инвестиции при отсутствии устойчивой связи между заявителем и государством. Европейская комиссия, инициировавшая производство по ст. 258 ДФЕС, усмотрела в данной практике нарушение норм права Союза, в

[365] Francesco Luigi Gatta. The If and the How: Losing the EU Citizenship, but with Due Regard to the Due Process of (EU) Law // European Papers. Vol. 9, 2024, No 1, p. 133.
[366] Judgment of the Court (Grand Chamber) of 29 April 2025. European Commission v Republic of Malta. ECLI:EU:C:2025:283
[367] Wagner, Lorin-Johannes: *Fury and Surprise Anchored in Dogmas and Myths: Reflections on Commission v. Malta and its Discontents, VerfBlog,* 2025/5/26, https://verfassungsblog.de/fury-and-surprise-anchored-in-dogmas-and-myths/

частности ст. 20 ДФЕС и принципа искреннего сотрудничества, закрепленного в ст. 4(3) ДЕС. Суд в своем решении поддержал эту позицию, указав, что предоставление гражданства государства-члена не может рассматриваться как чисто внутренний вопрос, если оно автоматически влечет приобретение статуса гражданина Союза.

Ключевым выводом Суда стало признание недопустимости «коммерциализации» гражданства, поскольку подобная практика подрывает его правовую природу. Суд указал, что «подобная программа сводится к коммерциализации предоставления статуса гражданина государства-члена и, как следствие, гражданства Союза, что несовместимо с концепцией этого основополагающего статуса, вытекающей из Договоров»[368]. По сути, Суд исходит из того, что гражданство ЕС не может быть сведено к результату экономической транзакции, так как оно выражает более глубокую связь между индивидом, государством и Союзом в целом. В этой связи Суд фактически вводит требование наличия «реальной связи» (*genuine link*) между лицом и государством-членом, несмотря на отсутствие прямого закрепления такого критерия в учредительных договорах. Данное положение свидетельствует о постепенном формировании материальных ограничений национальной компетенции государств-членов ЕС в сфере гражданства.

Особое значение этого решения Суда ЕС заключается в его влиянии на соотношение национального и наднационального уровней правового регулирования. Хотя государства-члены формально сохраняют компетенцию по вопросам приобретения и утраты гражданства, Суд ЕС подчеркивает, что реализация этой компетенции должна осуществляться с учетом права ЕС и не может подрывать его основы, включая принцип взаимного доверия между государствами. Предоставление гражданства одним государством автоматически затрагивает интересы всех остальных, поскольку открывает доступ к совокупности прав гражданина Союза. Тем самым гражданство ЕС

[368] Judgment of the Court (Grand Chamber) of 29 April 2025. European Commission v Republic of Malta. ECLI:EU:C:2025:283. Para.100.

выступает как фактор, ограничивающий национальный суверенитет стран-членов ЕС в сфере предоставления гражданства.

В контексте концепции двойного гражданства данное решение демонстрирует трансформацию традиционной модели, в которой гражданство ЕС рассматривалось исключительно как производное от национального. В деле *Commission v. Malta* прослеживается обратное влияние наднационального статуса на условия приобретения национального гражданства, что позволяет говорить о формировании асимметричной конструкции двойной правовой принадлежности. В ее рамках гражданство ЕС, оставаясь формально производным, приобретает самостоятельное нормативное значение, способное определять пределы усмотрения государств-членов. Таким образом, рассматриваемое решение подтверждает тенденцию к усилению автономии гражданства ЕС и его превращению в инструмент обеспечения целостности правового порядка Союза.

Таким образом, можно говорить о своеобразной двойственности правовой природы гражданства Европейского Союза. С одной стороны, оно экзистенциально зависит от гражданства государства-члена: без национального гражданства невозможно ни возникновение, ни сохранение статуса гражданина Союза. С другой стороны, после возникновения этот статус начинает функционировать как самостоятельный источник прав и принципов, влияющих на национальное правовое регулирование. В научной литературе указывается на «значимую самостоятельную роль»[369] гражданства Европейского Союза. Именно эта комбинация зависимости и возрастающей автономии позволяет рассматривать гражданство ЕС как уникальную для современной правовой теории форму правовой принадлежности, не укладывающуюся полностью ни в классические государственно-правовые модели, ни в конструкции международно-правового членства.

[369] European citizenship under stress: social justice, Brexit, and other challenges / edited by Nathan Cambien, Dimitry Kochenov, and Elise Muir. Description: Leiden, the Netherlands; Boston: Koninklijke Brill NV, [2020]. p. X.

Особый интерес в данном контексте представляет вопрос о том, может ли гражданство Европейского Союза предоставлять права лицам, не являющимся гражданами государств-членов. Формально – ответ на этот вопрос отрицательный, поскольку только граждане государств-членов обладают статусом гражданина Союза. Однако право Европейского Союза допускает существование производных прав, которыми могут пользоваться граждане третьих стран в силу их связи с гражданином Европейского Союза. Такие права, например право проживания членов семьи, не являются проявлением самостоятельного статуса гражданства Европейского Союза для третьих стран, а существуют лишь постольку, поскольку их отсутствие могло бы лишить гражданина Европейского Союза реального осуществления его прав, гарантированных правом Союза. С этой точки зрения важно подчеркнуть, что правовой эффект гражданства ЕС выходит за пределы круга его формальных носителей: через механизм производных прав оно влияет и на положение связанных с гражданином Союза лиц, прежде всего членов его семьи. Однако это влияние остается опосредованным и не трансформирует граждан третьих стран в самостоятельных субъектов гражданства Союза.

Отдельного внимания заслуживает влияние института гражданства Европейского Союза на феномен двойного гражданства «на горизонтальном уровне». Европейская интеграция и свобода передвижения способствуют увеличению числа лиц, обладающих гражданством более чем одного государства-члена. В научной литературе подчеркивается, что двойное гражданство в контексте Европейского Союза является не исключением, а закономерным результатом функционирования правового пространства Союза. Более того, именно ситуации множественного гражданства позволяют наиболее отчетливо увидеть напряжение между национальными концепциями гражданства и наднациональной логикой гражданства Европейского Союза[370].

[370] De Groot D., *Free Movement of Dual EU Citizens*, in: European Citizenship under Stress, pp.90-92.

В частности, практика Суда Европейского Союза показывает, что гражданин государства-члена, реализовавший право свободного передвижения и впоследствии приобретший гражданство государства проживания, не должен лишаться преимуществ, связанных с использованием права ЕС. Подобный подход направлен на предотвращение ситуаций, в которых более глубокая интеграция гражданина в общество принимающего государства парадоксально ухудшала бы его правовое положение.

Особое место в исследовании гражданства Европейского Союза занимает правовой статус неграждан прибалтийских государств (Латвии и Эстонии), поскольку он демонстрирует пределы формального подхода к определению круга лиц, которые могут рассматриваться в качестве субъектов права ЕС. Данная категория возникла после восстановления независимости этих стран и охватывает бывших граждан СССР и их потомков, которые не были автоматически признаны гражданами Латвии, не приобрели гражданство в порядке натурализации и не получили гражданство иного государства.

В отличие от классических апатридов, неграждане этих стран обладают специальным правовым статусом, закрепленным национальным законодательством, и пользуются рядом прав, обычно ассоциируемых с устойчивой правовой связью лица с государством. Международные организации нередко рассматривают их в контексте проблемы безгражданства, однако латвийский подход исходит из наличия особой правовой связи с государством, включающей право постоянного проживания, социальные гарантии и элементы консульской защиты[371]. В связи с этим их статус в доктрине квалифицируется как *sui generis* – промежуточный между гражданством и безгражданством.

Ключевое отличие неграждан от граждан этих стран состоит не столько в отсутствии устойчивой юридической связи с государством, сколько в исключении из политического сообщества. Они лишены ряда ключевых

[371] Croft J. *Non-Citizens in Estonia and Latvia: Time for Change in Changing Times?* // OSCE Yearbook. 2015. P.182.

политических прав, прежде всего избирательных, что свидетельствует о разрыве между гражданством как юридической принадлежностью и гражданством как политическим участием.

Длительное сохранение подобной категории населения вызывает обоснованные вопросы и с точки зрения международно-правовых стандартов защиты прав человека. Признание за государством широкой компетенции по определению круга собственных граждан не означает, что обусловленные отсутствием гражданства различия в правовом положении лиц находятся исключительно в сфере его внутреннего усмотрения. Межгосударственные органы неоднократно обращали внимание на положение неграждан прибалтийских государств, в том числе на ограничения их политического участия и доступа к отдельным сферам публичной деятельности, рекомендуя принимать дальнейшие меры по сокращению численности данной категории и облегчению их натурализации.

Особенно существенной представляется продолжительность существования рассматриваемого режима. Его возникновение было непосредственно связано с распадом СССР, восстановлением независимости прибалтийских стран и избранной ими концепцией государственного континуитета. Однако по мере удаления с течением времени от соответствующих исторических событий возможность обосновывать сохраняющиеся различия в правовом положении исключительно обстоятельствами восстановления государственности становится все менее и менее убедительной. Наличие у значительной части неграждан длительной, а для родившихся в таких странах уже после 1991 года фактически изначальной социальной и территориальной связи с государством усиливает необходимость оценки каждого сохраняющегося ограничения с точки зрения его объективной обоснованности и соразмерности.

При этом критическая оценка института неграждан не означает существования международно-правовой обязанности этих стран автоматически предоставить гражданство каждому постоянно проживающему

на ее территории лицу. Речь идет о другом - исключительные полномочия государства в сфере гражданства не должна превращаться в основание для неоправданного сохранения в течение неопределенно длительного периода существенно и дискриминационно различающихся объемов прав у групп населения, в равной мере обладающих устойчивой связью с одним государством. В этом отношении институт неграждан особенно наглядно демонстрирует характерную для современного международного права тенденцию – постепенное ограничение традиционно широкой компетенции государств в вопросах гражданства международно-правовыми стандартами защиты личности.

Для права Европейского Союза данный статус имеет принципиальное значение. В соответствии с доминирующим подходом неграждане Латвии не признаются гражданами Союза ввиду отсутствия формального гражданства государства-члена. Однако в научной литературе данная позиция подвергается критике. В частности, Л.-Й. Вагнер указывает, что вопрос о включении латвийских неграждан в сферу гражданства ЕС не является окончательно решенным и требует переосмысления с учетом целей и структуры права Союза[372].

Развивая данный тезис, он предлагает исходить из юрисдикционного понимания «гражданства для целей права ЕС», при котором решающим является не политическое гражданство, а наличие устойчивой правовой и социальной связи с государством[373]. В этом контексте статус неграждан Латвии приобретает особое значение, поскольку включает право возвращения в государство, документирование и элементы взаимных прав и обязанностей, что сближает его с классическим пониманием национальности в международном праве.

---

[372] Wagner L.-J. *Member State Nationality under EU Law – To be or not to be a Union Citizen?* // Maastricht Journal. 2021. P. 304-305.

[373] Wagner L.-J. *Member State Nationality under EU Law – To be or not to be a Union Citizen?* // Maastricht Journal. 2021. P. 305.

Сходная позиция выражена и в исследованиях Г. де Гроота, О. Вонка и К. Свидера, которые подчеркивают, что формальное обозначение лица как «негражданина» само по себе не должно автоматически исключать его из сферы действия гражданства ЕС[374]. Более того, в современной доктрине высказываются предложения о признании за данной категорией лиц статуса граждан Союза либо о существенном расширении их прав в рамках права ЕС[375].

Вместе с тем подобные подходы остаются дискуссионными, поскольку их реализация означала бы существенное ограничение усмотрения государств-членов в сфере определения круга своих граждан. Тем не менее сама постановка вопроса свидетельствует о трансформации гражданства ЕС: оно перестает быть исключительно производным и начинает выполнять функцию критерия оценки национальных институтов гражданства.

Таким образом, правовой статус неграждан прибалтийских государств представляет собой показательный пример, выявляющий внутренние противоречия конструкции гражданства Европейского Союза. Формально не являясь гражданами государства-члена, такие лица обладают рядом характеристик, сближающих их с носителями национальной принадлежности. Это подтверждает, что границы персонального действия права ЕС не всегда могут быть определены исключительно через формально-юридические категории национального права.

Отмеченная выше конструкция «вертикального двойного гражданства», предлагаемая в ЕС, позволяет поставить вопрос о возможности существования сходных форм множественной правовой принадлежности и в рамках иных интеграционных объединений. Особый интерес в этом отношении представляет Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь, учредительные акты которого непосредственно закрепляют

---

[374] de Groot G.R., Vonk O., Swider K. *European Parliament Study on EU Citizenship*. 2015. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536476/IPOL_STU(2015)536476_EN.pdf

[375] Kochenov D., Dimitrovs A. EU Citizenship for Latvian Non-Citizens: A Concrete Proposal // European Papers. 2019. Vol. 4. No. 1. P. 239–248.

категорию гражданства Союзного государства. В соответствии с Договором о создании Союзного государства гражданами Союзного государства являются граждане государств-участников[376]. Следовательно, как и в Европейском Союзе, возникновение союзного гражданства обусловлено наличием гражданства одного из государств, участвующих в интеграционном объединении: оно не приобретается самостоятельно и прекращается вследствие утраты соответствующей национальной принадлежности.

Производный характер союзного гражданства сочетается с предоставлением его обладателям дополнительных прав, выходящих за пределы правового содержания национального гражданства. Союзное регулирование предусматривает, в частности, дополнительные возможности в сфере свободы передвижения и проживания на территории государств-участников, участия в общественно-политической жизни, а также защиты гражданина дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями другого государства-участника в третьих государствах в предусмотренных случаях. Тем самым правовой статус лица оказывается одновременно связанным с национальным правопорядком государства его гражданства и с интеграционным правопорядком Союзного государства.

Вместе с тем формальное сходство конструкций гражданства Европейского Союза и Союзного государства не позволяет говорить об их содержательной эквивалентности[377]. Принципиальное отличие гражданства ЕС заключается в достигнутой степени автономизации наднационального статуса. Как было показано выше, право Европейского Союза не только предоставляет гражданину самостоятельный комплекс непосредственно реализуемых прав, но и способно оказывать обратное нормативное воздействие на осуществление государствами-членами собственной компетенции в сфере гражданства. Именно данное взаимодействие –

[376] Статья 14 Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 О создании Союзного государства // Бюллетень международных договоров, N 3, 2000.
[377] Иванова М.И. Перспективы развития союзного гражданства России и Белоруссии // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 83–88.

производность наднационального статуса от национального гражданства при одновременном обратном воздействии первого на второй – позволяет характеризовать европейскую модель как уже сформировавшуюся разновидность «вертикального двойного гражданства».

Гражданство Союзного государства России и Беларуси в настоящее время представляет менее автономизированную модель интеграционной правовой принадлежности. При наличии производного союзного статуса и установленного им дополнительного комплекса прав не сформирован сопоставимый с правом Европейского Союза наднациональный механизм, посредством которого гражданство Союзного государства оказывало бы самостоятельное нормативное воздействие на национальные институты гражданства государств-участников. Поэтому представляется преждевременным полностью отождествлять союзное гражданство с предложенной в настоящем исследовании моделью «вертикального двойного гражданства». Вместе с тем само существование подобной конструкции свидетельствует о более общей тенденции развития института гражданства в условиях международной интеграции: наряду с классической горизонтальной множественностью гражданств государств возникают производные интеграционные статусы, дополняющие национальное гражданство и формирующие дополнительный уровень правовой принадлежности личности.

Таким образом, гражданство Европейского Союза представляет собой уникальную правовую конструкцию, сочетающую зависимость от национального гражданства и одновременно определенную степень автономии. Оно не может существовать без гражданства государства-члена, однако после возникновения начинает функционировать как самостоятельный фактор, влияющий на национальное регулирование и формирующий новые юридические связи в рамках европейского правопорядка. В этой связи представляется обоснованным рассматривать гражданство Европейского Союза не только как производное от национального гражданства правовое явление, но и как элемент особой формы множественного гражданства. Речь

идет не о классическом горизонтальном двойном гражданстве, при котором лицо одновременно обладает гражданством двух или более государств, а о специфической конструкции, возникающей в рамках правопорядка ЕС и склонной к автономизации.

Гражданство государства-члена и гражданство Европейского Союза существуют не параллельно, а в отношениях юридической иерархии и функционального взаимодействия. При этом совокупность данных статусов формирует особый тип двойного гражданства, который может быть охарактеризован как «вертикальное двойное гражданство». В рамках данной конструкции национальное гражданство выступает в качестве основания возникновения статуса гражданина Союза, тогда как гражданство ЕС, в свою очередь, трансформирует содержание правового положения лица, расширяя объем его прав и влияя на пределы усмотрения государства в сфере гражданства. Тем самым возникает взаимосвязанная система правовых статусов, в которой наднациональный уровень начинает оказывать обратное воздействие на национальный.

Особое значение данной модели проявляется в ситуациях утраты или изменения гражданства государства-члена, поскольку такие решения способны повлечь прекращение статуса гражданина Европейского Союза и, как следствие, затронуть сферу действия права Европейского Союза. Это подтверждается практикой Суда Европейского Союза, в частности делом *Rottmann*, в котором было признано, что национальные решения в сфере гражданства подлежат оценке с точки зрения их соответствия праву Союза.

Таким образом, гражданство Европейского Союза в сочетании с гражданством государства-члена образует особую форму двойного гражданства «по вертикали», в рамках которой происходит взаимодействие национального и наднационального правопорядков. Данная конструкция позволяет по-новому взглянуть на традиционные подходы к институту множественного гражданства и свидетельствует о трансформации классических представлений о гражданстве в условиях интеграции. Именно

поэтому гражданство ЕС следует рассматривать не как второстепенное приложение к национальному статусу, а как самостоятельный элемент многоуровневой правовой идентичности, в рамках которой личность одновременно включена в национальное и наднациональное правовое пространство.

4. Двойное гражданство в непризнанных и частично признанных государствах

Проблема двойного гражданства, сама по себе являющаяся одной из наиболее сложных в международном частном и публичном праве, приобретает особую остроту в контексте новых территориальных образований, которые появились на мировой карте после значительных геополитических перемен конца XX века, особенно в 90-е годы. Отечественная юриспруденция обычно разделяет эти образования на две категории: «непризнанные» и «частично признанные государства» [378].

В зарубежной научной литературе проблематика государственности территориальных образований с неопределенным международно-правовым статусом характеризуется использованием широкого спектра терминов – таких как «спорные государства» (*contested states*), «непризнанные государства» (*unrecognized states*), «квазигосударства» (*quasi-states*), «государства де-факто» (*de facto states*)[379]. Разнообразие этой терминологии отражает не только различие в теоретико-правовых подходах к определению степени их суверенности, но и глубинные различия в восприятии их легитимности, субъектности и роли в международной системе.

[378] См, например: Цховребов К.И. Проблемы статуса непризнанных и частично признанных государств в современном мире // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2013. № 4. С. 186-189; Соколов С.Н. Непризнанные и частично признанные государства на политической карте мира // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Нижневартовск. 8 февраля 2013 года. С. 43-45; Демичева Т.А. Международно-правовое признание государств: непризнанные и частично признанные государства // Киберюрист. 2020. № 4. С. 14-20.

[379] Gezim Krasniqi. Contested States as Liminal Spaces of Citizenship: Comparing Kosovo and the Turkish Republic of Nothern Cyprus // Ethnopolitics. 2019. Vol. 18. Issue 3. P. 298.

В отечественной же науке международного права преимущественное использование терминов «непризнанные» и «частично признанные государства» представляется более корректным и методологически оправданным. Эти формулировки точнее фиксируют юридическую природу данных образований, указывая на степень их интеграции в систему международных отношений и масштабы международного признания.

С точки зрения правового содержания, к числу частично признанных государств целесообразно относить такие образования, суверенитет которых признан ограниченным числом государств – членов Организации Объединенных Наций, что, в свою очередь, обуславливает функционирование их международной правосубъектности преимущественно в рамках двусторонних отношений с признающими их государствами. К данной категории на современном этапе обычно относят: Республику Китай (Тайвань), Сахарскую Арабскую Демократическую Республику, Турецкую Республику Северного Кипра, Государство Палестина, Республику Южная Осетия, Республику Абхазия, Республику Косово и некоторые другие.

К непризнанным государствам следует относить образования, суверенитет которых не признан ни одним государством – членом ООН, вследствие чего их участие в международных отношениях ограничивается, как правило, неформальными, гуманитарными или экономическими контактами. Примерами подобных образований являются Приднестровская Молдавская Республика и Республика Сомалиленд; до недавнего времени к ним относились также Донецкая и Луганская народные республики.

Такое разграничение, основанное на критерии степени международного признания, позволяет не только систематизировать существующую терминологию, но и выстроить более четкую юридическую модель анализа статуса данных образований в контексте современного международного права.

Каждое непризнанное или частично признанное государственное образование, стремясь воспроизвести основные признаки государственной

суверенности, формирует собственный институт гражданства как элемент внутренней системы правопорядка и символ государственной идентичности. Однако правовое значение такого гражданства носит исключительно ограниченный характер.

Ввиду отсутствия международного признания их государственности, документы, удостоверяющие гражданство и личность, выданные органами власти подобных образований, не обладают юридической силой на территории большинства государств. В результате граждане таких территорий оказываются в своеобразной правовой изоляции – их гражданско-правовой статус не признается в большинстве стран мира, а значит, не порождает правовых последствий в отношениях с ними и международными организациями.

Эта ситуация создает значительные ограничения в реализации фундаментальных прав личности – в первую очередь, права на свободу передвижения, трудоустройство, образование, предпринимательскую деятельность и консульскую защиту за рубежом. Вынужденным следствием становится массовое приобретение гражданами непризнанных и частично признанных государств гражданства других стран, что позволяет им легализовать свое положение в международном правопорядке и обеспечить доступ к базовым возможностям, гарантируемым правом признанных государств.

Таким образом, феномен двойного и множественного гражданства в подобных образованиях имеет не столько политико-правовую, сколько экзистенциально-прикладную природу – он выступает инструментом компенсации ограниченной международной правосубъектности их «внутреннего» гражданства. Именно поэтому институт множественного гражданства среди жителей непризнанных и частично признанных государств приобретает системный и массовый характер, являясь не следствием свободного волеизъявления, а часто реакцией на объективную необходимость участия в международных отношениях и обеспечения свободы передвижения.

Так практически всего граждане Приднестровской Молдавской Республики имеют также гражданство Российской Федерации или Республики Молдова. При этом, ни Российская Федерация, ни Республика Молдова не признают государственности самой Приднестровской Молдавской Республики.

Часть граждан Абхазии, Южной Осетии, Косова, Тайваня также являются обладателями гражданств стран, не признающие суверенитет данных государств.

Таким образом, мы сталкиваемся с распространенным явлением – сосуществованием двух гражданских статусов у одного и того же лица: один статус подтвержден (членством государства в ООН), другой – оспорен (статусом непризнанного образования).

Следует отметить, что Указом Президента Российской Федерации от 24 апреля 2019 года № 183 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» [380] был установлен особый правовой режим приобретения гражданства Российской Федерации для жителей Донецкой и Луганской Народных Республик[381]. На момент издания данного нормативного акта указанные образования не имели международного признания, что придавало инициативе Российской Федерации выраженный гуманитарный и политико-правовой характер.

Фактически данный указ стал инструментом правовой интеграции населения непризнанных территорий в российское гражданско-правовое пространство, направленным на обеспечение социальной и правовой защищенности их жителей, которые, в силу отсутствия признанного международного статуса своих документов, были существенно ограничены в

[380] Указ Президента Российской Федерации № 183 от 24 апреля 2019 года «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» // СПС КонсультантПлюс.
[381] В первоначальной редакции Указа на дату подписания речь шла о лицах, постоянно проживающих на территориях отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины.

реализации базовых прав. Установление упрощенной процедуры приема в гражданство Российской Федерации означало расширение юрисдикции России на гуманитарном уровне, а также формировало предпосылки для закрепления устойчивой правовой связи между Российской Федерацией и населением данных территорий.

С правовой точки зрения реализация положений Указа № 183 привела к массовому возникновению случаев множественного гражданства, поскольку значительная часть жителей Донецкой и Луганской Народных Республик, сохраняя гражданство своих непризнанных образований, одновременно приобрела гражданство Российской Федерации.

Таким образом, данный указ не только увеличил численность лиц с множественным гражданством, но и стал прецедентом трансформации института гражданства как инструмента гуманитарного и внешнеполитического воздействия, что имеет важное значение для осмысления современного развития российского законодательства и международной практики в сфере гражданства.

Феномен двойного гражданства, возникающий в связи с наличием у лица гражданства непризнанного или частично признанного государства наряду с гражданством признанного государства, порождает сложные и многослойные правовые коллизии, требующие системного теоретического и практического осмысления. Возникает целый ряд вопросов, имеющих принципиальное значение для правоприменения и определения содержания публично-правового статуса таких лиц, а именно:

- какие нормы национального права обладают приоритетом в случае столкновения юрисдикций различных государств;
- каким образом возможно согласовать «эффективную» политико-правовую связь индивида с непризнанным образованием с формально-юридическим признанием только гражданства легитимного государства;

– следует ли рассматривать гражданина Российской Федерации, обладающего паспортом Республики Косово, как лицо с двойным гражданством, если Российская Федерация не признает суверенитет данного образования;
– можно ли квалифицировать как бипатрида гражданина США, одновременно имеющего гражданство Республики Южная Осетия, при том, что Соединенные Штаты Америки официально не признают существование этого государства;
– распространялись ли до признания суверенитета Донецкой и Луганской Народных Республик Российской Федерацией ограничения, установленные для лиц с двойным гражданством, на граждан Российской Федерации, обладавших паспортами этих республик.

Последний из указанных вопросов демонстрирует особенно острое проявление правового парадокса, возникающего на пересечении внутреннего законодательства и внешнеполитической позиции государства. С одной стороны, национальное законодательство (в частности, Конституция Российской Федерации и федеральные законы) устанавливает ряд ограничений для граждан, имеющих гражданство иностранного государства – например, запрет на занятие ряда государственных должностей или прохождение федеральной государственной службы. С другой стороны, внешнеполитическая доктрина государства может исходить из непризнания суверенитета второго образования, а, следовательно, и юридического отсутствия его гражданства.

Возникает своеобразный правовой вакуум: государство, провозглашая ограничения для лиц с двойным гражданством, юридически не может применить эти нормы к гражданам, обладающим «гражданством» образования, которое не признано субъектом международного права. Таким образом, внутренние ограничения фактически утрачивают применимость к этой категории лиц, поскольку отсутствует объект их правового регулирования в смысле международного признания.

Иными словами, гражданин Российской Федерации, обладающий паспортом Приднестровской Молдавской Республики, не подпадает под определение бипатрида в контексте российского законодательства, так как само «гражданство Приднестровья» не обладает юридической силой в международном и национальном правопорядке. Следовательно, правовая связь между данным лицом и непризнанным образованием существует лишь в фактической плоскости, не создавая для государства обязанностей по признанию соответствующего статуса.

Таким образом, описанная ситуация выявляет коллизию между формально-юридическим подходом и политико-правовой реальностью, демонстрируя ограниченность традиционных механизмов правового регулирования феномена гражданства в условиях неопределенного государственного суверенитета и фрагментации международного правопорядка.

По существу, отсутствие международного признания трансформируется в механизм, нейтрализующий действие публично-правовых ограничений, касающихся участия граждан в управлении делами государства, занятии государственных должностей и прохождении службы. Тем самым формируется правовая аномалия, противоречащая целям и принципам, заложенным в законодательные предписания, – духу закона, направленного на обеспечение политико-правовой лояльности и исключение конфликта интересов при обладании множественными гражданствами.

В тоже время, необходимо признать, что Российская Федерация исторически применяла к непризнанным государственным образованиям и их документам прагматичный подход, основанный на *Realpolitik*, а не на строгом следовании международно-правовым догмам.

Иными словами, внешнеполитическая и правоприменительная практика Российской Федерации часто формировалась преимущественно под воздействием реальных гуманитарных и социальных потребностей населения соответствующих территорий, а не исходя из их формально-правового

международного статуса. Такой подход демонстрировал превалирование принципа фактической целесообразности и защиты прав человека над строгим следованием нормам классического международного признания.

Данная позиция находит обоснование в доктринальном положении, согласно которому «международное право определяет в качестве критерия законности и действительности того или иного акта непризнанного образования соответствие такого акта правам и интересам его жителей»[382]. Тем самым формируется своеобразная концепция функциональной правомерности актов непризнанных образований, ориентированная на защиту правопорядка и прав лиц, находящихся в условиях неопределенного международного статуса.

Продолжением и закреплением данной политики стал Указ Президента Российской Федерации от 18 февраля 2017 года № 74[383], утвердивший признание на территории Российской Федерации документов и регистрационных знаков транспортных средств, выданных органами власти Донецкой и Луганской народных республик. Указ придал юридическую силу широкому перечню актов гражданского состояния и иных правовых документов – удостоверений личности, свидетельств о рождении, браке, расторжении брака, перемене имени, смерти, а также документов об образовании и регистрации транспортных средств.

Тем самым Российская Федерация фактически признала правовую значимость актов данных образований в гуманитарных целях, заложив основу для частичного правового признания последствий их деятельности, не равнозначного признанию государственного суверенитета, но направленного

[382]Письмо Министерства иностранных дел Российской Федерации в Федеральную нотариальную палату Российской Федерации от 02.07.2007 № 8349/дп / взято с: https://old.notariat.ru/press_2491_23.aspx.htm

[383] Указ Президента Российской Федерации от 18 февраля 2017 года № 74 «О признании в Российской Федерации документов и регистрационных знаков транспортных средств, выданных гражданам Украины и лицам без гражданства, постоянно проживающим на территориях отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины» // СПС КонсультантПлюс

на обеспечение минимального уровня правовой определенности и социальной справедливости для их жителей.

Фактическая исключенность непризнанных и частично признанных государств из международной правовой системы неизбежно ложится тяжелым бременем на их граждан с двойным статусом.

Ввиду отсутствия международной правосубъектности у непризнанных и частично признанных государств, они *de jure* лишены возможности участвовать в международных соглашениях, регулирующих вопросы множественного гражданства, включая договорные механизмы распределения воинской обязанности между государствами. Непризнанный суверенитет исключает их способность становиться стороной международных договоров либо заключать полноценные двусторонние соглашения с большинством субъектов международного права.

Тем самым формируется правовой вакуум, в рамках которого лица, обладающие гражданством непризнанных или частично признанных государств, фактически исключены из сферы действия универсальных и региональных норм международного права, регулирующих вопросы гражданства, воинской обязанности и государственной ответственности. Это усиливает их уязвимость в международно-правовом и социальном аспектах, превращая проблему двойного гражданства в этих территориях из частноправового феномена в вопрос международной гуманитарной значимости.

В результате, такие лица фактически вынуждены нести двойную воинскую повинность, поскольку ни одно из государств (ни признанное, ни непризнанное) юридически не обязано признавать исполнение долга в другом. Таким образом, отсутствие широкого международного признания превращает формальный правовой статус в конкретный риск для гражданина, связанный с угрозой уголовной или административной ответственности за уклонение от службы в каждой из стран.

Общеизвестно, что институт двойного гражданства формирует особый, усложненный правовой статус личности, при котором индивид одновременно состоит в устойчивых политико-правовых, территориальных и социальных связях с двумя государствами, обладая полным объемом взаимных прав и обязанностей в отношении каждой из юрисдикций. Такая двойная правовая принадлежность наделяет лицо множественной государственной идентичностью, а его правосубъектность приобретает трансграничный характер, выходящий за рамки традиционного понимания единой государственной принадлежности.

Даже в контексте непризнанных или частично признанных государственных образований сохраняется фактическая и юридически релевантная связь индивида с институтами публичной власти, которая проявляется через наличие формализованных механизмов предоставления прав, возложения обязанностей и защиты интересов граждан. Эти образования, пусть и не признанные субъектами международного сообщества, функционируют как *de facto* носители публичной власти, обеспечивая выполнение базовых функций государства. Следовательно, формируемая ими связь обладает всеми признаками устойчивого юридического отношения между индивидом и публичной властью, соответствующего классическому понятию гражданства.

Однако ключевая теоретико-правовая дилемма заключается в ином: может ли такая связь, возникающая между лицом и непризнанным образованием, рассматриваться как связь с государством в международно-правовом смысле? Иными словами, сохраняет ли человек статус гражданина государства как полноправного субъекта международного права, либо его правовая связь носит локализованный, субнациональный характер, не создающий международно-правовых последствий? Именно в этом вопросе сосредоточена основная правовая коллизия института гражданства в условиях непризнанности государственного суверенитета.

Поскольку непризнанные и частично признанные образования не имеют всеобщего признания, возникает фундаментальная правовая коллизия: являются ли они вообще суверенными государствами *de jure*? Доктринальные разногласия по этому поводу ставят под сомнение легитимность их гражданства. Если образование не является государством в международно-правовом понимании, то и его «гражданство» может рассматриваться лишь как внутренний, не имеющий международной силы статус, что, в свою очередь, ставит под вопрос полноценный статус индивида как бипатрида.

С точки зрения международного права, рассматриваемые территориальные образования *de jure* обладают основными признаками государственности, закрепленными в Конвенции Монтевидео 1933 года – наличием постоянного населения, определенной территории, эффективной власти и способности вступать в отношения с другими государствами. Тем не менее, вопрос их международного признания представляет собой чрезвычайно сложную и политизированную категорию, выходящую за пределы как сугубо правового анализа, так и предмета данного исследования. В связи с этим данное исследование сознательно исключает проблему признания из предмета рассмотрения, сосредотачиваясь не на международно-правовом статусе самих образований, а на правовом положении их граждан, т.е. на фактической (*de facto*) правовой связи между индивидом и властью, реально осуществляющей публичные функции на соответствующей территории.

Российская правовая доктрина обоснованно указывает на то, что феномен признания или непризнания государств во многом определяется политической конъюнктурой и интересами крупных международных акторов – как отдельных государств, так и международных организаций [384] . Такая избирательная политика признания, по справедливому замечанию отечественных исследователей [385] , нередко вступает в противоречие с

[384] Цховребов К.И. Проблемы статуса непризнанных и частично признанных государств в современном мире // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2013. № 4. С. 189.
[385] Там же.

принципами международного права, в частности с правом народов на самоопределение и равенством субъектов международных отношений.

Подтверждение этому подходу можно найти и в практике Европейского суда по правам человека, который в ряде решений прямо указал, что факт непризнания государства не может служить основанием для игнорирования юридической реальности, затрагивающей права его жителей. Так, в прецедентном решении Суд подчеркнул, что международное право допускает признание правовых последствий некоторых актов непризнанных властей – таких, как регистрация рождения, смерти, брака или заключение иных гражданско-правовых сделок, – поскольку их полное игнорирование наносило бы прямой ущерб населению соответствующих территорий[386].

Данная правовая позиция восходит к Консультативному заключению Международного Суда ООН от 21 июня 1971 года по вопросу «Юридические последствия продолжающегося присутствия Южной Африки в Намибии (Юго-Западная Африка) вопреки резолюции 276 (1970) Совета Безопасности»[387], где также было указано, что непризнание государственного образования не отменяет необходимости защиты прав и законных интересов проживающих там лиц.

Таким образом, Европейский Суд по правам человека утвердил принцип верховенства прав человека над политико-дипломатическими формами признания. Суд исходит из того, что основные права и свободы личности, включая право на гражданство[388], обладают универсальным характером и не могут быть ограничены в силу неопределенности статуса территории или ее органов власти.

---

[386] Пункт 45 Решения Европейского суда по правам человека от 23 марта 1995 года № 15318/89 по делу «Лоизиду (Loizidou) против Турции». Доступ: https://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Loizidou_v_Turkey_18_12_1996.pdf

[387]Консультативное заключение Международного Суда ООН от 21 июня 1971 года «Юридические последствия для государств, вызываемые продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии (Юго-Западная Африка) вопреки резолюции 276 (1970) Совета Безопасности» URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf

[388] Статья 15 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года. URL: http://www.un.org/ru/ documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

Следовательно, императив международного права в интерпретации Европейского суда по правам человека заключается в следующем: независимо от уровня международного признания конкретного государственного образования, реальные юридические права и правовой статус личности, включая гражданство, подлежат признанию и защите. Этот подход обеспечивает непрерывность правосубъектности индивида и гарантирует защиту его прав даже в условиях неопределенности международно-правового статуса государства, под чьей юрисдикцией он фактически находится.

В отечественной юридической науке справедливо отмечается, что в правоприменительной практике ряда иностранных государств сформировался дуализм подходов к оценке юридической значимости действий и актов непризнанных государственных образований. С одной стороны, существует линия судебных решений, в которых национальные суды исходят из жесткой формально-правовой позиции: если государство не признано субъектом международного права, то, следовательно, оно не обладает правосубъектностью и, юридически, «не существует»[389]. В рамках такой логики суды отказываются признавать любые правовые последствия актов, исходящих от властей непризнанных образований, включая документы, сделки и иные юридически значимые действия. Применительно к экономическим и гражданско-правовым спорам подобная позиция нередко приводит к отказу в защите прав сторон, если их правосубъектность или предмет спора так или иначе связаны с непризнанным образованием.

В то же время, в ряде других судебных прецедентов за рубежом прослеживается противоположный подход, характеризующийся преобладанием принципа фактической необходимости и защиты правопорядка. В таких случаях суды признают отдельные элементы правосубъектности непризнанных государств, если их игнорирование привело бы к ущемлению прав и законных интересов граждан или юридических лиц.

[389] Барциц А.Л. Юридическая природа суверенитета непризнанных и частично признанных государств на примере Республики Абхазия // Государственная служба. 2015. № 2 (94). С. 92.

Так, в ряде дел национальные суды допускали возможность признания паспортов, свидетельств о регистрации и иных официальных документов, выданных властями непризнанных территорий, а также признавали правосубъектность юридических лиц, зарегистрированных в данных образованиях, при условии, что это необходимо для защиты прав участников гражданского оборота[390].

Таким образом, судебная практика зарубежных государств демонстрирует отсутствие единообразного подхода: одни юрисдикции строго следуют принципу непризнания и, как следствие, полного правового отрицания таких образований, другие же — опираются на доктрину «эффективной власти» (*effectivité*) и признают ограниченную юридическую силу актов и институтов непризнанных территорий, если это служит целям справедливости, правовой определенности и защиты прав человека.

Судебные решения по делам Romania v. Cheng[391] и Parent v. Singapore Airlines Ltd [392] представляют собой показательные прецеденты, в рамках которых национальные судебные органы столкнулись с необходимостью правовой квалификации статуса Тайваня. Особенно значимым является решение по делу Parent v. Singapore Airlines Ltd, где суд, руководствуясь Конвенцией Монтевидео 1933 года[393], пришел к выводу о том, что Тайвань в совокупности обладает всеми признаками государственности – наличием постоянного населения, определенной территории, эффективного правительства и способности вступать в отношения с другими государствами. При этом суд принял во внимание *de facto* практику канадской исполнительной власти, признающей «эффективную политическую независимость Тайваня» [394] , что фактически свидетельствует о его международной правосубъектности вне рамок формального признания.

---

[390] Там же.
[391]Судебная практика Канады: Romania v. Cheng, N.S.R.2d 13, 45, 1997.
[392]Судебная практика Канады: Parent v. Singapore Airlines Ltd., R.J.Q. 2003
[393] Конвенция о правах и обязанностях государств. Монтевидео. 26 декабря 1933 года. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%20165/v165.pdf
[394]Судебная практика Канады: Parent v. Singapore Airlines Ltd., R.J.Q. 2003

Данные решения демонстрируют, что национальные суды в отдельных юрисдикциях способны выходить за пределы ортодоксальной концепции государственного признания и, руководствуясь принципом реальности правового регулирования, оценивать статус территориальных образований на основе критерия эффективности (*effectivité*), а не формального признания (*de jure*). Такой подход указывает на растущее расхождение между политико-дипломатическими установками государства и судебной практикой, ориентированной прежде всего на обеспечение правосудия и защиту интересов сторон.

Однако, как справедливо представляется, подобные решения имеют ограниченную ценность в контексте международного права, поскольку они опираются преимущественно на национальные правовые системы и внутренние доктрины судебного усмотрения, нередко игнорируя универсальные принципы международного публичного права, включая нормы о признании государств и развитие международно-правовых стандартов в области защиты прав человека. Тем самым, они иллюстрируют тенденцию фрагментации международного правопорядка, когда национальные суды, действуя в рамках своего внутреннего мандата, фактически создают локальные правовые режимы признания, не совпадающие с международно-правовыми позициями государств и международных организаций.

Представляется, что выводы Л.А. Бердегуловой, согласно которым отсутствие международного признания легитимности самопровозглашенного государства автоматически исключает возможность признания юридического гражданства лиц, ассоциированных с таким образованием по территориальному или этнокультурному признаку [395], а правовой статус гражданина квази-государства носит производный характер от международно-

[395] Бердегулова Л.А. Совершенствование правовой модели статуса гражданина квази-государственного образования // Вопросы российского и международного права. 2017. № 1А. С. 13.

правового положения самого образования[396], не выдерживают критики с позиций современного международного права прав человека.

Несостоятельность данной позиции заключается в методологической подмене понятий: смешении политико-дипломатического статуса территории с неотъемлемым правом человека на гражданство как элементом его правосубъектности. Утверждение, что юридическое гражданство может быть поставлено в зависимость от степени признанности государства, игнорирует эволюционное развитие международно-правовой доктрины, в рамках которой право на гражданство рассматривается не как производная категория от государственности, а как самостоятельное и универсальное субъективное право, вытекающее из достоинства человеческой личности и защищаемое независимо от международно-политических обстоятельств.

Современное международное право, начиная с Всеобщей декларации прав человека 1948 года[397], исходит из того, что ни одно государство или международная организация не вправе лишать индивида гражданства или отказывать в признании его юридической связи с обществом, если такая связь имеет фактический и социально-правовой характер. Следовательно, отказ в признании гражданства лишь на основании непризнанности государства представляет собой нарушение принципа недискриминации и уважения человеческого достоинства, лежащего в основе международной системы защиты прав человека.

Историко-правовой анализ подтверждает, что начиная с Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе[398], Парижской хартии для новой Европы[399] и других ключевых

---

[396] Бердегулова Л.А. Совершенствование правовой модели статуса гражданина квази-государственного образования // Вопросы российского и международного права. 2017. № 1А. С. 16.
[397] Статья 15 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года. URL: http://www.un.org/ru/ documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
[398]Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI.- М., 1977. С. 544 - 589.
[399]Парижская хартия для новой Европы от 21 ноября 1990 года // Действующее международное право. Т. 1.- М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 42 - 54.

документов «человеческого измерения» [400], международное сообщество окончательно утвердило примат защиты прав человека над политическими и дипломатическими соображениями. Эти акты закрепили понимание того, что уважение прав и свобод личности является вопросом не внутренней компетенции, а общего интереса всего международного сообщества [401], а значит, а значит может быть относено к сфере императивных норм международного права (*jus cogens generalis*).

Таким образом, попытка увязать легитимность гражданства с международным признанием государства противоречит самой сути современного международного правопорядка, в котором индивид признается самостоятельным носителем международных прав и обязанностей, а его юридическая связь с определенным сообществом не может быть поставлена в зависимость от политической конъюнктуры.

На наш взгляд, нецелесообразным и явно экстерриториальным является подход, когда внутреннее законодательство одного государства фактически дезавуирует правовой статус гражданства другой территории.

Ярким примером служит Закон о гражданстве Израиля 1952 года[402]. На его основании израильские судебные органы вынесли решения, согласно которым палестинское гражданство признавалось «лишенным содержания»[403] или юридической силы. Такой подход представляет собой попытку распространить правовую оценку на правовые отношения, находящиеся вне юрисдикции Израиля.

---

[400] Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после Совещания. - М.: Издательство политической литературы, 1989; Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (Подписан в г. Копенгагене 29.06.1990); Документ Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (Подписан в г. Москве 03.10.1991) // Советский журнал международного права. 1991. N 3 - 4. С. 115 - 133.

[401] Венская декларация и программа действий, принята в г. Вене 25 июня 1993 года на 2-ой Всемирной конференции по правам человека // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. - М.: БЕК, 1996. С. 521 - 540.

[402] Закон о гражданстве Израиля 1952 года. URL: https://concierge-israel.com/wp-content/uploads/2023/05/tekst_zakona_o_grazhdanstve_na_russkom.pdf

[403] Толстых В.Л., Ааси Дж. Палестинское гражданство: прошлое, настоящее, будущее // Московский журнал международного права. 2019. № 4. С. 31–45.

Однако, как отмечает юрист Мутаз Кафишех[404], несмотря на отсутствие полной независимости Палестины как государства[405], ее гражданство должно рассматриваться как «полноценный» правовой институт. Этот контраргумент подчеркивает, что фактическая связь индивида с властью, даже если она не обладает полным международным суверенитетом, является реальной и не может быть просто аннулирована внутренним законодательством другой страны. Таким образом, в этом вопросе сталкиваются суверенное право государства определять своих граждан и реальность правового статуса жителей оспариваемых территорий.

В зарубежной науке встречается подход, согласно которому ограниченный или неполный суверенитет государства не устраняет сам институт гражданства, а лишь обусловливает ограниченность его функциональной реализации и правовых последствий[406]. Иными словами, даже в условиях частичной или спорной государственности сохраняется внутренняя нормативная структура гражданско-правовой связи между индивидом и властью, пусть и с ограниченным действием на международной арене.

Так, Гезим Красники[407] указывает, что оспариваемость суверенитета и неопределенность международно-правового статуса неизбежно снижают эффективность гражданства, поскольку затрудняют реализацию связанных с ним индивидуальных прав, включая международную защиту и дипломатическое представительство. Однако данное обстоятельство, на наш взгляд, не затрагивает саму сущность гражданства как правового института,

---

[404] Qafisheh, Mutaz. 2007. The International Law Foundations of Palestinian Nationality. A Legal Examination of Palestinian Nationality under the British Rule. Genève. 339 p. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/20642418.pdf(accessed date: 01.08.2019).

[405] Речь идет о палестинском гражданстве, имевшем место в рамках Британского мандата на управление Палестиной и существовавшем с 1925 года по 1948 год.

[406] Khalil, Asem. (2007). Palestinian nationality and citizenship current challenges and future perspectives. CARIM research reports 2007/07. San Domenico di Fiesole: European University Institute (EUI) and the Robert Schuman Centre for Advanced Studies (RSCAS). P. 39.

[407] Gezim Krasniqi. Contested States as Liminal Spaces of Citizenship: Comparing Kosovo and the Turkish Republic of Nothern Cyprus // Ethnopolitics. 2019. Vol. 18. Issue 3. P. 311.

закрепляющего устойчивую связь человека с территорией, народом и системой публичной власти.

Представляется, что юридическая природа гражданства формируется прежде всего в рамках внутреннего правопорядка, который определяет объем и содержание взаимных прав и обязанностей между государством и его гражданином. Следовательно, вопрос международного признания не влияет на существование этой связи, а лишь ограничивает ее трансграничное действие, в частности, способность государства осуществлять дипломатическую и консульскую защиту своих граждан за пределами собственной юрисдикции.

Таким образом, международно-правовая ограниченность частично признанных или непризнанных государств не аннулирует гражданство как институт, а лишь трансформирует его функциональную сферу. Гражданство в таких случаях сохраняет внутреннюю нормативную действительность, но приобретает ограниченную внешнюю применимость, что выражается, прежде всего, в невозможности полноценного участия в международных отношениях и защиты своих граждан на межгосударственном уровне.

В контексте лиц с двойным гражданством, включающим гражданство признанного государства и гражданство непризнанного или частично признанного государства, непризнанный статус второго формирует двойное ограничение на осуществление консульской и дипломатической защиты:

1. с точки зрения государства, в котором возник спор или инцидент, наличие второго гражданства фактически игнорируется. Государство может не признавать существование непризнанного гражданства, что автоматически исключает возможность квалифицировать гражданина как носителя «эффективного» или «действительного» гражданства непризнанного образования. В такой ситуации индивид рассматривается исключительно как гражданин признанного государства, и любые претензии со стороны второго государства остаются формально несуществующими.

2. с точки зрения непризнанного или частично признанного государства возникают значительные препятствия в реализации своих обязанностей по консульской и дипломатической защите. Отсутствие международного признания лишает такое образование возможностей полноценно действовать на международной арене, включая представление интересов своих граждан перед третьими государствами.

Тем не менее, данная коллизия права имеет юридическое разрешение, опирающееся на современные принципы международного права:

- Лицо с двойным гражданством может быть защищено государством, гражданство которого признано в международном сообществе, что позволяет реализовать права и интересы гражданина даже в случае формального непризнания второго государства.
- Международный Суд ООН в своей практике подтверждает, что меры дипломатической защиты могут осуществляться не только государствами в классическом понимании, но и иными субъектами международного права [408] , что создает дополнительный правовой механизм защиты граждан непризнанных или частично признанных образований.

Таким образом, несмотря на формальные ограничения, международное право обеспечивает альтернативные пути защиты прав бипатридов, ориентируясь на фактическую юридическую связь человека с государством и на универсальные принципы защиты прав человека.

Вывод Гезима Красники о ключевой значимости института множественного гражданства для непризнанных и частично признанных государств представляется убедительным и закономерным [409] . В данном контексте речь идет о сознательной, прагматичной стратегии таких

[408] См. подробнее: Консультативное заключение Международного суда ООН по делу о возмещении за увечье, причиненное на службе в ООН, от 11 апреля 1949 г. URL: https://studfile.net/preview/21808142/page:15/

[409] Gezim Krasniqi. Contested States as Liminal Spaces of Citizenship: Comparing Kosovo and the Turkish Republic of Nothern Cyprus // Ethnopolitics. 2019. Vol. 18. Issue 3. P. 312.

образований, направленной на расширение правового статуса их граждан посредством приобретения ими второго (или нескольких) гражданств. Этот механизм обеспечивает лицам, проживающим в непризнанных юрисдикциях, доступ к полноценной правовой защите, расширенному спектру прав и возможностей, которые они не могут реализовать исключительно на территории собственных государств. Фактически множественное гражданство выступает инструментом снижения правовых и функциональных ограничений, накладываемых международной непризнанностью, и создает для граждан непризнанных государств оптимальные условия для правовой и социальной мобильности в глобальном правовом пространстве.

А.А. Яковлев справедливо обращает внимание на фундаментальный аспект международно-правового регулирования гражданства, утверждая, что в международном праве юридическую значимость имеет не факт признания множественного гражданства государствами, а сам объективный статус лица, состоящего в гражданстве двух или более государств[410]. С этой точки зрения, каждое из гражданств, которым обладает индивид, обладает самостоятельной юридической действительностью, вне зависимости от того, признаются ли соответствующие государства друг другом или международным сообществом.

Подобный подход, по нашему мнению, наиболее полно отражает природу гражданства как устойчивой и фактической правовой связи между личностью и государством. Ключевое значение здесь имеет наличие у индивида комплекса прав и обязанностей, вытекающих из национального законодательства соответствующего государственного образования, а не его международный статус или степень признания другими субъектами международного права.

Следует подчеркнуть, что непризнание государственности определенного образования на международной арене не аннулирует

[410] Яковлев А.А. Правовое регулирование вопросов гражданства: соотношение международного права и права Российской Федерации: диссертация … кандидата юридических наук: 12.00.10. – Тюмень, 2003. С. 196.

юридическую силу правовых обязательств, возникающих у его граждан. Индивид продолжает быть обязанным соблюдать правопорядок, установленный на территории данного образования, включая исполнение воинской обязанности, уплату налогов и иные формы правового участия в жизни общества.

Таким образом, международное признание носит преимущественно политико-декларативный характер и не должно затрагивать сущность гражданства как категории внутреннего публичного права, выражающей фактическую и юридическую принадлежность лица к конкретной системе государственной власти. В этом смысле гражданство следует рассматривать не как отражение политической конъюнктуры, а как объективную юридическую связь, обеспечивающую реализацию правосубъектности человека в рамках определенной юрисдикции.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о существенной трансформации международно-правового регулирования двойного гражданства. Возникнув первоначально как следствие несовпадения национальных правопорядков и рассматриваясь государствами преимущественно в качестве нежелательной правовой аномалии, двойное гражданство постепенно приобрело характер устойчивого международно-правового явления, непосредственно связанного с развитием трансграничной мобильности населения, расширением международно-правовой защиты личности и усложнением форм ее правовой принадлежности.

Исторически международно-правовое регулирование двойного гражданства было направлено прежде всего на сокращение случаев множественной гражданской принадлежности и устранение вызываемых ею коллизий государственных юрисдикций. Такой подход основывался на представлении о гражданстве как исключительной политико-правовой связи индивида с одним государством и обусловливался стремлением государств обеспечить единство политической лояльности, определенность публично-правовых обязанностей и исключительность собственной юрисдикции в отношении граждан.

Развитие международного права прав человека, интенсификация миграционных процессов, расширение свободы передвижения, увеличение числа смешанных браков и формирование устойчивых транснациональных связей обусловили постепенное изменение данного подхода. Международное право не устанавливает универсального субъективного права лица на приобретение второго гражданства и сохраняет за государствами широкую компетенцию в вопросах определения круга собственных граждан. Вместе с тем осуществление данной компетенции уже не может рассматриваться как абсолютно свободное от международно-правовых ограничений. Международные обязательства в области прав человека, недискриминации, предотвращения безгражданства и защиты приобретенного правового статуса

личности постепенно ограничивают государственную дискрецию в сфере гражданства.

В результате международно-правовое регулирование двойного гражданства развивается от преимущественно государствоцентричной и коллизионной модели к модели правового баланса, предполагающей согласование суверенных интересов государств с необходимостью обеспечения прав и законных интересов личности.

Проведенное исследование позволяет также сделать вывод о том, что двойное гражданство не сводится к механическому сочетанию двух самостоятельных национальных гражданств. Возникновение у лица множественной гражданской принадлежности порождает специфический комплекс правоотношений: между лицом и каждым из государств его гражданства; между соответствующими государствами; а в определенных случаях – между лицом, государствами и международными институтами. Именно наличие самостоятельных международно-правовых последствий позволяет рассматривать двойное гражданство как особый комплексный институт, развитие которого определяется взаимодействием национального и международного права.

При этом современное международное право не формирует единого универсального режима двойного гражданства. Международно-правовое значение конкретного гражданства и последствия множественной гражданской принадлежности определяются характером соответствующих правоотношений и применимым международно-правовым режимом. В связи с этим формальное наличие у лица двух гражданств не во всех случаях является достаточным для определения его международно-правового положения.

Особенно отчетливо данная закономерность проявляется в институте дипломатической защиты. Историческое развитие международного права свидетельствует о постепенном отходе от абсолютного запрета дипломатической защиты одного государства гражданства против другого государства гражданства бипатрида. Существенное значение в этом процессе

приобрел критерий эффективности правовой связи, получивший классическое выражение в практике Международного Суда ООН и дальнейшее развитие в международной практике и работе Комиссии международного права ООН.

В современных условиях эффективное или преобладающее гражданство следует рассматривать не как универсальное правило разрешения любых коллизий множественного гражданства, а как функциональный критерий, содержание и значение которого зависят от характера конкретного международно-правового отношения. Само по себе формальное обладание гражданством не во всех случаях предопределяет возможность реализации связанных с ним международно-правовых последствий.

Эта тенденция особенно наглядно проявляется в международном инвестиционном праве. Анализ практики инвестиционных арбитражей свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к определению статуса инвестора – физического лица, обладающего гражданством нескольких государств, одно из которых является государством, принимающим инвестиции.

С одной стороны, формально-договорный подход исходит из приоритета текста международного инвестиционного соглашения: если договор прямо не исключает бипатридов из круга защищаемых инвесторов, международный арбитраж не вправе вводить дополнительное требование эффективного или преобладающего гражданства. С другой стороны, в арбитражной практике развивается функциональный подход, допускающий учет характера связи лица с государствами гражданства, обстоятельств приобретения соответствующего гражданства, целей инвестиционного договора и принципа добросовестности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о формировании предпосылок для сближения указанных подходов. При отсутствии прямого договорного регулирования формальный критерий гражданства не должен механически отрываться от природы защищаемого международного инвестиционного отношения. При определении международно-правового

статуса бипатрида-инвестора могут иметь значение реальный международный характер инвестиции, обстоятельства приобретения второго гражданства и отсутствие злоупотребления международной процедурой. При этом применение подобных критериев должно основываться на положениях конкретного международного договора и допустимых правилах его толкования, а не на автоматическом перенесении концепции эффективного гражданства из института дипломатической защиты.

Современное развитие международного права свидетельствует одновременно о возникновении форм правовой принадлежности, которые уже не полностью укладываются в классическое понимание двойного гражданства как одновременной принадлежности лица к двум государствам.

Наиболее показательным примером является гражданство Европейского Союза. Его особенность состоит в том, что оно не существует независимо от национального гражданства государства-члена и возникает исключительно на его основании. Вместе с тем гражданство Союза не сводится к простой производной характеристике национального гражданства. Оно наделяет лицо самостоятельным комплексом прав, гарантированных наднациональным правопорядком, а практика Суда Европейского Союза свидетельствует о способности данного статуса оказывать обратное нормативное воздействие на осуществление государствами-членами своей компетенции в сфере гражданства.

Это позволяет предложить для характеристики указанной конструкции понятие «вертикального двойного гражданства». Использование данной категории не означает признания Европейского Союза государством и не отождествляет гражданство Союза с классическим бипатризмом. Речь идет о функциональной модели многоуровневой правовой принадлежности, при которой национальный статус является юридическим основанием возникновения наднационального, тогда как приобретенный наднациональный статус способен воздействовать на пределы реализации государством своих полномочий в отношении национального гражданства.

Тем самым формируется вертикальная взаимосвязь двух уровней правовой принадлежности личности.

Особая разновидность проблем множественной правовой принадлежности возникает применительно к гражданству непризнанных и частично признанных государственных образований. Проведенный анализ позволяет разграничить внутреннюю нормативную действительность такого гражданства и его внешнее международно-правовое действие.

Отсутствие либо ограниченность международного признания соответствующего образования само по себе не устраняет фактически существующей публично-правовой связи лица с системой власти, реально осуществляющей властные функции на определенной территории. В рамках соответствующего правопорядка лицо может обладать комплексом прав и обязанностей, участвовать в публичной жизни, нести налоговые, воинские и иные обязанности. В этом смысле устанавливаемое таким правопорядком гражданство обладает внутренней нормативной действительностью.

Вместе с тем отсутствие международного признания либо его ограниченный характер существенно влияет на внешние последствия такого статуса. Другие государства не во всех случаях рассматривают соответствующую связь именно как иностранное гражданство и признают весь комплекс связанных с ним международно-правовых последствий. Однако непризнание не обязательно устраняет само существование правовой связи.

Проведенное исследование в целом свидетельствует о том, что развитие института двойного гражданства происходит не путем формирования единого универсального режима, одинаково применимого ко всем случаям множественной принадлежности, а посредством дифференциации международно-правовых механизмов ее регулирования.

Классическая горизонтальная модель двойного гражданства, основанная на одновременной принадлежности лица к двум государствам, сохраняет основополагающее значение. Однако наряду с ней современный международный правопорядок сталкивается с более сложными

конструкциями: множественным гражданством, значение которого определяется специальным международно-правовым режимом, как в инвестиционном праве; многоуровневой национально-наднациональной принадлежностью в праве Европейского Союза; а также гражданством непризнанных и частично признанных государств.

В связи с этим представляется, что дальнейшее развитие международно-правового регулирования двойного гражданства должно основываться не на стремлении к устранению самого феномена множественной принадлежности, а на выработке механизмов разрешения возникающих вследствие нее коллизий. Особое значение имеют развитие международного договорного регулирования, обеспечение правовой определенности в вопросах дипломатической и консульской защиты, распределения публично-правовых обязанностей бипатридов и определение правовых последствий множественного гражданства в специальных международно-правовых режимах.

При этом представляется преждевременным говорить о формировании единого универсального международно-правового режима двойного гражданства. Существенные различия в национальных подходах к гражданству, понимании политической лояльности, миграционной политике и вопросах государственного суверенитета объективно ограничивают возможности полной унификации.

Более перспективным направлением является постепенное формирование общих международно-правовых принципов регулирования последствий множественного гражданства при сохранении за государствами права определять основания приобретения и прекращения собственного гражданства. К числу таких ориентиров могут быть отнесены недопустимость произвольного лишения гражданства и дискриминации, предотвращение безгражданства, обеспечение правовой определенности, добросовестность осуществления прав, пропорциональность ограничений и учет характера реальной правовой связи лица с соответствующим государством.

Таким образом, основная тенденция развития исследуемого института заключается в переходе от восприятия двойного гражданства исключительно как коллизии двух государственных принадлежностей к признанию множественности и дифференциации форм правовой принадлежности личности в современном международном праве. Международно-правовое значение гражданства все в большей степени определяется не только формальным фактом наличия соответствующего статуса, но и характером регулируемых отношений, содержанием применимого международно-правового режима и теми правовыми последствиями, которые соответствующая принадлежность порождает для личности и государств.

Именно поэтому дальнейшее развитие института двойного гражданства представляется связанным не с его устранением, а с поиском международно-правовых механизмов, способных обеспечить баланс между суверенным правом государства определять круг собственных граждан и необходимостью эффективной защиты личности в условиях все более сложной и многоуровневой правовой принадлежности.

Библиографический список

Монографии, учебники, статьи и диссертации на русском языке

1. Абирбек С.Т. Право непризнанных государств в международном праве // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2021. № 1 (64). С. 266-276.
2. Андриченко Л.В. Миграционное законодательство в системе российского законодательства // Журнал российского права. № 3. 2018. С. 5-16.
3. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. С. 446. URL: http://www.opentextnn.ru/ man/index.html@id=5703
4. Барциц А.Л. Юридическая природа суверенитета непризнанных и частично признанных государств на примере Республики Абхазия // Государственная служба. 2015. № 2 (94). С. 92-95.
5. Белов А.В. Международно-правовые аспекты двойного гражданства: дис. … канд. Юрид. Наук. СПб., 2002; Джалилова Э.Э. К вопросу об институте двойного гражданства в России // Современное право. 2016. № 5. С. 34-39.
6. Бердегулова Л.А. Совершенствование правовой модели статуса гражданина квази-государственного образования // Вопросы российского и международного права. 2017. № 1А. С. 12-20.
7. Боярс Ю. Р. Вопросы гражданства в международном праве. М., 1986.
8. Боярс Ю.Р. Гражданство в международном и внутреннем праве. Рига, 1981.
9. Броули, Ян. Международное право: В 2 кн. / пер. с англ. С.Н. Адрианова; под ред. и со вступ. ст. Г.И. Тункина. М.: Прогресс, 1977. Кн. 2.
10. Ванюшин Я.Л. Конституционное право на гражданство и роль органов Федеральной миграционной службы в его реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.
11. Васильева Т.А. Эволюция института гражданства в Нидерландах. // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 12.

12. Вениаминова М.В. Договорное регулирование двойного гражданства в Испании // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 2. С. 198 - 215.

13. Викторова Н. Н. Злоупотребление правом со стороны индивидуальных инвесторов в инвестиционном арбитраже //Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3.

14. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.

15. Волох В. А., Воронина Н. А.. К вопросу о двойном гражданстве // Право и политика. 2018. № 1. С. 39 – 47.

16. Гасанов Ю.А. Конституционные угрозы двойного гражданства // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 4.

17. Гессен В.М. Подданство, его установление и прекращение. С.-Петербург. Типография «Правда», 1909.

18. Головакин А.В. Гражданство РФ – новый правовой статус. М.: Лаборатория книги, 2012.

19. де Ваттель, Эммерик. Право народов, или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960.

20. Демичева Т.А. Международно-правовое признание государств: непризнанные и частично признанные государства // Киберюрист. 2020. № 4. С. 14-20.

21. Джалилова Э.Э. К вопросу об институте двойного гражданства в России // Современное право. 2016. № 5. С. 34-39.

22. Исполинов А. С. Доктрина злоупотребления правом в международном праве // Международное правосудие. 2025. Т.15. №3(55). С.3–22.

23. Исполинов, А. С. Доктрина косвенного эффекта (согласованной интерпретации) в праве ЕС// Евразийский юридический журнал. 2010. № 10(29).

24. Камман, Карин. Допущение и поощрение множественного гражданства // Российский бюллетень по правам человека. 1994. № 3.

25. Кишкин С.С. Советское гражданство. М., 1925. С. 3.

26. Ковлер А.И. Двойное гражданство: панацея или ловушка? // Актуальные проблемы гражданства: Материалы международной научно-практической конференции по проблемам гражданства. Москва, 1995.

27. Коптев А.В. Кодификация Феодосия II и ее предпосылки. // Древнее право. № 1. 1996. С. 247 – 261. URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261957599

28. Кутафин О.Е. Российское гражданство. М., 2003. С. 81.

29. Международное право: особенная часть / отв. ред. И.И. Лукашук. М., 1998.

30. Международное право: учебник / отв. ред. В.И. Кузнецов. М., 2001.

31. Миронов О.О. Содержание категории «советское гражданство» // Проблемы конституционного права. Вып. 1 (2). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974.

32. Михайлова Е.В. Право на гражданство Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук, М., 2008.

33. Нагиева А.А. Дипломатическая защита бипатридов // Московский журнал международного права. 2015. № 2. С. 63-76.

34. Никитина Е. Е. Законодательство о гражданстве и совершенствование миграционной политики Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 7.

35. Полянская И.С., Дорожко Ф.Л., Назаров В.Ю. Сравнительно-правовой опыт решения проблем двойного гражданства в зарубежных странах и возможности его применения в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2013 год. № 6.

36. Решетнева Т.В. Применение принципа эффективного гражданства в международной практике государств: общие положения // Вестник ЮУрГУ. 2008. № 2.

37. Смирнова Е.С. Институт гражданства: статичность и перспективы национального и международно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 24 - 30.

38. Смирнова Е.С. Проблема определения прав лиц с множественным гражданством: движение от конституционного права к праву международному // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 4. С. 35 - 41.

39. Соколов С.Н. Непризнанные и частично признанные государства на политической карте мира // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Нижневартовск. 8 февраля 2013 года. С. 43-45.

40. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М. 1996. С. 100.

41. Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974.

42. Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 4: монографии. Содерж.: Миграционное право России: теория и практика. – М., 2018.

43. Хаммар, Томас. Государство, нация и двойное гражданство // Российский бюллетень по правам человека. 1994. № 3.

44. Цховребов К.И. Проблемы статуса непризнанных и частично признанных государств в современном мире // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2013. № 4. С. 186-189.

45. Черниченко С.В. Вопросы гражданства в современном международном праве: диссертация … кандидата юридических наук: 12.00.00. Москва, 1963.

46. Черниченко С.В. Международно-правовые вопросы гражданства. М.: Международные отношения. 1968.

47. Шелудякова Т.В., Зубарева А.В. Правовое регулирование статуса бипатрида в Российской Федерации: проблемы совершенствования // Миграционное право. 2014. N 4. С. 17 – 19.

48. Яковлев А.А. Правовое регулирование вопросов гражданства: соотношение международного права и права Российской Федерации: диссертация … кандидата юридических наук: 12.00.10. – Тюмень, 2003.

Монографии, статьи на иностранных языках

49. Aleinikoff T. A., Klusmeyer D. (2001). Plural Nationality: Facing the Future in a Migratory World, in: T. A. Aleinikoff, D. Klusmeyer (eds), Citizenship Today. Global Perspectives and Practices. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 2001. pp. 63–88.

50. Alvarez Rodríguez, Aurelia. Españoles en Costa Rica. Revisado el Convenio de doble nacionalidad // Carta España. Revista de Emigración e Inmigración. 1999. No. 537.

51. Bantekas I. An Introduction to International Arbitration. Cambridge, 2015. Ch. 4.

52. Bar-Yaacov, Nissim. Dual Nationality. London: Stevens & Sons. Ltd. 1961.

53. Basdevant, Jules. Conflits de nationalités dans les arbitrages vénézuéliens, Revue de droit international, 1909.

54. Battifol, Henri. Droit international privé, 2nd edition, Paris, 1955.

55. Bellamy, Richard. Citizenship: a very short introduction. Oxford University Press Inc., New York. 2008.

56. Bickel, Alexander M. The Morality of Consent. New Haven and London: Yale University Press. 1975.

57. Boll, Alfred M. Multiple Nationality and International law. Martinus Nijhoff Publishers. Leiden / Boston. 2007.

58. Borchard, Edwin M. The Diplomatic Protection of Citizens Abroad or the Law of International Claims. The Banks Law Publishing & Co. New York. 1925. URL: https://ia802505.us.archive.org/20/items/thediplomaticpro00borc/thediplomaticpro00borc_bw.pdf

59. Chan, Johannes M.M. “The right to a nationality as a human right. The current trend toward recognition”. Human Rights Law Journal, (1991) vol. 12.

60. Christoph Schreuer. The ICSID Convention: A Commentary. Cambridge University Press. 2009. URL:

https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/parties_publications/C8394/Claimants%27%20documents/CL%20-%20Exhibits/CL-0060.pdf .

61. Croft J. Non-Citizens in Estonia and Latvia: Time for Change in Changing Times? // OSCE Yearbook. 2015.

62. Crook, John. Law and Life of Rome, reprint. ed., Ithaca/New York: Cornell University Press, 1978.

63. De Brabandere E. Good Faith, Abuse of Process and the Initiation of Investment Treaty Claims // Journal of International Dispute Settlement. 2012. Vol. 3.

64. de Castro, Federico. La nationalité la double nationalité et la supra-nationalité. Recueil des cours. Académie de droit international. 1961. vol. 102. no. 1.

65. de Groot, Gerard-Rene. The European Convention on Nationality: a step towards a *ius commune* in the field of nationality law // Maastricht Journal of European and Comparative Law, vol. 7, no 2, 2000.

66. de Groot G.R., Vonk O., Swider K. *European Parliament Study on EU Citizenship*. 2015. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536476/IPOL_STU(2015)536476_EN.pdf.

67. Dillon, Sam. Mexico is Near to Granting Expatriates Voting Rights // The New York Times. June 16, 1996. URL: https://www.nytimes.com/1996/06/16/world/mexico-is-near-to-granting-expatriates-voting-rights.html.

68. Dimitris Liakopoulos. Critics and Aspects of the European Citizenship According to the CJEU: from Rottmann to Tjebbes and Others//Megatrend Review. Vol. 17, No 1, 2020.

69. Donner, Ruth. The Regulation of Nationality in International Law, 2nd ed., Irvington-on-Hudson, N.Y.: Transnational Publishers, Inc., 1994.

70. Douglas Z. The International Law of Investment Claims. Cambridge, 2009.

71. Encyclopaedia Britannica, 11th ed., Vol.1. URL: https://en.wikisource.org/wiki/1911_Encyclop%C3%A6dia_Britannica/Allegiance

72. Encyclopedia of Public International Law, Vol. 3, Amsterdam: Elsevier, 1997.

73. European citizenship under stress: social justice, Brexit, and other challenges / edited by Nathan Cambien, Dimitry Kochenov, and Elise Muir. Description: Leiden, the Netherlands; Boston: Koninklijke Brill NV, [2020].

74. European Commission, *70 Years of EU Law: A Union for Its Citizens* (Publications Office of the European Union 2022), https://data.europa.eu/doi/10.2880/02622

75. Faist, T., Gerdes J., Rieple B. Dual Nationality As a Path-Dependent Process, in: A. Portes, J. DeWind (eds), Rethinking Migration: New Theoretical and Empirical Perspectives. New York: Berghahn Books. 2007. pp. 90–121.

76. Faist, Thomas. Dual Citizenship as Overlapping Membership. Willy Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations 3/01. 2001.

77. Francesco Luigi Gatta. The If and the How: Losing the EU Citizenship, but with Due Regard to the Due Process of (EU) Law // European Papers. Vol. 9, 2024, No 1.

78. Franck, Thomas M. Clan and Superclan: Loyalty, Identity and Community in Law and Practice // American Journal of International Law. Vol. 90. 1996.

79. Franck, Thomas M. Community Based on Autonomy // Columbia Journal of Transnational Law. Vol. 36. 1997.

80. Gaillard E. Abuse of Process in International Arbitration // ICSID Review. 2017. Vol. 32. No. 1.

81. Galloway, J. Donald. The Dilemmas of Canadian Citizenship Law // Georgetown Immigration Law Journal. Vol. 13. 1999.

82. Ganczer, Monica. The Right to a Nationality as a Human Right? //Hungarian Yearbook of International Law and European Law 2014. Eleven International Publishing, The Hague. PP. 15-33.

83. García Olmedo J. Dual Nationals in Investment Treaty Arbitration: An Emerging Field of Inconsistent Decisions // EJIL: Talk!. 27 July 2023. URL: https://www.ejiltalk.org/dual-nationals-in-investment-treaty-arbitration-an-emerging-field-of-inconsistent-decisions/.

84. Georg Schwarzenberger. International Law. 1949.

85. Ginsburgs, George. Option of nationality in Soviet treaty practice 1917–1924. // The American Journal of International Law. 1961. vol. 55.

86. Goldstein, Eugene and Piazza, Victoria. Naturalization, Dual Citizenship and the Retention of Foreign Citizenship – A Survey. Interpreter Releases 517:61-73., 1996.

87. Gorny, Agata, Pudzianowska, Dorota. Country report: Poland. EUDO Citizenship Observatory. 2013. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/19631/RSCAS_EUDO_CIT_2013_26.pdf?sequence= 3&isAllowed=y

88. Griffin, W.L. “The Right to a Single Nationality”//40 Temple Law Quaterly. 1966.

89. Gustavo Minervini, Ana Fukai Sánchez Miguel Castro. Drawing Jurisdictional Limits: Reflective Loss and Dual Nationality in the Alicia Grace v. Mexico Award // Wolters Kluwer Arbitration Blog, 2025.

90. Haider-Quercia, Ulrike. Rechtsrahmen und Bedeutung der doppelten Staatsburgerschaften in Italien // International Law report: New issue: Europa ethnica. – Cincinnati, 2016. - Vol. 73, N 1/2. – S. 9-17.

91. Hammar, Tomas. Dual Citizenship and Political Integration. // International Migration Review. Vol. 19 No 3. 1985. pp. 438-450.

92. Hecker, Hellmuth. Die Doppelstaaterverträge des Ostblocks. WGO Monatshefte für Osteuropäisches Recht. 1986. P. 273–283.

93. Herzog, Ben. The Revocation of Citizenship in Israel // Israel Studies Forum, 25(1). 2010. pp. 57 – 72.

94. Hoffman, Rainer. Overview of Nationality and Citizenship in International Law // O'Leary, Siofra and Tilikainen, Teija (eds.). Citizenship and Nationality Status in the New Europe, London: Sweet & Maxwell. 1998. PP. 5-19.

95. Howard, Marc Morje. Variation in Dual Citizenship Policies in the Countries of the EU//The International Migration Review. Vol. 39, № 3 (Fall 2005).

96. Hunter, Virginia. Introduction: Status Distinctions in Athenian Law // Hunter, Virginia and Edmonson, Jonathan (eds.), Law and Social Status Classical Athens, Oxford: Oxford University Press. 2000.

97. Hyde, Charles Cheney. International Law: chiefly as interpreted and applied by the United States. Boston, Little, Brown and Company, 1945.

98. Jagielski, Jacek. Obywatelstwo polskie. Komentarz do ustawy, Warszawa: Wolters Kluwer Polska. 2016. URL: https://sip.lex.pl/komentarze-i-publikacje/komentarze/obywatelstwo-polskie-komentarz-do-ustawy-587710173

99. Jolowicz, H.F.and Nicholas, Barry. Historical Introduction to the Study of Roman Law, 3rd ed., Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

100. Johan Meeusen. Nothing More Than a Rights Catalogue Serving EU Citizens' Private Interests? Three Insights for an Alternative Assessment of EU Citizenship // Heidelberg Journal of International Law 86(1):261-298.

101. Jones, J. Mervyn. British Nationality Act, 1948 // The British Yearbook of International Law. Twenty-fifth year of issue. 1948.

102. Kalekin-Fishman, Devorah, Pitkanen, Pirkko. Multiple Citizenship as a Challenge to European Nation-States, Rotterdam: Sense Publishers. 2007.

103. Kalev, Leif. Multiple and European Union citizenship as challenges to Estonian citizenship policies. Tallin. 2006.

104. Killerby, Margaret. Steps taken by the Council of Europe to promote the modernization of nationality laws of European states // O'Leary, Siofra and Tilikaninen, Teija (eds.), Citizenship and Nationality Status in the New Europe. London: Institute for Public Policy Research/Sweet and Maxwell. 1998.

105. Kimminich, Otto. The Conventions for the Prevention of Double Nationality and Their Meaning for Germany and Europe in a Era of Migration // German Year Book of International Law. 38 ed. 1996.

106. Kochenov D., Dimitrovs A. EU Citizenship for Latvian Non-Citizens: A Concrete Proposal // European Papers. 2019. Vol. 4. No. 1. P. 239–248.

107. Koslowski, Rey. Challenges of International Cooperation in a World of Increasing Dual Nationality // Hailbronner, Kay and Martin, David eds., Rights and Duties of Dual Nationals: Evolution and Prospects. URL: https:// www.albany.edu/~rk289758/documents/documents/Koslowski_IntlCooperation_Dual_ Nationality.pdf

108. Koslowski, Rey. Dual Nationality and Military Service: Changing International Norms and Policy Challenges, presented at Dual Citizenship and Identity in the Global Context. Institute for the Study of Economic Culture. Boston University. May 6, 2000. цит. по: Koslowski, Rey. Challenges of International Cooperation in a World of Increasing Dual Nationality. // Martin, David A. and Hailbronner, Kay (eds.), Rights and Duties of Dual Nationals. The Hague/London/New York: Kluwer Law International. 2003.

109. Krasniqi, Gezim. Contested States as Liminal Spaces of Citizenship: Comparing Kosovo and the Turkish Republic of Nothern Cyprus // Ethnopolitics. 2019. Vol. 18. Issue 3. PP. 298-314.

110. Marcane, Luis Fernández. Contribución al estudio de la doble nacionalidad de los hijos de Españoles nacidos en América. La Habana: Imprente «El Siglo XX», 1924. P. 43-57. Цит. по: Boll, Alfred M. Multiple Nationality and International law. Martinus Nijhoff Publishers. Leiden/Boston. 2007.

111. Marín López, Antonio. La doble nacionalidad en los tratados suscritos por España con las Repúblicas Americanas // Anuario Español de Derecho Internacional. 1982. No. 6.

112. Martin, David A. “Introduction: The Trend Toward Dual Nationality”//David A. Martin and Kay Hailbronner (eds.), Rights and Duties of

Dual Nationals. The Hague/London/New York: Kluwer Law International. 2003. PP. 3-18.

113. Medved, Felicita. Slovenia: Country Report, EUDO Citizenship Observatory, 2010. URL: https://cadmus.eui.eu/handle/1814/19636?show=full

114. Moore, John B. A Digest of International Law. Volume 3. Washington: Government Printing Office. 1906. p. 575. URL: https://ia802606.us.archive.org/8/items/digestofinternat03mooriala/digestofinternat03mooriala_bw.pdf

115. McLachlan C. The Principle of Systemic Integration and Article 31 (3) (c) of the Vienna Convention // International and Comparative Law Quarterly. 2005. Vol. 54. PP. 279-319.

116. Moore, John B. The Principles of American Diplomacy. New York, London, Harper & brothers. 1918.

117. Moore, John Bassett. International Arbitrations to which the United States has been a party. Volume III. 1898. P. 2529 – 2531.

118. Moritz, Michael D. The Value of your Ancestors: Gaining "Back-Door" Access to the European Union Through Birthright Citizenship // Duke Journal of Comparative & International Law. Vol. 26. 2016. PP. 229-267. URL: https://scholarship.law.duke.edu/djcil/vol26/iss1/4/

119. Murazumi, Mie. Japan’s Law on Dual Nationality in the Context of a Globalized World // Washington International Law Journal. 2000. Vol. 9. № 2. P. 425-426. URL: https://digitalcommons.law.uw.edu/wilj/vol9/iss2/6/

120. Naujoks, Daniel. Dual citizenship. The discourse on ethnic and political boundary-making in Germany. URL: http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/kurzdossiers/58010/discourse (дата последнего обращения 14.03.2019)

121. Oppenheim, Lassa Francis. International law. A treatise. ed. Hersch Lauterpacht. London: Longmans, Green & Co., 1948.

122. Ostergaard-Nielsen, Eva. Dual citizenship: policy trends and political participation in EU member states. Brussels, European Parliament, 2008.

123. Pogonyi, Szabolcs. Dual Citizenship and Sovereignty. // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. № 39(5). 2011. P. 685 – 704.

124. Qafisheh, Mutaz. 2007. The International Law Foundations of Palestinian Nationality. A Legal Examination of Palestinian Nationality under the British Rule. Genève. 339 p. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/20642418.pdf.

125. Ricardo García Antón. Rethinking the Social Contract in a Regional Integration Dimension (The European Union): A Response to the 2024 Montesquieu Lecture by Prof. Tsilly Dagan. // Tilburg Law Review 29 (2024), 25-32.

126. Robertson, Bruce G. The Scrutiny of New Citizens at Athens // Hunter, Virginia and Edmonson, Jonathan (eds.), Law and Social Status Classical Athens, Oxford: Oxford University Press. 2000. pp. 149-174.

127. Rousseau, Charles. Droit international public, Paris, 1953.

128. Sánchez Miguel Castro A.F. A Tale of Two Nationalities: Dual Nationality and Jurisdiction Ratione Personae in Investment Treaty Arbitration. Spanish Yearbook of International Law, Vol. 29 (2025). PP. 133-171.

129. Serhii Lashyn, The effects of enlargement on European Union citizenship// Yearbook of European Law, 2026, https://doi.org/10.1093/yel/yeaf012.

130. Serhii Lashyn. The Aporia of EU Citizenship // Liverpool Law Review (2021) 42:361–377.

131. Shaw, J 2010 'Citizenship: Contrasting Dynamics at the Interface of Integration and Constitutionalism' University of Edinburgh, School of Law, Working Papers, SSRN. DOI:10.2139/ssrn.1585938.

132. Sheng, Yu. China's nationality law and the principles of international law // Selected articles from the Chinese Yearbook of International Law, ed. Chinese Society of International Law. Beijing: China Translation and Publishing Corp., 1983.

133. Slaughter, Anne-Marie. International Law in a World of Liberal States. // European Journal of International Law. 1995. http://ejil.org/pdfs/6/1/1310.pdf

134. Sorensen, Jens Magleby. The Exclusive European Citizenship: The Case for Refugees and Immigrants in the European Union, reprint. ed., Aldershot / Brookfield / Singapore / Sydney: Ashgate. 1999.

135. Spiro, Peter J. Dual citizenship as human right//International Journal of Constitutional Law. 2010.

136. Spiro, Peter J. Dual Nationality and the Meaning of Citizenship//46 Emory Law Journal. Atlanta. 1997.

137. Sucharitkul, Sompong. Thai nationality in international perspective // Nationality and international law in Asian perspective, ed. Ko Swan Sik. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1990.

138. Tellegen-Couperus, Olga. A Short History of Roman Law, reprint. ed., London / New York: Routledge. 2002.

139. The New Encyclopaedia Britannica. Macropaedia, 15th ed., Vol. 20, Encyclopaedia Britannica, Inc., 1993.

140. You Kexin. The Jurisdictional Maze: Dual Nationality in International Investment Arbitration //Asian International Arbitration Journal. Volume 21, Issue 1 (2025) PP. 67-88.

141. Vink, Maarten, Schakel, Arjan H., Reichel, David, Luk, Ngo Chun, de Groot, Gerard-Rene. The International Diffusion of Expatriate Dual Citizenship // Migration Studies, Vol. 7. Issue 3, September 2019. P 362-363. URL: https://academic.oup.com/migration/article/7/3/362/5488849.

142. Wagner L.-J. Member State Nationality under EU Law – To be or not to be a Union Citizen? // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2021. Vol. 28(3).

143. Wagner, Lorin-Johannes: Fury and Surprise Anchored in Dogmas and Myths: Reflections on Commission v. Malta and its Discontents, VerfBlog, 2025/5/26, https://verfassungsblog.de/fury-and-surprise-anchored-in-dogmas-and-myths/

144. Whiteman, Marjorie M. Digest of international law, U.S. Government Printing Office. 1967.

145. Zawada, Przemysław. Dual Citizenship in Poland and in Israel: Selected Legal Aspects in a Comparative Perspective // Polish Political Science Yearbook, vol. 47(2). 2018, pp. 302–318. URL: https://czasopisma.marszalek.com.pl/images/pliki/ppsy/47-2/ppsy2018210.pdf

146. Zeidler, Miklos. Treaty of Trianon, in 1914-1918-online International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/trianon_treaty_of

147. Ziemele, Ineta and Schram, Gunnar G. “Article 15” // Alfredsson, Gudmundur and Asbjorn Eide (eds.), The Universal Declaration of Human Rights: A Common Standard of Achievement. The Hague/Boston/London: Martinus Nijhoff Publishers. 1999. PP. 297-323.

148. Zilbershats, Yaffa. The Human Right to Citizenship. Ardsley, N.Y.: Transnational Publishers, Inc., 2002.

Международные договоры

149. Additional Protocol between the Kingdom of Spain and the Republic of Colombia amending the Convention on double nationality of 27 June 1979, Bogota, 14 September 1998. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028007fb1b&clang=_en

150. Additional Protocol between the Kingdom of Spain and the Republic of Nicaragua amending the Agreement on dual nationality of 25 July 1961, Managua, 12 November 1997. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280095da9&clang=_en;

151. Additional Protocol between the Kingdom of Spain and the Republic of Paraguay amending the Convention on dual nationality of 25 June 1959, Asuncion, 26 June 1999. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280083baa&clang=_en;

152. Additional Protocol between the Kingdom of Spain and the Republic of Costa Rica amending the Treaty on dual nationality of 15 June 1966, Tegucigalpa, 13 November 1999. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028007ce9c&clang=_en;

153. Additional Protocol between the Kingdom of Spain and the Republic of Bolivia amending the Agreement on dual nationality of 14 April 1969, Madrid, 18 October 2000. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280085506&clang=_en;

154. Additional Protocol between the Kingdom of Spain and the Republic of Argentina amending the Convention of 14 April 1969 on nationality, Buenos Aires, 6 March 2001. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028007ffec&clang=_en

155. Agreement between Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden concerning citizenship, Copenhagen, 13 September 2010. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280352577&clang=_en

156. Agreement between Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden concerning citizenship, Copenhagen, 13 September 2010. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280352577&clang=_en

157. Agreement between Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden on the implementation of certain provisions concerning citizenship, Copenhagen, 23 October 1998. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280095521&clang=_en ;

158. Agreement between Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden on the implementation of certain provisions concerning nationality, Copenhagen, 14

January 2002. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280079b19&clang=_en

159. Agreement between Denmark, Finland, Norway and Sweden on the implementation of certain provisions concerning nationality, Copenhagen, 15 January 1969. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280125468&clang=_en;

160. Agreement between Norway, Denmark and Sweden concerning the relationship between compulsory military service and nationality in Norway, Denmark and Sweden, Oslo, 3 March 1956. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=08000002801464f7&clang=_en;

161. Agreement between the Federal Republic of Germany and the Argentine Republic on the military service obligations of persons with dual nationality, Bonn, 18 September 1988. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201517/volume-1517-I-26282-English.pdf.

162. Agreement on dual citizenship between the Kingdom of Spain and the Republic of Ecuador, Quito, 4 March 1964. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028008e6f5&clang=_en;

163. Agreement on dual nationality between Dominican Republic and Spain, Santo Domingo, 15 March 1968. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=08000002801214ec&clang=_en

164. Agreement on dual nationality between Spain and Bolivia, La Paz, 12 October 1961. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028010ad21&clang=_en;

165. Agreement on dual nationality between Spain and Costa Rica, Madrid, 8 June 1964. URL:

https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028009afbb&clang=_en;

166. Agreement on dual nationality between Spain and Nicaragua, Managua, 25 July 1961. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280095d89&clang=_en;

167. Agreement on dual nationality between Spain and Paraguay, Madrid, 25 June 1959. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%202181/v2181.pdf

168. Agreement on dual nationality between Spain and Peru, Madrid, 16 May 1959. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%202166/v2166.pdf

169. Agreement on nationality between the Spanish State and the Republic of Guatemala, Guatemala City, 28 July 1961. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=08000002800a481a&clang=_en

170. Consolidated version of the Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. 2012. C 326.

171. Convention between the Government of the French Republic and the Government of the Spanish State concerning the national service of persons with dual nationality. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20746/volume-746-I-10709-English.pdf

172. Convention on Certain Questions Relating to the Conflict of Nationality Laws, the Hague, 12 April 1930. URL: http://eudo-citizenship.eu/InternationalDB/docs/Convention%20on%20certain%20questions%20relating%20to%20the%20conflict%20of%20nationality%20laws%20FULL%20TEXT.pdf

173. Convention on dual citizenship between Spain and Peru, Madrid, 16 May 1959. URL:

https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280086fe4&clang=_en;

174. Convention on nationality between Spain and the Republic of Argentina, Madrid, 14 April 1969. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028007ffd5&clang=_en

175. Convention on nationality, Madrid, 27 June 1979. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=08000002800eadf1&clang=_en

176. Convention to regulate the nationality of persons having dual nationality between Hungry and Poland, Budapest, 5 July 1961;

177. Declaration on Nationality of a Member State. Official Journal of the European Communities. C 191, 29/07/1992 P. 0098.

178. European Convention on Nationality. European Treaty Series. No 166. Strasbourg: Council of Europe.

179. Final Act, Seventh International Conference of American States, Montevideo, Uruguay, 3–26 December 1933, American Journal of International Law, 1933, vol. 28 Supplement, Concord, USA: The Rumford Press, 1933,

180. Model articles embodying principles relating to elimination or reduction of dual or multiple nationality // Final report of the Asian-African Legal Consultative Committee adopted at the 6th session. URL: http://www.aalco.int/Model%20Articles%20Embodying%20Principles.pdf

181. Naturalization Convention, May 13, 1870, U.S.-U.K., U.S. Treaty Series № 130 URL: https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/b-gb-ust000012-0158.pdf.

182. Treaty between the Hungarian People's Republic and the German Democratic Republic regulating questions of dual nationality, Budapest, 17 December 1969. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20986/volume-986-I-14408-English.pdf.

183. Treaty between the Hungarian People's Republic and the German Democratic Republic regulating questions of dual nationality, Budapest, 17 December 1969. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20986/volume-986-I-14408-English.pdf

184. Treaty between the United States and Great Britain, 1871 (Washington Treaty). URL: https://www.trans-lex.org/502000/_/treaty-between-the-united-states-and-great-britain-1871-/

185. Treaty on dual nationality between the Kingdom of Spain and the Republic of Honduras, Tegucigalpa, 15 June 1966. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028007ce68&clang=_en;

186. Венская конвенция о дипломатических сношениях, принята 18 апреля 1981 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml

187. Венская конвенция о консульских сношениях, заключена в г. Вене 24 апреля 1963 года. //Сборник международных договоров СССР, вып. XLV.-М., 1991. С. 124 – 147.

188. Венская конвенция о праве международных договоров 23 мая 1969 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml

189. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года. URL: http://www.un.org/ru/ documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

190. Второй Протокол о внесении изменений в Конвенцию о сокращении числа случаев множественного гражданства и воинской обязанности в случаях множественного гражданства от 2 февраля 1993 года URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/149.

191. Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин, принятая резолюцией 2263 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 7 ноября 1967 год. URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/women_discrimination.shtml;

192. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml

193. Директива 2004/38/ЕС Европейского Парламента и Совета от 29 апреля 2004 года о праве граждан ЕС и членов из семей на свободное передвижение по территории государств-членов. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2004/38/oj

194. Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве, Сочи, 24 ноября 2014 года // Собрание законодательства РФ. 13 апреля 2015 г. N 15. Ст. 2201.

195. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 О создании Союзного государства // Бюллетень международных договоров, N 3, 2000.

196. Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции, Москва, 18 марта 2015 года // Собрание законодательства РФ. 14 сентября 2015 г. N 37. Ст. 5126.

197. Договор между Российской Федерацией и Таджикистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства, Москва, 7 сентября 1995 года // Бюллетень международных договоров. 2005. N 4. С. 30 - 33.

198. Договор между СССР и Чехословацкой Социалистической Республикой о предотвращении возникновения двойного гражданства, Москва, 6 июня 1980 года // Ведомости ВС СССР. 12 августа 1981 г. N 32. Ст. 950.

199. Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Молдова, Москва, 19 ноября 2001 года // Собрание законодательства РФ. 1 июля 2002 г. N 26. Ст. 2524.

200. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Республикой Армения, Москва, 29 декабря 1991 года // «Дипломатический вестник», N 2, 1992.

201. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан, Москва, 10 июня 1992 года // Ведомости СНД и ВС РФ. 22 октября 1992 г. N 42. Ст. 2340.

202. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия, Москва, 17 сентября 2008 года // Собрание законодательства РФ. 9 февраля 2009 г. N 6. Ст. 685;

203. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия, Москва, 17 сентября 2008 года // Собрание законодательства РФ. 9 февраля 2009 г. N 6. Ст. 686.

204. Договор об Европейском Союзе от 7 февраля 1992 года, в редакции Лиссабонского договора о внесении изменений в Договор об Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Союза от 13 декабря 2007 года. URL: http://eulaw.ru/treaties/teu/

205. Дополнительный протокол к Конвенции о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства от 27 ноября 1977 года. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/096;

206. Европейская конвенция о гражданстве. Страсбург, 6 ноября 1997 года. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007f2f6

207. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Хельсинки, 1 августа 1975 года. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf

208. Конвенция между СССР и Народной Республикой Болгарией об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством, София, 12 декабря 1957 года;

209. Конвенция между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики о предотвращении возникновения случаев двойного гражданства, Москва, 11 сентября 1975 года // Ведомости ВС СССР. 25 апреля 1984. N 17. Ст. 284;

210. Конвенция между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством, Улан-Батор, 25 августа, 1958 года // Ведомости ВС СССР. 11 декабря 1958 г. N 35. Ст. 426;

211. Конвенция между Правительством СССР и Правительством Польской Народной Республики о предотвращении возникновения случаев двойного гражданства, Варшава, 31 марта 1965 года // Ведомости ВС СССР. 13 апреля 1966 г. N 15. Ст. 225;

212. Конвенция между Правительством СССР и Правительством Социалистической Республики Румынии о разрешении и предотвращении возникновения случаев двойного гражданства, Москва, 28 июня 1978 года // Ведомости ВС СССР. 2 мая 1979 г. N 18. Ст. 331;

213. Договор между СССР и Чехословацкой Социалистической Республикой о предотвращении возникновения двойного гражданства, Москва, 6 июня 1980 года // Ведомости ВС СССР. 12 августа 1981 г. N 32. Ст. 950.

214. Конвенция между СССР и Народной Республикой Болгарией об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством, София, 12 декабря 1957 года // Ведомости ВС СССР. 14 апреля 1958 г. N 7. Ст. 141;

215. Конвенция между СССР и Чехословацкой Республикой об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством, Прага, 5 октября 1957 года // Ведомости ВС СССР. 7 августа 1958 г. N 17. Ст. 289;

216. Конвенция о гражданстве замужней женщины, принятая резолюцией 1040 (XI) Генеральной Ассамблеи от 29 января 1957 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/married_women_nationality.shtml;

217. Конвенция о консульских сношениях 1963 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/ conventions/pdf/consular.pdf

218. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml

219. Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/ decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата последнего обращения 14.03.2019).

220. Конвенция о сокращении безгражданства от 30 августа 1961 года. URL: http://www.un. org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/statelessness.pdf (дата последнего обращения 14.03.2019).

221. Конвенция о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства, Страсбург, 6 мая 1963 года. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168006b7f4

222. Конвенция о статусе апатридов 24 сентября 1954 года. URL: http://www.un.org/ru/ documents/decl_conv/conventions/apatride.shtml (дата последнего обращения 14.03.2019).

223. Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств, заключенная в г. Вашингтоне 18 марта 1965 года // СПС КонсультантПлюс.

224. Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве, Гаага, 12 апреля 1930 года. URL: http://docs.cntd.ru/document/1900750

225. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года.

226. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата последнего обращения 14.03.2019).

227. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml

228. Мирный Договор между Союзными и Объединившимися державами и Германией. Версаль, 28 июня 1919 года. // СПС КонсультантПлюс

229. Протокол о внесении изменений в Конвенцию о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства от 24 ноября 1977 года. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/095

230. Протокол о прекращении действия Соглашения между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства от 10 апреля 2003 года. // СПС КонсультантПлюс

231. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия об урегулировании вопросов двойного гражданства от 27 сентября 2022 года. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60949/

232. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о порядке вхождения отдельных подразделений Вооруженных Сил Республики Южная Осетия в состав Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва, 31 марта 2017 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-2/51972?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D1%8E%D0%B6%D0%BD%D0%B0%D1%8F+%D0%BE%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%8F&

_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1

233. Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства, Ашгабат, 23 декабря 1993 года // Бюллетень международных договоров. 1996. N 6. С. 11 – 13.

234. Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о неотложных мерах по формированию Военно-Морского Флота России и Военно-Морских Сил Украины на базе Черноморского флота, Москва, 17 июня 1993 года // Россия - Украина. 1990 - 2000. Документы и материалы. Кн. 1. 1990 - 1995. - М.: Международные отношения, 2001. С. 203 - 205.

Акты международных судебных органов

235. Advisory opinion of April 11th, 1949 // ICJ Reports, 1949, P. 186 URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/4/004-19490411-ADV-01-00-EN.pdf

236. Alicia Grace and Others v. United Mexican States. Final Award. 2024. URL: https://www.italaw.com/cases/7430.

237. Award of the Tribunal. Permanent Court of Arbitration. The Hague, 3 May 1912. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/516

238. Bahgat v. Arab Republic of Egypt, UNCITRAL, Decision on Jurisdiction, 30 November 2017, URL: https://www.italaw.com/cases/documents/8361.

239. Case concerning Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo). Judgment of 24 May 2007 // Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. International Court of Justice. Para. 39. URL: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/103/103-20070524-JUD-01-00-EN.pdf

240. Case concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited. Judgement of 5 February 1970. // Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. International Court of Justice. P. 32. URL: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/50/050-19700205-JUD-01-00-EN.pdf

241. Dawood Rawat v. Republic of Mauritius. UNCITRAL. Decision. Award of 6 April 2018. URL: https://www.italaw.com/cases/3775.

242. Ivcher-Bronstein Case (Baruch Ivcher Bronstein vs. Peru), Inter-American Court of Human Rights (IACrtHR), 6 February 2001. URL: https://www.refworld.org/cases,IACRTHR, 44e496434.html; Eritrea-Ethiopia Claims Commission - Partial Award: Civilian Claims - Eritrea's Claims 15, 16, 23 and 27-32, December 17, 2004. URL: http://legal.un.org/riaa/cases/vol_XXVI/195-247.pdf (дата последнего обращения 14.03.2019).

243. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 2 March 2010. Janko Rottman v Freistaat Bayern. European Court Reports 2010 I-01449

244. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 29 April 2025. European Commission v Republic of Malta. ECLI:EU:C:2025:283

245. Judgment of the Court of 12 May 1998. - María Martínez Sala v. Freistaat Bayern. European Court Reports 1998 I-02691

246. Judgment of the Court of 17 September 2002. Baumbast and R v Secretary of State for the Home Department. European Court reports 2002 Page I-07091

247. Judgment of the Court of 20 September 2001. Rudy Grzelczyk v Centre public d'aide sociale d'Ottignies-Louvain-la-Neuve. European Court Reports 2001 I-06193

248. Nationality Decrees Issued in Tunis and Morocco on Nov. 8th, 1921, Advisory Opinion, 1923 P.C.I.J. (ser. B) No. 4 (Feb. 7). URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1923.02.07_morocco.htm (дата последнего обращения 14.03.2019).

249. Permanent Court of International Justice. Reports. Ser. A/B. № 44. 1932. P. 24.

250. Raimundo J. Santamarta Devis v. Bolivarian Republic of Venezuela. PCA Case No. 2020-56. Award on Jurisdiction Ratione Personae. URL: https://www.italaw.com/cases/9048.

251. Reports of International Arbitral Awards. Merge Case – Decision № 55. Volume XIV PP. 236-248. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_XIV/236-248.pdf

252. Serafín García Armas and Karina García Gruber v. Bolivarian Republic of Venezuela. UNCITRAL. Award on Jurisdiction, 15 December 2014. URL: https://www.italaw.com/cases/2869.

253. The Nottebohm case, Liechtenstein v. Guatemala, Second Phase, 6 April 1955, I.C.J. Reports 1955.

254. Дело Ноттебома. Решение от 6 апреля 1955 года. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948 – 1991. Организация Объединенных наций. Нью-Йорк. 1993. URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1. pdf

255. Доклад Комиссии международного права Пятьдесят восьмая сессия (1 мая - 9 июня и 3 июля - 11 августа 2006 года). С. 17. URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/61/10

Документы Генеральной Ассамблеи ООН, Совета Европы, конференций и иных мероприятий

256. Explanatory Report to the European Convention on Nationality Strasbourg, 6.XI.1997. Para. 101 // European Treaty Series. № 166. URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800ccde7

257. Harvard Draft «The Law of Nationality». URL: http://www.uniset.ca/naty/maternity/23AJILSS13.pdf

258. Institute of International Law, Resolutions Adopted at Saint-Jacques-de-Compostelle (The Protection of Human Rights and the Principle of Non-intervention in Internal Affairs of States, Article 1) URL: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2019/06/Annexe-1bis-Compilation-Resolutions-EN.pdf

259. Report on Multiple Nationality, adopted by the Committee of Experts on Nationality, Council of Europe, 30 October 2000, CJ-NA(2000)13. P. 4. URL: https://rm.coe.int/16807004f3 (дата последнего обращения 14.03.2019).

260. Доклад Комиссии международного права Пятьдесят восьмая сессия (1 мая - 9 июня и 3 июля - 11 августа 2006 года). URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/61/10

261. Ежегодник Комиссии Международного права. Доклад Комиссии Генеральной Ассамблее о работе ее пятьдесят второй сессии. Том II (часть вторая). С. 97. URL: http://legal.un.org/docs/index.asp?path=../ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2000_v2_p2.pdf&lang=EFSRAC&referer=http://legal.un.org/ilc/reports/2000/ (дата последнего обращения 14.03.2019).

262. Коммюнике о встрече Президентов России и Украины, Москва, 17 июня 1993 года // Дипломатический вестник. 1993. N 13 - 14. С. 29.

263. Резолюция Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций от 12 декабря 2001 года № 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». URL: http://docs.cntd.ru/document/901941379

264. Статьи о гражданстве физических лиц в связи с правопреемством государств, принятые Комиссией международного права ООН в 1999 г. // Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 55/153 от 12 декабря 2000 г. «Гражданство физических лиц в связи с правопреемством государств». Приложение. Док. ООН A/RES/55/153. URL: https://digitallibrary.un.org/record/429362?v=pdf

Конституции государств

265. Конституция Российской Федерации. URL: http://www.constitution.ru/

266. Конституция Польской Республики от 2 апреля 1997 года. URL: http://www.concourt.am/
armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/poland/poland-r.htm

267. Конституция Эстонской Республики. URL: https://v1.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/ elfinder/ru-seadused/%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%A1%D0%A2%D0%98%D0%A2%D0%A3%D0%A6%D
0%98%D0%AF%20(%D0%9E%D0%A1%D0%9D%D0%9E%D0%92%D0%9D%D0%9E%D0%99%20%D0%97%D0%90%D0%9A%D0%9E%D0%9D)%20%D0%AD%D0%A1%D0%A2%D0%9E%D0%9D%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%99%20%D0%A0%D0%95%D0%A1%D0%9F%D0%A3%D0%91%D0%9B%D0%98%D0%9A%D0%98_13.08.pdf (дата последнего обращения 14.03.2019).

Внутригосударственные правовые акты

268. Advice about Possible Loss of U.S. Nationality and Dual Nationality. US Department of State. URL: https://travel.state.gov/content/travel/en/legal/travel-legal-considerations/Advice-about-Possible-Loss-of-US-Nationality-Dual-Nationality.html

269. Afroyim v. Rusk, 387 U.S. 253. 1967. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/387/253/

270. Dual Nationality. US Department of State. URL: https://travel.state.gov/content/travel/en/legal/travel-legal-considerations/Advice-about-Possible-Loss-of-US-Nationality-Dual-Nationality/Dual-Nationality.html

271. German Nationality Act. URL: https://web.archive.org/web/20120403102105/http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Gesetzestexte/EN/Staatsangehoerigkeitsgesetz_englisch.pdf?__blob=publicationFile (дата последнего обращения 14.03.2019).

272. Kawakita v. United States, 343 U.S. 717, reh'g denied, 344 U.S. 850 (1952)

273. Nationality Act of 1940, ch. 876, §401(e), P. 1168, 1169. URL: http://library.uwb.edu/Static/ USimmigration/54%20stat%201137.pdf

274. Oppenheimer v. Cattermole. URL: https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1975/TC_50_ 159.pdf (дата последнего обращения 14.03.2019).

275. Perez v. Brownell, 356 U.S. 44. 1958. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/ us/356/44/

276. Perkins v. Elg, 307 U. S. 325, 329. 1320 (1939). URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/307/325/#329

277. Secretary Hull to all American consular offices in Spain except Vigo, Dec. 21, 1937, MS. Department of State, file 352.11/271A, цит. по: Green Haywood Hackworth. Digest of International Law. Vol. 3. 1942. P. 354. URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=osu.32435024241929&view=1up&seq=364

278. Выписка из протокола заседания Совета ГД ФС РФ от 04.04.2017 № 37 «О проекте федерального закона № 98097561-2 «О ратификации Европейской конвенции о гражданстве» // СПС КонсультантПлюс.

279. Закон Республики Польша от 2 апреля 2009 года «О польском гражданстве». URL: http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=wdu20120000161

280. Закон РСФСР от 28.11.1991 № 1948-1 «О гражданстве РСФСР» // «Ведомости СНД и ВС РФ», 06.02.1992, N 6, ст. 243.

281. Паспорт проекта Федерального закона № 98097561-2 «О ратификации Европейской конвенции о гражданстве» // СПС КонсультантПлюс.

282. Поправка XIV к Конституции Соединенных Штатов Америки. URL: https:// www.constitutionfacts.com/content/constitution/files/USConstitution_Russian.pdf

283. Постановление Правительства РФ от 31.08.1994 N 1064 «О мерах по поддержке соотечественников за рубежом» // СПС КонсультантПлюс.

284. Пояснительная записка «По вопросу о ратификации Европейской конвенции о гражданстве». Паспорт проекта Федерального закона № 98097561-2 «О ратификации Европейской конвенции о гражданстве» // СПС КонсультантПлюс.

285. Распоряжение Президента Российской Федерации от 4 августа 2021 года № 205-рп «О подписании Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об урегулировании вопросов двойного гражданства» // Собрание законодательства РФ. 09.08.2021 года. N 32. ст. 6001

286. Статья 16А Основных законов Государства Израиль. URL: http://knesset.gov.il/laws/ru/yesodru4. pdf

287. Указ Президента Российской Федерации № 183 от 24 апреля 2019 года «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке».

288. Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2025 года № 328 «О приеме в гражданство Российской Федерации граждан Республики Абхазия и Республики Южная Осетия».

289. Федеральный закон от 24.05.1999 N 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Собрание законодательства РФ, 31.05.1999, N 22, ст. 2670.

290. Федеральный закон Российской Федерации от 31.05.2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.06.2002, № 22, ст. 2031.

291. Федеральный закон Российской Федерации от 28.04.2023 года № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 01.05.2023, № 18, ст. 3215.